

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ. ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ

Материалы докладов VIII Всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых исследователей

Екатеринбург, 28 ноября 2015 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 94(0)
ББК ТЗ(О)я43
М 63

Редакционная коллегия:
Н. Б. Городецкая, Я. В. Левинская, Н. А. Павлюкова,
У. Е. Головачева (отв. за выпуск)

М 63 Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию : материалы докл. VIII Всероссийск. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых исследователей. Екатеринбург, 28 ноября 2015 года. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2016. – 176 с.

ISBN 978-5-7996-1811-7

В сборнике опубликованы материалы VIII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей «Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию», проведенной департаментом «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина 28 ноября 2015 года. Материалы объединены общей проблематикой – исследования и интерпретации исторических источников. Хронологически материалы охватывают различные периоды истории: от первобытных культур и древних цивилизаций до современности.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей.

УДК 94(0)
ББК ТЗ(О)я43

ISBN 978-5-7996-1811-7

© Уральский федеральный университет, 2016

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Т. А. Косых

Уральский федеральный университет

Образ Востока в «Истории Расселаса, принца Абиссинского» С. Джонсона

Восток был благодатной темой для бесчисленного множества литературных произведений европейских просветителей, будь то знаменитые «Персидские письма» Монтескьё, «Кандид, или Оптимизм» Вольтера, «Гражданин мира, или Письма китайского философа» Голсдмита. В этой связи интересна и восточная повесть «История Расселаса, принца Абиссинского», опубликованная известным английским лексикографом, литературным критиком и эссеистом Сэмюэлом Джонсоном. «История Расселаса» является ярким примером произведения эпохи Просвещения, причудливо сочетающим подчас самые противоречивые представления европейцев о Востоке.

Доктор Джонсон, прославившийся в первую очередь созданием монументального «Словаря английского языка» 1755 г., написал «Историю Расселаса» в январе 1759 г. буквально за одну неделю. Подобная спешка была вызвана необходимостью автора расплатиться с долгами в связи с похоронами матери. Литератор вовсе не рассчитывал на успех произведения и лишь надеялся заработать. Однако повесть с восточным колоритом была тепло принята читателями и литературными критиками, что сделало ее одним из известнейших английских произведений XVIII в.

По сюжету повести принц Расселас, четвертый сын могущественного государя Абиссинии беззаботно живет в неприступном дворце Счастливой долины, «пока до него не дойдет очередь наследовать престол» [1, с. 1]. Однажды принц понимает, что безмятежная жизнь в долине ему опостылела, и он решает сбежать из долины со своей сестрой Некаей, ее служанкой Пекуей и мудрецом Имлаком. Беглецы путешествуют по Абиссинии и Египту, знакомясь с жителями Востока, их бытом и образом жизни, рассчитывая отыскать наисчастливейший образ жизни. Но в итоге, «рассудив хорошенько, и поняв, что их желание быть счастливыми не осуществимо, они возвращаются в Счастливую долину» [1, с. 278].

Каким же предстает Восток в «Истории Расселаса»? Во-первых, Джонсон изображает Восток как «вместилище романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний» [2, с. 7]. Принц Расселас живет в обширной долине в царстве Амгарском, окруженной со всех сторон неприступными горами. В долине, представляющей собой не что иное, как утопию, были собраны «все разнообразные красоты света, все блага природы: зло, казалось, было совсем изгнано отсюда» [1, с. 3]. На возвышении у берегов горного озера расположился дворец, в котором «жизнь абиссинских принцев и принцесс проходила единственно в приятных сменах удовольствий и отдыха» [1, с. 7]. Казалось бы, люди, живущие в блаженном заточении, обладали всем, чего желали, не стремились «разорвать эти прекрасные оковы» и не знали о бедствиях и раздорах, царящих в стране за пределами долины. В этом сюжете Джонсон словно повторяет существовавший романтический образ роскошного и безмятежного Востока.

Иначе Джонсон описывает Каир, в который прибыли беглецы из Счастливой долины. Каир представился абиссинцам как город, притягивающих к себе со всех концов света путешественников и торговцев «всяких наций: одни были приведены сюда любовью к науке, другие – корыстолюбием, а большая часть – желанием пожить на свободе среди многолюдства. Потому что в таком населенном городе можно наслаждаться удовольствиями общества и тишиной уединения» [1, с. 72]. Описание египетской столицы напоминает образ Лондона, о котором доктор Джонсон сказал однажды: «кто устал от Лондона, тот устал от жизни». Недаром главный критик Джонсона, историк Томас Маколей, один из ярчайших представителей вигской историографии, воображая Восток в соответствии с господствовавшим в Британии XIX в. ориенталистским дискурсом, писал следующее: «Расселас, Имлак, Некая и Пекуя, очевидно, должны были быть абиссинцами XVIII века. Но Джонсон не упоминает об отвратительных дикарях и их невежестве <...> В философах и просвещенных людях мы видим его друга Берка и его самого, в дамах – совершенных миссис Леннокс и миссис Шеридан, тем самым он переносит всю повседневную жизнь Англии в Египет». Действительно, Каир Сэмюэла Джонсона скорее был Лондоном XVIII столетия, чем Каиром этой же эпохи. К примеру, Расселас часто посещает «собрания, где в назначенные дни сходились ученые для умственного отдыха и обмена мыслями» [1, с. 122], что является аллюзией на английские клубы, столь популярные в Лондоне XVIII в. Философы, изображенные на страницах повести, оказываются подобны рисованным пером портретам друзей интеллектуала. Итак, Каир в «Истории Расселаса» предстал почти зеркальным отражением Лондона Джонсона. И даже опубликованные в разные годы издания «Истории Расселаса» подтверждают

это. В иллюстрациях к повести абиссинских беглецов часто изображают белокожими европейцами, а не темнокожими африканцами.

Интересно описание структуры власти в Египте по повести доктора Джонсона. В этом случае лексикограф повторяет европейские стереотипы о восточных деспотиях. Так, получивший доступ ко двору паши Расселас увидел, «что все достигшие высших степеней ненавидят друг друга и что вся жизнь их проходила в постоянных заговорах и доносах, в интригах и бегстве, в хитростях и обманах» [1, с. 131]. Власть самого паши неустойчива: «на языке каждого слышалось только осуждение, глаза всех подстерегали каждую его ошибку. Наконец пришел указ и о смене паши, и паша в цепях был отвезен в Константинополь, и больше не было о нем и помину. Вскоре после этого и новый паша был сменен. Султан, поставивший его на это место, был убит янычарами, а его преемник имел другие виды и новых любимцев» [1, с. 132].

Третий образ Востока в «Истории Расселаса» – это арабский Восток. Арабы представляются Джонсону как «народ пастушеский и в тоже время воинственный, с незапамятных времен ведущий войну с другими народами, вовсе не из зависти к ним или из желания присвоить себе их владения» [1, с. 55]. Образ жизни мусульман описывается соответственно, их главным промыслом является война, продолжающаяся с единственной целью – для умножения богатства [3, р. 21]. Об арабских женщинах автор придерживается не лучшего мнения. «Все занятие этих женщин состояло в детских играх, в которых не мог принимать участие ум, привыкший к серьезным занятиям. Они бегали то из одной комнаты в другую, как птичка в клетке скачет с одной палочки на другую. То плясали из одной потребности движения, как ягнята скачут иногда по лугу. Нередко они проводили целые часы в наблюдении за мелкими телами, плывшими по реке, или в рассматривании различных форм, образуемых облаками. Работа их состояла в шитье и вышивании» [1, с. 213]. Столь невысокое мнение о мусульманках разлилось с представлениями Джонсона о жителях Каира, которые пусть были «девицами веселого характера», по крайней мере, оказывались «приятны в общении». Негативный образ мусульман явственно свидетельствуют о том, что Джонсон не выходит за рамки представлений своих современников об исламском Востоке.

Кроме того, в «Истории Расселаса» отразилась дихотомия «Восток-Запад». Беседуя с принцем, мудрец Имлак заметил, что европейцы «какие-то высшие существа... В их странах нет желания, которое не могло бы быть осуществлено, тысячи искусств, нам неизвестные, беспрестанно готовы к увеличению их благосостояния и их удовольствий» [1, с. 64]. Причины такого рода превосходства европейцев виделись в силе просвещения. «Они сильнее нас, потому что умнее нас, – говорит Имлак, – но почему их познания обширнее наших, я не умею представить другой причины, кроме неисповедимой воли Верховного Существа» [1, с. 65]. Так, через слова

Имлака автор утверждает идею о вполне закономерном величии европейцев над жителями Востока.

Таким образом, в «Истории Расселаса, принца Абиссинского» сочетаются самые разнообразные представления, стереотипы и предрассудки европейцев о Востоке. В целом же мы можем выделять три ключевых образа Востока, нашедших свое отражение в повести. Во-первых, это Восток идеализированный, Восток – утопия, где образ жизни состоит в сменах развлечений и удовольствий. Во-вторых, это Восток христианский, торговый, столь близкий к Западу, а потому и почти полностью его копирующий. В-третьих, это мусульманский Восток, агрессивный, сущностью которого являются лишь войны и грабежи. По сути, Восток автора «Расселаса» остается европейской концепцией Востока XVIII столетия.

-
1. *Джонсон С.* История Расселаса, принца Абиссинского. СПб., 1875.
 2. *Caud Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
 3. *Khrisat A. A.* The Image of the Orient in Samuel Johnson's Rasselas (1759) // *Research on Humanities and Social Sciences*. 2012. Vol. 2, № 5. P. 20–27.

С. В. Немшанова

Уральский федеральный университет

Мехмед II Завоеватель глазами западных гуманистов XV в.

С именем султана Османской империи Мехмеда II (1444–1446, 1451–1481) прочно ассоциируется падение Константинополя 29 мая 1453 г., одно из самых ярких и в то же время трагичных событий всемирной истории. Его последствия оказались столь широки и многогранны, что катастрофу 1453 г. иногда называют тем самым рубежом, который отделяет период Средних веков от Нового времени.

Гибель Византийской империи не могла не вызвать соответствующего отклика в Европе, а также повышенного интереса интеллектуальной элиты того времени к фигуре молодого султана-завоевателя. С одной стороны, он внушал европейцам страх. Его сравнивали с Ганнибалом, Нероном, Калигулой и др., называли «провозвестником Антихриста», «сыном смерти, жаждущим христианской крови» и т. д. [1, с. 143]. Неоднократно подчеркивали сходство султана с его кумиром – Александром Македонским [2, с. 324; 3, с. 326; 4, с. 330]. Итальянский гуманист Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II), описывая ужасы, происходившие в захваченном

турками Константинополе, не стеснялся говорить о Мехмеде II в самых резких выражениях и приписывать ему аморальные деяния, достоверность которых вряд ли с уверенностью можно подтвердить или опровергнуть. Так, по его словам, «...этот омерзительнейший вожак турок или, вернее сказать, отвратительное животное» на глазах у всех изнасиловал девушку и ее брата-подростка королевских кровей у алтаря храма Святой Софии [5, с. 319].

С другой стороны, в противовес столь отталкивающим и пугающим слухам о правителе Османской империи неоднократно отмечалось, что Мехмед II питал большой интерес к античной и византийской культуре, знал несколько языков, в том числе греческий и латинский (хотя данное утверждение неоднозначно). Гуманисты отмечали «живой и острый ум» молодого султана и то, что он, даже будучи постоянно занятым государственными делами, продолжает совершенствовать свое образование, особенно в области древней истории, философии и литературы [3, с. 326]. Примечательно, что на родине Мехмеда II почетно именовали не только Завоевателем («Фатих»), но и Отцом Добрых Дел («Абул-Хайрат»), так как султан активно покровительствовал наукам и искусству, особенно поэзии [6, р. 19]. Тем не менее, описывая падение византийской столицы, западные гуманисты в один голос возвещали о невосполнимой культурной утрате и исчезновении греческого наследия для мировой культуры [2, с. 322; 7, с. 313].

Таким образом, Мехмед II долго оставался для Запада весьма противоречивым, но, безусловно, выдающимся правителем. И хотя одни интеллектуалы клеймили его варваром и убийцей (возможно, в угоду своим высокопоставленным покровителям и общественному мнению), другие описывали его как философа, хвалили за терпимость, а иногда рассматривали как правителя-гуманиста [8, р. 141]. Впоследствии даже появились сочинения, обращенные к султану с предложением принять христианство и встать во главе объединенной мировой империи. И хотя подобные произведения, имевшие весьма большую популярность в образованных светских кругах Европы, скорее всего, никогда не были в руках Великого Турка, они стали значимым шагом к пересмотру взглядов европейцев на Средиземноморскую политику и к постепенному налаживанию диалога между латинским Западом и исламским Востоком.

1. *Hankins J.* Renaissance Crusades: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. № 49. P. 111–207.

2. Письмо Лауро Квирины к папе Николаю V от 15 июля 1453 г. // И. П. Медведев. Падение Константинополя в греко-латинской гуманистической публицистике XV в. Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 321–325.

3. Речь Николая Секундина к королю Альфонсу // И. П. Медведев. Падение Константинополя в греко-латинской гуманистической публицистике XV в. Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 325–329.
4. Письмо Георгия Трапезундского к султану Мехмеду II // И. П. Медведев. Падение Константинополя в греко-латинской гуманистической публицистике XV в. Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 329–332.
5. Письмо Энея Сильвио Пикколомини Николаю Кузанскому от 21 июля 1453 г. // И. П. Медведев. Падение Константинополя в греко-латинской гуманистической публицистике XV в. Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 324–318.
6. *Nicolle D.* Constantinople 1453. The end of Byzantium. Oxford, 2002.
7. Письмо Энея Сильвио Пикколомини к папе Николаю V от 12 июля 1453 г. // И. П. Медведев. Падение Константинополя в греко-латинской гуманистической публицистике XV в. Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 312–314.
8. *Yapp M. E.* Europe in the Turkish Mirror // Past and Present. 1992. № 137: The Cultural and Political Construction of Europe. P. 134–155.

Секция I

РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Д. В. Емельянов

Алтайский государственный университет

Лыжи как историко-этнографический источник по изучению деревообработки кумандинцев (конец XIX – начало XX в.)

Охотничий промысел как часть традиционной народной культуры северных алтайцев на протяжении длительного времени развивается благодаря использованию лыж. Данный компонент традиционной транспортной культуры получил свое распространение вследствие достижения коренным населением Северного Алтая высокого уровня деревообработки. Говорить об этом мы можем на основе анализа технолого-конструктивных особенностей лыж.

В качестве основного материала для изготовления лыж кумандинцы выбирают тополь или черемуху, а также березу и осину [1; 2, с. 107]. Это обусловлено тем, что данные сорта древесины по своей структуре мягкие, крепкие, плотные, а также плохо раскалываются. Поэтому лыжи могут воспринимать большую нагрузку, подвергаться частому намоканию и служить при этом долгий срок охотнику.

Прежде чем довести бревно дерева до состояния доски, ему придавали вид полубревна. Для этого маломерное бревно раскалывали при помощи березовых клиньев. «Их вбивали обухом топора посередине, вдоль всего кругляка, пока он не раскалывался на пополам» [3]. Полученному полубревну придавали форму досок, и после этого при помощи топора и рубанка доски доводились до необходимой толщины и ширины. Один из концов каждой заготовки оставляли прямым, а другой – заостренным. Первый конец доски служил пяткой лыж, а второй – носиком.

Североалтайские охотники, для того чтобы придать носкам лыж загнутый вид, распаривали заготовку. Для этого жарко топилась баня, и в горячую воду спускали заостренные дощечки на сутки [3]. Чтобы придать

распаренной заготовке конечный загнутый вид, применялось самодельное приспособление, так называемый «изгиб». Оно представляло собой две поставленные на ребро доски, при этом противоположные к торцам досок края полого заострены. Между собой доски соединены пятью поперечниками (рейками). Рейки прибивали к доскам гвоздями сверху, пятая – на их заостренные концы [4, с. 45]. Носки лыж гнули следующим образом: на пятую поперечину загиба клали заостренные концы заготовок. К поперечине их притягивали шестой рейкой [4, с. 45]. Ее прибивали рядом, параллельно пятой поперечине. После этого носки лыж медленно сгибали. Основы лыж притягивали к приспособлению при помощи дополнительных поперечин [3].

На место ступательной площадки прибивался прямоугольный брусочек бересты или тоненькая дощечка. Это было необходимо для более крепкого сцепления обуви и лыжи, а также предохраняла обувь от обledenения. Крепление лыж двухпетельное: одна петля для проведения носка, а другая – пятки; петли сделаны из сыромятных ремней. Основным материалом для изготовления ремней, например у кумандинцев, служила коровья кожа, которую вымачивают в навозе, пока не опреют все волосы. Затем шкуру выскабливали и нарезали на ремни [5]. Ремни пропускались сквозь две пары отверстий. Ремень переднего крепления снаружи цельный, посередине прорезана небольшая щель, в которую продет и завязан большой петлей неширокий ремешок. Ремень пяточного крепления имеет на одном конце небольшой разрез для продевания другого конца, завязываемого в петлю для носка.

На этом процесс изготовления такого вида лыж, как голицы заканчивался, а для подволока наступал следующий этап – обтягивание ступательной поверхности лыж меховой обшивкой, так называемым камусом. Основными способами крепления камуса являлись прибивка гвоздями, пришивка бечевкой, а также шнуровка. Однако пришивка осуществлялась не только бечевкой, но и леской, а также сухожилиями [5]. По имеющимся описаниям обшивка обычно составлялась из нескольких кусков камуса, иногда даже из камусов разных животных. Она покрывала всю скользящую поверхность и в виде узкого ободка загибалась на несскользящую поверхность лыжи [6, с. 79].

Исходя из вышеописанных методов и способов деревообработки при изготовлении лыж, мы подтверждаем тезис, что обработка дерева занимает важное место в домашней хозяйственной жизни северных алтайцев. Традиционные деревянные и берестяные изделия до появления в широком обиходе современных керамических, деревянных, пластмассовых и металлических изделий оставались преобладающими в ремесленной деревообработке. Поскольку гончарство в конце XIX – первой четверти XX в. отсутствовало или

было слабо развито, а из железа изготавливались преимущественно предметы охотничьего вооружения [2, с. 107].

1. См.: Полевые исследования в местах традиционного проживания кумандинцев Алтайского края (в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-01-00170 «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона»). ПМ автора. 2014 год.

2. См.: *Потанов Л. П.* Разложение родового строя у племен северного Алтая (материальное производство). М.; Л., 1935.

3. Материалы этнографических экспедиций АлтГУ. Ф. № 1. Папка № 1. Карточка № 29.

4. См.: *Назаров И. И.* Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул, 2013.

5. См.: Материалы этнографических экспедиций АлтГУ. Ф. № 1. Папка № 3. Карточка № 25.

6. См.: *Левин М. Г.* Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

Е. А. Михалева

Уральский федеральный университет

Связь нагайбаков с другими народами на основе анализа похоронно-поминального комплекса

Нагайбаки – коренной малочисленный народ, проживающий на Южном Урале в Нагайбакском (центральная группа) и Чебаркульском (северная группа) районах Челябинской области. Основная территория их расселения – населенные пункты Кассель, Фершампенуаз, Остроленка, Париж, Астафьевский Нагайбакского района и населенные пункты Попово, Варламово, Ключевский, Болотово, Краснокаменка Чебаркульского района. Численность нагайбаков, по данным последней переписи населения Российской Федерации, составляет 8 148 человек, из них непосредственно в Нагайбакском районе проживают 6 387 человек [1]. Нагайбаки представляют собой сложную этническую группу, которая, позаимствовав множество элементов из культур других народов, идентифицирует себя отдельной группой. Они являлись частью уфимских крещеных татар, среди которых также были представители других народов (татар, башкир, киргизов, калмыков, арабов, марийцев и др.).

Традиции нагайбаков наиболее отчетливо сохраняются в похоронно-поминальном комплексе, в котором можно обнаружить элементы традиций

иных народов, как правило, тюркских и финно-угорских. Самым значимым поминальным обрядом нагайбаков является Аш биру (*давать еду, давать суп*) – поминальный обряд, который проводится через три года после смерти человека его близким родственником. Считается, что Аш биру – это последний и самый главный ритуал у нагайбака, на котором покойнику оказывают честь, а также снабжают всем необходимым для существования на том свете. Обряд сопровождается закланием коровы и куриц на рассвете, после которого собирается большая трапеза. Все родственники приходят с большими чашами (*таба*), наполненными едой. Ключевым моментом застолья является распределение еды из этих чаш, так как так поминают всех усопших, чьи родственники присутствуют за столом. Поминки по конкретному человеку превращаются в повод для того, чтобы помянуть всех. В этом проявляется главная черта нагайбаков – их родственность.

Обратимся к тюркским традициям. Татары проводят поминки на третий, седьмой, сороковой день и через год после смерти. На обед приглашаются родственники, либо мужчины, либо женщины. Угощение предварялось чтением Корана, раздачей присутствующим подаяния [2, с. 21]. В чувашском обряде кер сари (*осеннее жертвоприношение*) в качестве жертвенного животного используется курица. На рассвете закалывают одну или двух кур. Делается это для того, чтобы передать кур в дар усопшему. Считается, что если это не сделать, то покойный может сам забрать себе свою долю, тогда куры в хозяйстве начнут умирать. Стоит подчеркнуть, что речь идет об обрядности докрещеных чувашей. Наконец, рассмотрим казахский обряд, который схож с Аш биру этимологически – Ас беру. Он проводится через год после смерти человека и сопровождается закалыванием лошади в честь умершего. Вся семья собирается за большим богато накрытым столом. На обряд приглашаются родственники, даже самые дальние, что говорит о том, что основой этого обряда являются родственные связи. В общей для всех мусульман традиции празднования Курбан-байрам мы также можем отметить схожие с обрядом Аш биру черты. История этого праздника не связана с погребально-поминальным культом напрямую, но в нем присутствует множество компонентов, схожих с Аш биру. Ритуал сопровождается жертвоприношением, которое должен совершать достойный человек. Мясо на Курбан-байрам делится на три части: одна остается в семье, вторая отдается родственникам или соседям, третья – беднякам, что напрямую перекликается с Аш биру. Из числа финно-угорской группы народов можно выделить удмуртский обряд Йыр-пыд-сётон (*жертвование головы-ног*), который по-другому называется «свадьбой лошади» [3, с. 123], или «свадьбой наоборот». Суть этого обряда заключалась в том, что после смерти отца сын обязан был принести в жертву лошадь, а после смерти матери дочь обязана была подарить ей корову. Такая жертва проводится

для одного человека только один раз, обычно по истечении трех лет со дня смерти покойника.

Связь нагайбаков с другими народами рассматривается на основе анализа схожих элементов похоронно-поминального комплекса некоторых тюркских и финно-угорских народов. Описанные обряды включают в себя элемент дара усопшим и отражают крепкие семейные связи внутри народов. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что компоненты разных культур помогли сформировать нагайбакам не только собственные обряды и ритуалы, но также собственную этническую идентичность, главной основой которой является родственность.

1. См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

2. См.: *Уразманова Р. К.* «Мусульманские» обряды в быту татар // Этнографическое обозрение. 2009. С. 13–26.

3. См.: *Владыкин В. Е., Чуракова Р. А.* Обряд «Йыр-пыдсётон» в поминальном ритуале удмуртов // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 108–134.

Н. Р. Фахрутдинова

Уральский федеральный университет

Башкиро-татарское трансграничье на Среднем Урале: история и современность

На Среднем Урале на протяжении нескольких веков соседствуют и взаимодействуют татары и башкиры. На территории современной Свердловской области проживали такие башкирские племена, как гайнинцы, кушчинцы, терсяки, упейцы. Волжские татары появились на Среднем Урале после падения Казанского ханства. Со временем «набирает процесс ассимиляции башкир татарами, и уже во второй половине XIX в. многие приуральские башкиры начинают называть себя татарами» [1, с. 7–12, 25].

Политика государства активно влияла на смену этнической идентичности населения. «Кантонная система управления, введенная в Башкирии и Пермском крае с 1798 г., была упразднена в 1863 г. Лишенное привилегий башкирское сообщество пережило болезненный кризис идентичности, особенно на фоне преуспевших в мусульманской духовности и учености соседей-татар» [2, с. 44–45]. В XX в. продолжался процесс

ассимиляции башкир татарами. Вместе с тем иногда маятник идентичности вновь склонялся в сторону башкир. Например, «в 2002 г. во время подготовке к Всероссийской переписи в некоторых уральских деревнях начали появляться башкиры» [2, с. 47]. По данным переписи 2010 г., в Свердловской области насчитывается 143 803 татар и 31 183 башкир.

Уральская ЭтноЭкспедиция под руководством А. В. Головнёва, дважды, в 2008 и 2015 г., проводила исследования среди тюркского населения Нижнесергинского района Свердловской области (с. Уфа-Шигири), в том числе мониторинг башкиро-татарского этнодиалога. В основу данной работы легли полевые материалы автора, собранные в ходе ЭтноЭкспедиции «Урал-2015» [3]. Материалы ЭтноЭкспедиции показывают, что и на сегодняшний день башкиро-татарский вопрос сохраняет актуальность. На основании экспедиционных материалов в башкиро-татарском дискурсе можно условно выделить три позиции.

Первую группу составляют те, кто считает себя чистыми башкирами. Они утверждают, что территория, на которой они проживают, издревле принадлежала башкирам, и приводят различные толкования массового перехода башкир в татары. Одна из них – политика советской власти: «При Сталине начали переписывать всех в татары, чтобы не отдавать земли башкирам» (Ахметова Ш. Н.). Второй причиной, по мнению респондентов, является языковая близость башкир и татар. «В 1926 г. при переписи счетчики писали людей по языку. Выходило: если родной язык татарский, то и национальность – татарин» (Нигаматов А. Х.). По распространенному мнению, это было связано с деятельностью мулл, которые приезжали из Казани.

Вторая группа респондентов, считающая себя татарами, утверждает, что их предки изначально жили на Среднем Урале. «Наша деревня идет от болгар, а не от башкир. Они (татары) жили испокон веков здесь» (Галимова Н.). Тот факт, что раньше в документах жители этих территорий были записаны башкирами, респонденты объясняют так: «Татары, которые сюда первые приехали, начали записывать себя башкирами потому, что башкирам можно было носить оружие» (Билалова Л. К.). А источниками поступления башкир в эти земли являлись, по их мнению, межнациональные браки. «Местные на местных не могли жениться, чтобы сохранить здоровую нацию. В основном невест привозили из Башкирии» (Фунтикова Р. Т.). Респонденты этой группы озабочены тем, что по результатам переписи 2002 г. в некоторых населенных пунктах Среднего Урала увеличилась численность башкир. Информанты причину этому видят в активной пропаганде представителей Башкортостана. Это явление получило в народе название «башкиризация».

Между двумя полюсами, башкирским и татарским, находятся те, кто считают, что они «произошли от башкир, может, потом перемешались с татарами, которые появились во времена Пугачева» (Ахмадиева М. А.). Некоторые

информанты затрудняются с определением национальной принадлежности своих предков. Часто встречаются такие мнения: «Есть, наверно, татары, у которых предки башкирами были. Но, вообще-то, мы считаем себя татарами» (Шахмаев Ш. А.). Именно у представителей этой группы наиболее ярко проявляется феномен «дрейфа этничности», или «ситуативной этничности». Показательным является такой момент: когда фольклорные коллективы ездят в Уфу, называют себя башкирами, а когда их приглашают выступить в Казань, то они относят себя к татарам. Соседи-русские тоже замечают эту тенденцию. Например, директор школы в с. Урмикеево говорит, что «они себя считают теми, кем им удобно. Они этот момент используют во благо» [4].

Таким образом, религиозная и культурная близость татар и башкир способствовала тому, что данные народы, находясь в отдалении от своих национальных республик, выработали своеобразный этнодиалог. Наличие различных позиций в трансграничном дискурсе можно рассматривать как поиск своих этнических корней и форм современной идентичности. Этот вопрос является актуальным как для самих людей, так и для исследователей.

1. Асылгужин Р. Р., Гумеров А. Я. Башкиры верховьев реки Уфа. Уфа, 2012.

2. Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 40–49.

3. АЭБ. Ф. 1. Д. 18.

4. АЭБ. Ф. 5. Д. 1.

М. Е. Бабаева

Уральский федеральный университет

Легенда о Беловодье: исследовательские возможности источника (по материалам «Путешественника»)

На данный момент создано огромное множество интерпретаций понятия «утопия». Подходы к определению зависят от специфики работы и направления исследователя. В одной из интерпретаций, «утопия» выступает как индивидуально-авторское произведение с детально разработанным проектом идеального государства. Противоположная ей «народная утопия», возникающая в общественном сознании стихийно и непредсказуемо, не содержит столь детально разработанных позитивных образов [1]. Одной из форм выражения народной утопии являлись социально-утопические легенды «о далеких землях» [2, с. 276]. Ярким примером может послужить легенда о Беловодье, идеальном государстве без сословного неравенства и угнетения.

Ее распространение связано с «Путешественниками», своеобразными «путеводителями», с подробным описанием маршрута до пункта назначения.

Смена научной парадигмы, коснувшаяся отечественной исторической науки, заметно отразилась в изучении этого источника. Социальная утопия, возникающая в народном сознании, а главное способы ее осуществления рассматривались как одна из форм борьбы против феодального гнета. Исследование данного вопроса возможно в контекстах цивилизационного, междисциплинарного подхода, интеллектуальной истории, истории повседневности.

Впервые текст «Путешественника» был опубликован в 1862 г. историком старообрядчества и общественным деятелем А. П. Шаповым [3, с. 277]. Вслед за ним другой список напечатал писатель и чиновник МВД П. И. Мельников в 1864 г. [4, с. 41]. В начале XX в. еще один список «Путешественника» был найден и опубликован Д. Н. Беликовым, томским профессором богословия [5, с. 143]. Таким образом, до середины 60-х гг. XX в. списки «Путешественника» не подлежали систематическому и комплексному изучению со стороны исследователей разных направлений. Впервые основательно коснулся этой темы известный фольклорист К. В. Чистов [6, с. 134]. «Путешественник» рассматривался им в связи с историей происхождения легенды. Списки были разделены им на три редакции согласно местам их бытования: севернорусскую, «шаповскую», сибирскую. В 2003 г. исследователь опубликовал все известные, по его мнению, списки «Путешественника». В 2011 г. вышел сборник статей в честь 90-летия со дня рождения К. В. Чистова, в котором была опубликована статья А. А. Чувьурова. Он подробно рассмотрел историю изучения и публикаций «Путешественника» и пришел к выводу, что к настоящему времени известно четырнадцать списков «Путешественника» [7, с. 225].

«Путешественники», тайные листки, писанные крестьянской рукой, кроме маршрута до Беловодья, содержат и описание заветной страны. В источнике отражены представления крестьянства об общине, собственности, государственном устройстве и т. д. Последнее представляет собой интересный материал для раскрытия специфики крестьянской психологии и народной утопической мысли конца XVIII–XIX в. Согласно «Путешественнику» на земле воцарилась власть Антихриста, и одним из уголков сохранившегося древнего благочестия являлось Беловодье. Это дало повод к дискуссии о среде происхождения «Путешественника». К. В. Чистов связывал его с радикальной старообрядческой сектой «бегунов», однако новосибирский историк А. И. Мальцев, подверг критике утверждение об особой роли старообрядцев страннического согласия в формировании беловодской легенды, ссылаясь на учение «странников» о всемирной и окончательной победе Антихриста [8, с. 535].

К настоящему времени выявленное число известных списков «Путешественника» не следует считать окончательным. Еще один неопубликованный список хранится в ГАСО [9, л. 99, 100]. Это обстоятельство еще раз подчер-

кивает широту бытования легенды о Беловодье и не упускает возможность новых локальных вариантов «Путешественника».

-
1. См.: *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. URL.: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1407695001>
 2. См.: *Чистов К. В.* Русская народная утопия: генезис и функции социально-утопических легенд. М., 2003.
 3. См.: *Щапов А. П.* Земство и раскол // *Время*. 1862. Вып. 10. С. 277–278.
 4. См.: *Мельников П. И.* Исторические очерки по истории поповщины. СПб., 1864. Ч. 1. С. 40–42.
 5. См.: *Беликов Д. Н.* Томский раскол: исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901.
 6. См.: *Чистов К. В.* Легенда о Беловодье // *Труды Карельского филиала АН СССР*. Вып. 35: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. С. 116–181.
 7. См.: *Чувьуров А. А.* «Путешественник Марка Топозерского»: география бытования рукописных сборников // *Фольклор и этнография: к девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова* : сб. науч. статей. URL.: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-209-8/978-5-88431-209-8_23.pdf
 8. См.: *Мальцев А. И.* Беловодье // *Православная энциклопедия*. М.: Православная энциклопедия : в 40 т. Т. 4, 2002.
 9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6551.

Д. С. Бахарев

Уральский федеральный университет

О характере реставрации православного самосознания

Лавинообразный рост православной паствы стал знаковым элементом в истории постсоветской РФ. Однако опрометчиво было бы говорить о православном ренессансе. Пусть за период 1989–2009 гг. и произошла зеркальная смена настроений – 75 % атеистов превратились в 73 % православных, но в то же время лишь 10 % воцерковлены и только 55 % вообще верит в Бога (sic!) [1, с. 65–76]. Диссонанс данных показателей является проблемой, требующей решения. Ключ – в интерпретации православия как принадлежности к русской нации. Здесь выходит на первое место функция религии как социально-интегративного фактора, стержня социальной солидарности при объективно малом значении самой мифологии [2, с. 180–186]. Православие – исторически закономерный итог духовного поиска многих русских в силу не-

дооформленности национального самосознания: в дореволюционное время господствовала конфессиональная идентификация, в советское – не получала должной поддержки русская этническая. Поэтому в период упадка коммунистической идеологии и духовного кризиса общества многие русские вынуждены были опираться не столько на этничность, сколько на этноконфессиональность: заявление «я – православный» имеет больше историческое, этнокультурное и биографическое значение, нежели религиозное [3, с. 138]. Такое положение вещей подтверждается неизменной сопряженностью православного и политического в национальном информационном пространстве: в российском «православном» обществе не идет речи о каком-либо духовном поиске, религиозно-философском возрождении, более актуальна здесь роль религии как политического и социально-исторического ресурса – принятие поправок об особой роли православия в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», «Декларация русской идентичности» Всемирного русского народного собора и т. п. [4]. Описанное явление явно переросло допустимые статистические погрешности, в наше время вполне можно говорить о «моде» на православие и молчаливом порицании атеистов (причем атеизм, как правило, воспринимается как предательство вовсе не Бога, а России; подобная ситуация характерна не только для нашей страны [5]), которые зачастую стесняются озвучивать свои убеждения, «маскируясь» под православной идентичностью; Русская православная церковь, долгое время похвалявшаяся огромным числом православных, тоже в свою очередь признала существование этого феномена и не признает «полноценность» такой декларируемой православной самоидентификации [6].

Таким образом, можно сделать вывод о преобладании этноконфессионального над чисто конфессиональным в православном самосознании. Отправление ритуалов и использование религиозных символов имеет больше идентификационное значение, нежели непосредственно религиозное. За века православие в сознании людей превратилось практически в этническую религию, стойко ассоциируя носителя с русской национальностью.

1. См.: Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестн. общ. мнения. 2009. № 2. С. 65–84.

2. См.: Гофман А. Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 178–187.

3. См.: Анурин В. Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Соц. исследования. 2013. № 1. С. 135–146.

4. См.: Декларация русской идентичности // Всемирный русский народный собор. URL: <http://www.vrns.ru/experts/2840/#.ViiBmCuODIV>

5. См.: *Angier N. The Bush Years; Confessions of a Lonely Atheist* // New York Times Magazine. 14 Jan. 2001. URL: <http://www.nytimes.com/2001/01/14/magazine/the-bush-years-confessions-of-a-lonely-atheist.html?pagewanted=1>

6. См.: Гость: митрополит Илларион // Познер. Выпуск от 06.04.2015. URL: <http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/37132>

Н. Ю. Попова

Уральский федеральный университет

Религиозное сообщество Свидетелей Иеговы Екатеринбурга*

Свидетели Иеговы – международная религиозная организация, широко распространенная в Российской Федерации. Источником вероучения Свидетели Иеговы признают Библию, придерживаются унитарной доктрины – лишь Иегова является Богом-Творцом, Иисус Христос – его творением, сыном, а Святой Дух – действующей силой. Ключевым событием будущего является Армагеддон, после которого 144 000 последователей Христа вознесутся на небо и станут его соправителями в Небесном Царстве, другие праведники останутся жить на земле вечно. Свидетели Иеговы ведут здоровый образ жизни. Кровь воспринимается ими как жизнь, данная Богом, поэтому они отказываются от ее употребления, в том числе в медицинских целях. Несение воинской службы считается противоречащим вере, и верующим самим предлагается принимать решение в этом вопросе [1, с. 447].

Свидетели Иеговы появились в России в последней четверти XIX в. После 1917 г. возникли группы последователей. До перестройки Свидетели подвергались преследованиям, и в конце 1980-х гг. они получили возможность свободно исповедовать и распространять свои убеждения, проводить собрания. В 1990–1992 гг. Свидетели Иеговы прошли этапы регистрации в Минюсте РФ. Число посещающих богослужения составляет более 280 000 человек. Количество общин – 2 400. Образовано более 350 религиозных групп на различных языках народов России, 137 групп состоят из глухих и слабослышащих [2, с. 241].

По данным сайта Правительства Свердловской области, в 2014 г. число религиозных организаций (зарегистрированных общин) Свидетелей Иеговы составило 9 [3]. В Екатеринбурге общины Свидетелей появились в начале 1990-х гг., стали распространяться по региону, и количество незарегистрированных религиозных групп на данный момент не зафиксировано в доступных источниках. Так, Свидетели Иеговы представляют значительное

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)».

явление религиозного ландшафта и заслуживают изучения в контексте концепции мультикультурализма. Методами исследования были выбраны включенное наблюдение, интервьюирование членов и старейшин общин. Материалы полевых исследований каталогизированы в личном архиве автора.

В сообществе Свидетелей Иеговы Екатеринбурга состоит более 1 000 человек, посещающих 10 собраний, которые встречаются в разные дни недели в Зале Царства (богослужебном здании) на ул. Баумана. Верующие одного района города объединены в одно собрание, в которое входит около ста человек [4, л. 1]. Кроме русскоязычных общин, в сообщество Свидетелей Екатеринбурга входят также таджикская, армянская и английская общины [5, л. 3].

Членами организации считаются принявшие водное крещение после изучения Библии. В собраниях Екатеринбурга, как и в других общинах Свидетелей, имеется по шесть старейшин и служебных помощников, профессиональные священнослужители отсутствуют. Регулярно проводятся открытые встречи в Зале Царства для поклонения Богу. На собраниях не совершается ритуалов, целью собраний является изучение Библии и того, как эти принципы можно применять в жизни. Помимо общих собраний, проводятся дополнительные встречи, школа «теократического служения» по подготовке проповедников, курсы иностранных языков, самодеятельные праздники. Все виды служения проводятся безвозмездно [6, л. 1; 7, л. 1].

Свидетели, известные своей практикой проповеди «от двери к двери», сейчас применяют иную форму проповеди. «Пионеры» устанавливают в многолюдных точках города стойки с литературой на нескольких языках и устраивают одиночные пикеты. При таком варианте проповеди беседы на духовные темы ведутся только с заинтересовавшимися прохожими.

В Свердловской области, как и в других регионах России, миссионерская деятельность Свидетелей негативно воспринимается представителями крупнейших религий, согласно которым их деятельность является опасной для общества и личности. С начала 2000-х гг. начали появляться обвинения в экстремизме [8, с. 25–30; 9; 10].

Свидетели Иеговы – одна из самых динамично развивающихся в России деноминаций – как ни одно другое религиозное направление подвержены религиозной интолерантности. Поэтому необходимо исследование этого сообщества в мультикультурном контексте, раскрывающем ценность культурных и религиозных различий для взаимообогащения в общем гуманистическом русле.

1. См.: Кантеров И. Я. Свидетели Иеговы // Религиоведение : словарь. М., 2007. 637 с.

2. См.: Элбакян Е. С. Религии России : словарь-справочник. М., 2014.

3. Религиозные организации Свердловской области. Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <http://www.midural.ru/community/100326/>
4. Собрание верующих Химмаша, 20.12.14. ЛА автора Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
5. Интервью с Натальей И., 17.02.15. ЛА автора Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.
6. Собрание верующих Химмаша, 27.09.14. ЛА автора Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
7. Беседа с Люсине К., 15.03.15. ЛА автора Ф. 4. Оп. 2. Д. 1.
8. См.: *Иваненко С. И.* Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. СПб., 2012.
9. См.: Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>
10. См.: Свидетелей Иеговы поймали на экстремизме (Урал). Свидетели Иеговы в поисках христианской свободы. URL: <http://jw-forum.org/viewtopic.php?f=80&t=2759&start=15>

А. В. Коркодинова
Уральский федеральный университет

Лютеранская община Екатеринбурга в конце XX – начале XXI в.

Лютеранская община возникла в Екатеринбурге в XVIII в. и активно участвовала в жизни города до начала Первой мировой войны [1; 2, с. 64]. В советское время община была закрыта, а здание церкви разрушено. Деятельность лютеранских общин в России возобновилась в конце XX в. в связи с изменением политической ситуации. В Екатеринбурге братская община лютеран появилась в 1980-е гг. [3, л. 2]. Если история лютеранской общины Екатеринбурга отражена в серии научных публикаций [1; 2; 4; 5], то современное положение пока не получило освещения.

Данное исследование было направлено на выявление численности, состава и форм деятельности лютеранской общины Екатеринбурга на основании наблюдений, проведенных в августе-октябре 2015 г., интервью с членами прихода и фотодокументов. Интервью были транскрибированы и содержатся в личном архиве автора.

Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга была зарегистрирована 27 мая 1999 г. по инициативе прихожан [5]. Община входит в состав Уральского пробства Евангелическо-лютеранской церкви Урала, Сибири и Дальнего Востока (ЕЛЦ УСДВ). С 2001 г. члены общины собираются в арендованной квартире, поскольку своего здания у них пока нет [6]. Лютеране получили официальное разрешение на строительство кирхи на месте бывшего лютеранского кладбища. Однако этот план встретил противодействие со стороны общественности [7, л. 6].

По данным интервью с проповедником общины Е. Штриккером, пик численности – 2003 г. [8, л. 3]. В это время общину возглавлял пастор Вальдемар Бенцель [9, л. 1]. В настоящее время на воскресное богослужение приходят 30–60 человек, а в праздники – более 100. Эти сведения отчасти подтвердились во время наблюдений, проведенных в начале октября 2015 г. На протяжении четырех воскресений численность прихожан составляла максимум 35 человек [10, л. 2].

Из результатов опросов и личных наблюдений следует, что ядро общины составляют люди старшего возраста – старше 55 лет, среди которых много вдовых и женщин. В общине также есть и люди среднего возраста и молодежь.

В основном на службу приходят жители Екатеринбурга и области, но есть прихожане – выходцы из других стран и областей. Члены общины сообщили, что службу иногда посещают студенты-китайцы. Большинство прихожан церкви Екатеринбурга – этнические немцы, члены семей трудармейцев, переселенных на Урал из Поволжья в годы войны. Однако есть татары, чуваша, украинцы и мордва.

Лютеране Екатеринбурга сотрудничают с лютеранскими приходами Свердловской области и с зарубежными; занимаются благотворительностью, помогают детским домам; организуют зимние и летние лагеря для молодежи. Также проводятся «библейские часы» для желающих углубить знания.

На основании фотографий, на которых представлены мероприятия, проводившиеся в общине, можно судить, что прихожане совместно проводят Рождество, Пасху и Праздник урожая в конце сентября. Кроме того, в общине проводятся обряды крещения и конфирмации.

Задача общины на сегодняшний день – постройка своей кирхи, т. к. некоторые покинули общину из-за отсутствия своей церкви [8, л. 3].

Таким образом, евангелическо-лютеранская община г. Екатеринбурга возобновила свою деятельность в конце 1980-х гг. и получила официальную регистрацию в 1999 г. Она входит в состав Уральского пробства ЕЛЦ УСДВ. Основной задачей общины является строительство собственной церкви, в отсутствие которой прихожане арендуют помещение в жилом доме. В настоящее время численность прихожан оставляет около 100 человек, среди которых только 35 активные прихожане. Это в основном люди старшего возраста, преимущественно женщины, а также этнические немцы. Община ведет социальное служение и состоит в партнерских отношениях с другими христианскими конфессиями.

1. См.: *Андреев А. Н.* Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. 2010. № 1 (72). С. 135–148.

2. См.: *Главацкая Е. М.* Религия «противника»: диалог-конфронтация-диалог?: история лютеранства на Урале XVIII – начало XXI вв. // Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания : материалы Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2013. С. 62–66.

3. ЛА архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

4. *Главацкая Е., Орнинская В.* Лютеранство в религиозном ландшафте Урала: опыт историко-антропологического исследования // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе) : материалы Междунар. и Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 29–40.

5. См.: *Глушков С. Ф.* Крест Екатерины // Лютеранское наследие. Екатеринбург, 2000.

6. См.: Лютеранская община г. Екатеринбурга: официальный сайт. URL:<http://luthkirche-jekaterinburg.ru/2015-08-27-17-33-26>

7. ЛА автора. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

8. ЛА автора. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

9. ЛА автора. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3.

10. ЛА автора. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1.

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ
ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ**

А. А. Горохов

*Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске
(Тобольский государственный педагогический институт)*

**Формирование царского хозяйства в период правления
древнеизраильского царя Давида (первая половина X в. до н. э.)**

Рассмотрение социально-экономической жизни и выявление особенностей царского социально-экономического сектора в период правления древнеизраильского царя Давида (ок. 1010–970 гг. до н. э.) является важным фактором в изучении ранней государственности в древнем Израиле в X в. до н. э.

За неимением хозяйственных документов того времени, единственными письменными историческими источниками, которые содержат материал о социально-экономической жизни древнего Израиля в период правления Давида, являются библейские книги 2 и 3 Царств и 1 Паралипоменон, передающие содержание царских летописей начиная с периода ранней монархии. Также важными историческими источниками для исторической реконструкции царского хозяйства Давида следует считать археологические отчеты о раскопках поселений первой половины X в. до н. э. (Хирбет Кейафы, Хирбет эд-Даварры и др.).

В докладе использован историко-генетический метод, который дает возможность выявить процесс формирования и развития царского хозяйства в конкретных исторических условиях первой половины X в. до н. э. и историко-системный метод для анализа внутренней социально-экономической структуры при царе Давиде.

Основной причиной появления государственного хозяйства при Давиде стала необходимость в избыточном продукте для нужд профессиональной армии. Каковы же были источники его пополнения для успешного развития? В первую очередь это были земли, захваченные на войне и присоединенные

к древнеизраильскому государству. Например, Давид устранил контроль со стороны филистимлян и продолжил ликвидацию ханаанских анклавов внутри формирующегося древнееврейского государства, располагавшихся в Шефеле, Изреельской, Шоронской и Прибрежной равнинах. Эти земли, захваченные царем, рассматривались как его частная собственность. С другой стороны, земли покупались Давидом у представителей нееврейского населения: случай, описывающий покупку гумна у Орны иевусеянина за 50 сиклей серебра (2 Цар. 24:18-24). Еще одним источником имущественных поступлений являлись подати, собираемые в форме натурального налога – *minha*, который отдавали все жители древнего Израиля и покоренные Давидом народы: ханааниты, аммонитяне, моавитяне, сирийцы, эдомитяне. Необходимо отметить прирост населения в этот регионе до семидесяти тысяч человек в период X в. до н. э.

В 1 Пар., гл. 27 содержится единственный исторический источник на основании, которого мы можем судить о том, какие виды движимого и недвижимого имущества включало в себя *kol-rəḳûš-wûmîqneh lammeleḵ* – царское хозяйство (1 Пар. 28:1). Среди земледельческих культур упомянуты виноград, маслины и смоковницы. Список дает основания для утверждения, что в царском хозяйстве уже в то время имелся избыточный продукт в форме запасов зерна в городах, селах и башнях, а также запасов вина и масла. В царском хозяйстве имелись крупный и мелкий рогатый скот, ослы и верблюды. Это напоминает царские хозяйственные центры *gt* [1, с. 46] в Угарите.

Важнейшим социально-экономическим фактором формирования царского хозяйства при Давиде была урбанизация. Полугородские центры постепенно становившиеся городами, являлись той средой, где вместе с земледелием и скотоводством существовало ремесло, которое было преимущественно частью царского хозяйства. В период правления Давида внимание уделялось фортификации городов. Ее образцы мы можем видеть на примерах Хирбет эд-Даварры (нагорье Биньямина) [2, р. 197–198] и Хирбет Кейафы (иудейская Шефела) [3, р. 33]. Другими отраслями ремесла являлись гончарное дело, ткачество, ювелирное дело.

Все царские служащие – *‘abdê hammeleḵ* (3 Цар. 1:47) именовались рабы царя. Однако даже условно их можно разделить на две совершенно неравные между собой группы: военно-служилую знать, составлявшую царский двор (2 Цар. 8:16-18; 20:23-26), и простых воинов, ремесленников, земледельцев, скотоводов. Древнеизраильские жрецы не имели непосредственного хозяйства при храме или святилищах, однако пользовались экономической автономией от царского хозяйства, выражающейся в особом статусе их городов, земель и пастбищ. Таким образом, в эпоху Давида в древнем Израиле сформировался царский социально-экономический сектор и обе-

спечена тенденция к его росту, которая проявилась уже при правлении сына Давида – Соломона.

1. См.: Гельцер М. Л. «Царские люди» (BNŠ MLK) и царские хозяйственные центры (GT) в Угарите // Вестн. древней истории. 1967. № 2. С. 32–47.

2. См.: Finkelstein I. Excavations at Khirbet ed-Dawwara: an Iron Age Site North-east of Jerusalem // Tel Aviv. 1990. № 17. P. 163–208.

3. См.: Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa. Vol. 1. Excavation Report. 2007–2008. Jerusalem, 2009.

Ф. В. Рассохин

Уральский федеральный университет

Толкование надписи из Олимпии о подвиге Бибона в свете опыта современных атлетов

В античной литературной традиции и в эпиграфике сохранилось несколько упоминаний о силовых достижениях древних атлетов. Большинство этих подвигов настолько выдающиеся, что современные исследователи неоднократно подвергали сомнению их историчность.

Наибольший интерес представляет достижение некоего Бибона, зафиксированное в надписи из Олимпии, которая датируется VI в. до н. э. [1, 5. 717]. Обычно считается, что камень, на котором высечена эта надпись, является тем самым «снарядом», с которым Бибон совершил свой подвиг. Прочтение этого эпиграфического текста ввиду плохой его сохранности представляет собой отдельную проблему, однако, с моей точки зрения, более предпочтительным является вариант, предложенный, Г. Уолтерсом: Βυβων τυτερει χερι υπερκεφαλα μ υπερεβαλε το ο φορει (Бибон пронес и перебросил меня через голову одной рукой) [2, р. 401]. Данное толкование заставляет вспомнить рассказ Элиана о пастухе Титорме, который демонстрировал свою силу с помощью упражнений с камнем [3, 12.22]. Если указанное выше прочтение верно, то получается, что Бибон проделал с камнем то же самое, что и Титорм, а именно пронес его на некоторое расстояние, а затем выполнил толчковое движение наподобие современного швунга, не фиксируя снаряд в верхней точке. Толкование Уолтерса устраняет некоторую недосказанность и противоречивость надписи. Однако обоснованность этой интерпретации зависит не только от правильного прочтения лапидарного и не во всем надежного текста, но еще и от ответа на вопрос о сугубо физиологической возможности взятия подобного снаряда на грудь одной рукой.

В историографии неоднократно ставилась под сомнение историчность достижения Бибона: Л. Моретти полагал что камень, на котором высечена информация о подвиге, являлся всего лишь постаментом, а сам «снаряд» был гораздо менее тяжелым и не таким большим [4, р. 4 ff.], Э. Гардинер говорил, что Бибон мог осуществить подъем только двумя руками [5, р. 2], Г. Харрис даже приводил аргументы в пользу того, что указанный камень вообще не являлся спортивным снарядом [6, р. 143 ff.]. Только Н. Кроузер, впервые в историографии обратившийся к опыту современных атлетов, пришел к выводу, что данное достижение вполне возможно [7, р. 112–113], однако его аргументация вызывает определенные сомнения. Во-первых, в качестве доказательства он привел максимальный результат Артура Саксона в выкручивании с доношением (153 + 50 кг), проигнорировав его же рекорд в обычном выкручивании (достоверно известно, что атлету покорялась штанга весом 174 кг) [8]. Во-вторых, есть веские основания полагать, что данные достижения несравнимы. Выкручивание предъявляет серьезные требования к снаряду, который обязательно должен быть сбалансирован относительно центра и иметь удобную рукоять, которая целиком должна помещаться на середине ладони [9, р. 40–41]. Очевидно, что найденная близ Олимпии глыба данным требованиям не отвечает. В-третьих, приведенные Н. Кроузером результаты в поднятии камней на праздниках, проводимых в стране Басков, как кажется, не имеют ничего общего с подвигом Бибона: в рамках данных состязаний используются снаряды совершенно другой конструкции, а поднимаются они исключительно на плечо. Для доказательства историчности достижения Бибона стоит скорее ориентироваться на достижения современных атлетов, выступающих на соревнованиях по силовому экстриму, где одной из дисциплин является подъем гантели над головой одной рукой. Конструкция данного снаряда позволяет сохранить все трудности, возникающие при подъеме камня, а результаты лучших атлетов позволяют заключить, что достижение Бибона вполне осуществимо.

В заключение стоит упомянуть о том, что современные атлеты Дмитрий Халаджи и Асланбек Мусаев неоднократно выполняли подъем камня гораздо большего веса. Это позволяет говорить о том, что достижение Бибона, зафиксированное в Олимпийской надписи Inscr. Ol. 5.717 (причем в чтении, предложенном Уолтерсом), с технической точки зрения было как минимум возможно.

1. См.: *Dittenberger W., Purgold K. Olympia: die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung (Textband 5): Die Inschriften von Olympia. Berlin, 1896.*

2. См.: *Walters H. B. Dittenberger and Purgold's Olympia // The Classical Review. 1896. № 8. P. 400–403.*

3. См.: Claudii Aeliani de natura animalium libri xvii, varia historia, epistolae, fragmenta. Vol 2. Lipsiae, 1866.
4. См.: *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. Rome, 1953.
5. *Gardiner E.* Throwing the diskos // The Journal of Hellenic Studies. 1907. Vol. 27. P. 1–36.
6. См.: *Harris H. A.* Sport in Greece and Rome. New York, 1972.
7. См.: *Crowther N. B.* Weightlifting in Antiquity: Achievement and Training // Greece & Rome. Second Series. 1977. Vol. 24, №. 2. P. 111–120.
8. См.: *Gentle D. F.* Single handed lifts. URL: <http://www.bobwhelan.com/history/singlehanded.htm>
9. См.: *Saxon A.* The development of physical power. New York, 1931.

В. А. Трошин

Уральский федеральный университет

К проблеме источников о жизни и деятельности Архита Тарентского

Одной из важных фигур в истории классической Греции был Архит Тарентский (ок. 428–365 гг. до н. э.). Помимо того, что он был правителем Тарента и его полководцем, Архит также занимался философией, математикой и теорией музыки.

Всю информацию об Архите, содержащуюся в античной литературной традиции, можно разделить на два тематических блока: это тема дружбы с Платоном и тема успешного правителя и полководца. Также необходимо отметить, что в источниках проводится параллель между Архитом и другими греческими интеллектуалами (Платон, Пифагор), что вызывает недостаток достоверной информации [1, р. 3].

Одним из первых сочинений об Архите был труд Аристоксена Тарентского «Жизнь Архита» (IV в. до н.э.) [2, с. 17]. Есть упоминания, что отец автора был знаком с самим Архитом [3, с. 298]. Само сочинение до нас не дошло, но его фрагменты есть у Ямвлиха и Диогена Лаэртского. Биографию Архита Аристоксен написал вскоре после его смерти, поэтому содержащиеся здесь сведения очень ценны. Недостатком данного сочинения является его панегирический характер [1, р. 5]. Важны сведения Дикеарха (также IV в. до н.э.): отрывки из его сочинения «Жизнь Греции» дошли в изложении Диогена Лаэртского и в словаре Суды.

Подробную информацию об Архите дал Аристотель в сочинении «О философии Архита», написанном в трех книгах. Но этот труд был утерян и не был достаточно использован в доксографической традиции.

Платон тоже сообщает некоторые сведения об Архите: в своих произведениях он наделяет ряд персонажей чертами пифагорейца. Что касается VII письма Платона, содержащего, казалось бы, очень важную информацию, достоверность его оспаривается, однако и его необходимо учитывать при реконструкции событий [1, р. 3].

Сведения об Архите сохранились и у других авторов, но это лишь отрывочная информация. О нем упоминается у Демосфена, Цицерона, Страбона, Плутарха и т. д.

Для реконструкции более полной картины, в связи с политической деятельностью Архита, могут быть использованы результаты археологических раскопок на территории античного Тарента. Материалы по стратиграфии города показывают, что к IV в. до н. э. площадь хоры стала сокращаться. Это можно связать с переделом земель в Таренте, который некоторые специалисты связывают с именем Архита. Привлечение нумизматического материала также способствует более полноценной интерпретации политики Тарента в V–IV вв. до н. э.

Безусловно, огромную важность представляют сочинения самого Архита Тарентского. Но, к большому сожалению, ни Диоген Лаэртский, ни кто-либо другой в древней доксографии не дает нам полного списка сочинений Архита.

Самой важной работой Архита считается «Гармоника», фрагменты которой дошли через Порфирия в комментариях к «Гармонике» Птолемея. В этом труде математически описываются основные принципы акустики [4, с. 36]. Другим сочинением, приписываемым Архиту, является трактат «О математической науке»: автор развивает мысль об общем значении цифр и счета как надлежащего правила для упорядочения человеческих отношений [5, с. 38]. На счет Архита также относят сочинение «Беседы». Но считать эти произведения полностью достоверными не следует, т. к. они могут быть творениями гораздо более поздними. Вообще, большинство носящих его имя сочинений относятся к пифагорейским псевдоэпиграфам, по числу которых он был популярней самого Пифагора [6, с. 188]. Авторство других работ, приписываемых также Архиту, особенно математических, например, «О шаре и цилиндре», также не заслуживает доверия [1, р. 30].

Отдельно следует разобрать вопрос, связанный с сочинением «О законе и справедливости», который относят к творчеству Архита Тарентского. Фрагменты этого сочинения дошли до нас в «Антологии» Иоанна Стобея и содержат ценные сведения, но работа с этим источником требует осторожности.

В целом необходимо отметить, что сведения о взглядах Архита происходят из «Жизни Архита» Аристоксена, а не из его собственных трактатов. Вполне возможно, что аргумент Архита о бесконечной Вселенной, и ряд

приписываемых ему важнейших открытий на самом деле восходят к творчеству Аристоксена, а не к его трудам.

-
1. См.: *Huffman C. A.* Architas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005.
 2. См.: *Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
 3. См.: *Леонтьев А. В.* Традиция о Пифагоре у Аристоксена и Дикеарха // Актуальные проблемы. СПб., 2000. С. 298–301.
 4. См.: *Щетников А. И.* Развитие учения о музыкальной гармонии от Пифагора до Архита // Пифагорейская гармония: исследования и тексты. Новосибирск, 2005. С. 25–65.
 5. См.: *Нерсисянц В. С.* Политические учения Древней Греции. М., 1979. 264 с.
 6. См.: *Жмудь Л. Я.* Архит из Тарента // Античная философия : энциклопед. словарь. М., 2008. С. 188–190.

Д. М. Фейгин

Уральский федеральный университет

Система магистратур в Римской Республике: машинерия исполнительной власти

Древний Рим – великое могущественное государство. Достаточно вспомнить несокрушимые римские легионы. Сколько нам известно грандиозных побед в войнах, где Рим стоял в шаге от полного краха. Но не только военными успехами прославились римские граждане, большое количество изобретений совершенно в различных сферах делало республику передовой державой, своеобразным центром мира. Возможно, не достиг бы Рим подобных высот, не будь у него таких энергичных политических деятелей. Многие современные государства называют свой политический режим демократическим или же просто стремятся к демократии как к политическому идеалу. Но те, кому известны реальные демократические режимы древности, откровенно вам скажут, что в современном мире нет античной демократии. Все чаще и чаще происходят революции, принимаются новые законы, меняются системы управления. Мир находится в поисках идеальной политической системы. В связи с этим появляется большой интерес у исследователей и политологов к системе магистратур Рима республиканской эпохи, ведь эта система на протяжении половины тысячелетия приносила успех государству во всех сферах развития.

Так как же все-таки создавались магистратуры Римской Республики? Была ли подлинная коллегиальность? Какими были основные принципы работы магистратур? Какие изменения за полтысячелетия произошли с ними? Каков был характер взаимоотношений магистратур с сенатом?

Во-первых, стоит отметить, что магистратуры возникли не сразу вместе с возникновением республики. В конце VI века до н. э. произошло изгнание последнего царя Тарквиния Гордого. После этого возникла только часть должностей. Со временем в виду различных причин должностей становилось все больше, функции, права и обязанности у многих прибавлялись, значимость некоторых спадала. То есть не было монолитного, непоколебимого, неизменного государственного устройства, оно постепенно менялось, но незначительно [1, с. 73].

Во-вторых, согласно выводам Веры Викторовны Дементьевой, коллегиальности как таковой в Римской Республике не было. Относительно начального периода республики В. В. Дементьева, не соглашаясь с антиковедами, утверждает: «... ранние преторы не были равноправными коллегами, ибо в их магистратуре существовала иерархия должностной власти» [1, с. 75]. Так когда же появляется коллегиальность в системе магистратур? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо выяснить значение интересующего нас термина. «Римская коллегиальность – это *par potestas*, равная власть у лиц, занимавших в конкретный момент одну и ту же должность» [2, с. 265]. Франческо Де Мартино [3, с. 234] и Йохен Бляйкен утверждают, что возникновение римской коллегиальности, согласно данному определению, могло возникнуть только лишь после вступления в силу в 367 году до н. э. законов Лициния и Секстия. Согласно третьему закону, один из консулов обязательно должен был быть плебеем. С этим не соглашается Стюарт Стэвели, английский историк, который считает, что появление коллегиальности в Риме следует связывать с введением цензорской должности [4, с. 99]. Подтверждением его правоты служит известное высказывание Марка Валерия Мессалы: «*praetores consulum junior collegae sunt*», что в переводе с латыни означает «Преторы консулам младшие коллеги», то есть они имели меньший империум.

Несмотря на демократичность всего строя Римской Республики, отношения магистратур и сената не выглядят такими уж демократичными. В сенат входили только авторитетные, уважаемые обществом, самые знатные и родовитые граждане. Большинство сенаторов уже были «служилыми» людьми, прошедшими не через одну магистратуру, и только единицы назывались *homo novus*. Данный фактор уже ставит членов сената выше остальных граждан. Очень важное значение имеет контроль сената за финансами и деятельностью магистратов. Сенат заведует управлением государственными имуществами, к нему обращаются магистраты, если необходимо установить

экстренные налоги, он составляет бюджет доходов и расходов римского государства. В области иностранных дел сенат следит за деятельностью послов. В военном деле от сената зависит определение магистратских провинций, сенат через своих легатов следит за действиями полководцев, от него зависит разрешение дополнительных наборов. Наконец, сенат имеет влияние и на религиозные дела: он ведает введением новых культов, учреждением новых игр, принимает меры относительно запрещенных культов.

Общий перечень функций показывает, что сенат, не имея законодательной власти, является уже во многих отношениях органом не только совещательным, но и высшим административным. При частой смене должностных лиц сенат делался все более и более хранилищем административной традиции и активным руководителем всей внутренней и внешней политики. Хвостов говорит по поводу взаимоотношений сената и магистратур следующее: «Но фактически магистратура была в руках сената, редкий магистрат отваживался вступать в борьбу с учреждением, которое состояло из наиболее знатных и влиятельных граждан» [5, с. 54], «... при нормальном ходе вещей магистраты не вносили в комиции предложений неудобных сенату» [5, с. 55].

1. См.: Дементьева В. В. Возникновение коллегияльности римских магистратов // Исседон – ΙΣΣΕΔΩΝ : Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2003. Т. II. С. 72–89.

2. Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium-potestas-imperium. Göttingen, 1981.

3. См.: Martino F. de. Storia della costituzione romana. Seconda edizione. Napoli, 1972. Т. 1.

4. См.: Staveley E. S. The Constitution of the Roman Republic // Historia. 1956. Т. 5. Р. 74–122.

5. Хвостов В. М. История Римского Права. Пособие к лекциям профессора Московского университета. 3-е изд. М., 1907.

А. О. Лукьянов

Южно-Уральский государственный университет

Эволюция религиозной политики римских императоров в период кризиса тетрархии (от Диоклетиана до Константина)

Религия на протяжении всего хода истории мировой цивилизации выступала в качестве одного из основных критериев самоидентификации личности и социума. Эта характерная черта религии проявлялась прежде всего в

кризисные периоды, когда конфессиональный выбор противоборствующих сторон не только предопределял исход политической борьбы, но и приводил к социокультурным изменениям в последующий период.

Исходя из этого, целью данной статьи является изучение эволюции религиозной политики римских императоров в период кризиса тетрархии и гражданской войны 306–324 гг. Особое внимание уделяется выявлению особенностей религиозной политики императора Константина I.

В период принципата, начиная с Августа, фигура императора обожествлялась после смерти. Но эта процедура не приводила к сакрализации верховной власти, так как требовала согласия Сената и нового принцепса, являясь, таким образом, своеобразным отражением позиции римского нобилитета по отношению к прежнему императору. Кроме того, императорский культ в языческом Риме играл важнейшую роль в политике романизации провинций. Первые гонения на христиан в империи были связаны с их отказом приносить жертвоприношения обожествленным императорам. Такое поведение воспринималось местной администрацией и самим обществом как нарушение лояльности и приравнивалось к государственной измене [1].

Само христианство в период принципата постоянно развивалось и прошло путь сложной внутренней эволюции от маргинальной и организационно непрочной структуры к союзу общин с четкой вертикалью власти. К началу IV в. христианская религия распространилась по всей территории империи. Радикально изменился и социальный облик христианства в сравнении с первым веком его существования. Оно объединяло представителей всех римских сословий, включая патрицианскую знать и провинциальную аристократию [2, с. 127].

Последние гонения на христиан в Римской империи проводились в конце правления императора Диоклетиана (284–305 гг.). Их преследования начались в 303 г. н. э. и были вызваны традиционными причинами [3, с. 53]. Христиане воспринимались Диоклетианом как социально чуждый элемент, враждебный по отношению к традиционной римской системе ценностей и поэтому подлежащий насильственной романизации. Юридическим основанием для последних гонений на них стал эдикт от 23 февраля 303 г. Однако сами преследования христиан проводились непоследовательно и не повсеместно. Местная администрация часто смягчала меры, предписанные эдиктом, или вовсе саботировала его, не желая конфликтовать с влиятельными христианскими общинами, где находились представители провинциальной знати [4, с. 27–28, 42].

В период гражданской войны 306–324 гг. каждый претендент на верховную власть, кроме Максимиана Дазы, так или иначе стремился использовать христианство в своих политических целях. Однако лишь Константин сумел заручиться прочной поддержкой христианских общин, что сыграв

ло решающую роль в его победе над соперниками. Выбор Константином христианства имел под собой прежде всего именно политические основания. Новый доминус руководствовался государственными интересами и рассматривал христианскую церковь как важнейшую опору своей власти. К тому же он видел безрезультатность политики своих предшественников по отношению к представителям молодой религии [5]. Гонения на христиан, организованные Диоклетианом, не только не способствовали упрочению стабильности в государстве, но стали одной из причин его раскола и кризиса тетрархии.

Первой мерой Константина, направленной на установление союза империи и церкви, стал Медиоланский эдикт, принятый 13 июня 313 г. Он снимал все запреты с религиозной деятельности представителей христианской конфессии, гарантировал свободу вероисповедания. Он позволял христианам строить новые храмы и предписывал местным властям вернуть все конфискованное у них прежде имущество. Все религиозные культы провозглашались равными и имели одинаковые права. Поэтому Медиоланский эдикт нельзя рассматривать как возвышение христианства над язычеством.

Союз Константина и церкви стал главной причиной его победы над Максенцием, Максиминем Дазой и в конечном счете над Лицинием. Однако при всем своем расположении к христианству Константин I с уважением относился к старым культам. Продолжал носить титул верховного понтифика, разрешал ставить храмы императорского культа. Также особо радикальные активисты христианства, которые пытались закрыть или громить старые храмы, были резко остановлены [4, с 89]. Император рассматривал христианство в контексте развития управления. Старые верования достаточно сильны, а само христианство еще не так сильно консолидировано.

Таким образом, христианство в начале IV в. превращается в одну из сил политического влияния. Церковь нельзя уже игнорировать или задавить репрессиями, и Константин в стремлении получения новых политико-социальных инструментов власти приходит к пониманию необходимости союза и взаимопомощи с новой религией.

1. См.: *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви // Портал «Родон». URL: <http://www.rodon.org/pme/ihc.htm>

2. См.: *Памфил Евсевий.* Церковная история. М., 1993.

3. См.: *Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира. Ростов-н/Д, 1997.

4. См.: *Кравчук А.* Галерея римских императоров. Доминат. М., 2011.

5. См.: *Лактанций.* О смертях гонителей // Портал «Библиотека Якова Кротова». URL: http://krotov.info/acts/04/1/laktanzy_o_gonit.htm

Иоанн III Дука Ватац в трудах византийских авторов XIII – начала XIV в.

В начале XIII столетия Константинополь был завоеван крестоносцами, в результате чего Византия распалась на несколько частей. В 1261 г. под эгидой Михаила VIII Палеолога Византия была воссоздана, однако византийскими историками большая роль в возрождении империи отводилась василевсам династии Ласкарисов. Ярким представителем данной династии являлся Иоанн III Ватац-Ласкарис, который в трудах историков XIII – начала XIV в. наделялся всем спектром имперских доблестей и добродетелей.

Интеллектуалами традиционно подчеркивались военные доблести императора. Георгий Акрополит, прославляя императора, неоднократно восхвалял военные навыки василевса, причина которым крылась прежде всего во внутренней храбрости правителя. Оценивая военное искусство василевса, автор отмечал: «...император Иоанн является самым сведущим в полководческом искусстве и самым опытным в битвах с врагами» [1, с. 68]. Однако Никифор Григора, описывая деятельность Иоанна Ватаца, акцентировал внимание прежде всего на добродетелях, характеризующих императора как философа и филантропа, а не на военных доблестях правителя.

Необходимо отметить, что историки особо выделяли Иоанна III Дука Ватаца среди поздневизантийских императоров, наделяя его такими свойствами, как благочестие, человеколюбие, щедрость. Георгий Пахимер особо отмечал: «Милость царя неисчерпаемо лилась на всех, особенно же на воинов и людей, занимавшихся науками» [2, с. 30]. Подобная милость заключалась в благотворительных поступках василевса, импульсом к которой являлась имперская щедрость: «А от матери заимствовал щедродательность, так что подданным раздавал деньги обеими руками и, раздав их, не скорбел, а радовался» [2, с. 29], «сам совершал наилучшее служение празднуемому святому, – оказывал бесчисленные благотворения не только певцам, но и слушавшим пение» [2, с. 30]. Интересно отметить, что качество щедрости представлялось семейным, таким образом наследуемым будущим правителем. Никифор Григора в дополнение к вышенаписанному об Иоанне Дуке Ватаце писал: «Сколько внушило ему его доброе, благотворительное сердце (земля назначалась также для пропитания престарелых и убогих и для лечения одержимых всевозможными недугами» [3, с. 40]. Особо подчеркивал: «Не имел побуждения налагать корыстолю-

бивую руку на людей простых и неимущих, и чтобы таким образом римское государство очистилось от неправд» [3, с. 41].

Образу императора характерен был ряд достоинств, связанных с законодательной и политической сферами, важнейшие из которых – справедливость, ум, предусмотрительность, бережливость, чувство меры. Правитель должен был относиться ко всем одинаково, выступать главным гарантом правосудия и закона, стремиться к благосостоянию государства в целом. Искусство умело управлять империей считалось высшим уровнем применения практической философии [4, с. 182]. Иоанн Дука Ватац изображался Пахимером справедливым правителем, награждавшим людей за личные достижения, а не за чистоту крови: «Назначал людям должности и удостоивал их надлежащих почестей, смотря не на благородство происхождения и родственные связи с царским домом, а на отличные качества», «взгляд правителя <...> должен был вызывать подданных к доблести и отличиям; потому что раздавать царские награды правитель положил не за беспечность, а за подвиги, за готовность служить ему и возбуждать к службе других» [2, с. 30]. По словам Никифора Григоры, «...вел и устраивал дела правления: в короткое время он увеличил и внутреннее благосостояние Римского царства <...>; он ничего не делал, не обдумав, и не оставлял ничего, обдумав; на все у него были своя мера, свое правило и свое время» [3, с. 47]. Иоанн Ватац изображался историком прежде всего умным правителем, знающим чувство меры. Именно Иоанн «далеко распространил Римское царство, показав себя умным, распорядительным и прекрасным кормчим государственного римского корабля», стремясь улучшить экономику страны, он проявлял «царскую и гражданскую распорядительность», а также заботился о том, «чтобы в городах процветали правосудие и законность и вывелось корыстолюбие и хищничество» [3, с. 56]

Таким образом, никейский император характеризовался историками, прежде всего, как правитель-филантроп, который стремился сделать все возможное для процветания жизни византийцев.

1. *Акрополит Георгий*. История. СПб., 2005.

2. *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.

3. *Никифор Григора*. Римская История, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами (120–1341). Рязань, 2004. Т. 1

4. См.: *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978.

Иоанн Кантакузин и его «История»

Иоанн VI Кантакузин, чье правление пришлось на 1347–1354 гг., остался в истории Византии не только как император, но и как автор нескольких сочинений. После отречения от престола и принятия монашеского пострига под именем Иоасаф Христодул, он создал свое знаменитое историческое сочинение, написанное около 60-х гг. XIV в., получившее название «История» [1, с. 246]. Стоит отметить, что «История» до сих пор не издана на русском языке и встречается лишь в переводах некоторых фрагментов, касающихся религиозных сюжетов.

В «Истории» Кантакузин в основном описал события, современные ему, участником которых он непосредственно являлся. В частности, описывается период его активной политической жизни, начиная с правления Андроника III в качестве единоличного императора в 1328 г. и заканчивая отречением Кантакузина в 1354 г. Помимо этого, Кантакузин затрагивает и более поздние события. Кантакузин следует стилю Фукидида, у которого заимствует и описания некоторых эпизодов, например чумы 1348 г., применяя их к тому периоду, о котором говорится в «Истории» [1, с. 246].

В самом начале своего повествования Кантакузин обещает писать о произошедших событиях точно, не говорить ничего в угоду кому-либо и не упускать ничего из виду. Однако, несмотря на свои обещания описывать события беспристрастно, Кантакузин создает произведение, полное субъективизма. Он всячески стремится выставить свою деятельность в максимально благоприятном свете [2, с. 247].

По его словам, интересы Кантакузина всегда были направлены на обеспечение безопасности империи, на сохранение власти законного наследника. Но противники его, вопреки всем просьбам о мире, выбрали путь разрушения и войны: «Злой и завистливый демон подстрекал некоторых людей вести войну против меня, человека, интересы которого были направлены на общественную безопасность. Эти люди убедили всех остальных присоединиться к ним. Они опустошили землю, они увеличили угрозу от внешних врагов, они ослабили нас, ослабив армию и лишив денег» [3, §12]. В ходе всего повествования Кантакузин постоянно указывает на свое доброе отношение к молодому императору, регентом которого он являлся. Он пишет, что был полностью покорен им, и причиной тому были не только добрые чувства к отцу мальчика, но и добродетели, коими был преисполнен Иоанн V [3, §1]. Стремление показать свою добрую волю даже по

отношению к своим политическим противникам выразилось в описании Кантакузином дискуссии с патриархом Калекой. Обвиняя Калеку в разжигании розни, автор подчеркивает, что при всех злодеяниях, совершенных патриархом, он проявляет к нему мягкость и доброту [3, §4].

Даже нечестивые дела Кантакузин старается представить как вынужденную необходимость, служащую высоким целям. Преследуя эту цель, он умалчивает о некоторых фактах или приукрашивает их, используя исторический материал в наиболее выгодном для себя свете. Однако стоит отметить, что Кантакузин не утаивает разрушительные деяния османов на территории империи, произошедшие по его вине. Но автор упоминает о них вскользь и невзначай, при этом подчеркивая, что разграбление и разорение территорий, учиненное османами, противоречили его воле, и разнузданность турок огорчала его не меньше других [3, §9].

Несмотря на всю тенденциозность, материал, представленный Кантакузином, является подлинным, его повествование часто основано на документах и дневниковых записях, что предоставляет исследователю множество важных сведений. Кроме того, бывший император являлся непосредственным участником произошедших событий, человеком, награжденным острым умом, умеющим образно представить прошедшие события [4, с. 9]. Обращаясь к этому тексту, всегда стоит помнить, что «История» является произведением, преследующим апологетические цели. Кантакузин делает попытку оправдать политику, проводимую им во время своего правления, и старается убедить читателя в своей доброй воле и честности. Кантакузин весьма субъективен в изложении событий. В своем произведении он концентрирует повествование вокруг своей личности, всячески подчеркивая свою роль в произошедших событиях, зачастую приукрашивая ее. Он использует факты таким образом, что они служат его главной задаче. Это делает данное историческое сочинение уникальным [1, с. 249].

Учитывая тенденциозность повествования, к изучению «Истории» Кантакузина стоит подходить осторожно. В целом это сочинение является не только памятником литературы, но и одним из важнейших источников по истории поздней Византии наряду с «Историей Ромеев» Никифора Григоры.

-
1. См.: Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
 2. См.: Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011.
 3. См.: The History of John Cantacuzenus (Book IV): text, translation, and commentary. Washington, 1975.
 4. См.: История Византии : в 3 т. М. Т. 3, 1967.

Скараник как отличительный признак поздневизантийского аристократа (по Псевдо-Кодину)

Скараник является праздничным головным убором, который носили должностные лица Византии. Но значение термина *τό σκαράνικον* до некоторого времени оставалось спорным. Н. П. Кондаков и Ф. Кукулис приравнивали скараник к скарамангию – типу одежды, предназначенному для езды [1, с. 101]. В 1924 г. А. П. Смирнов доказал, что это головной убор, и эту точку зрения поддержал издатель текста «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина Жан Верпо [2, с. 236].

Сочинение Псевдо-Кодина (середина XIV в.) является основным источником по поздневизантийскому церемониалу, в котором содержится описание отличий скараника разных должностных лиц византийского двора. Он разделяет дворцовую иерархию на два разряда: носители «золотого» и «красного» скараника. Но разница во внешнем виде этого головного убора гораздо больше, чем предполагает данное деление. В зависимости от статуса его обладателя скараники отличаются материалом, цветом, типом и особенностями его декора, разнообразием иконографии императорского портрета, изображенного на нем.

«Золотой» скараник носили те, кто имел красно-золотые одеяния (от великого доместика до великого стратопедарха), также абрикосово-золотые (от великого примикирия до паракимомена опочивальни), бело-золотые (от логофета геникея до эпарха) и желто-золотые (от великого друнгария стражи до великого протоиеракария). Их головные уборы были выполнены из красного, абрикосового, белого и желтого шелка с вышивкой золотой нитью по нему. Идентификацию статуса в иерархии мы видим в градации цвета [3, р. 333].

Дальнейшее внутреннее иерархическое деление можно увидеть среди «золотых» скараников. На каждом из них имелось изображение императора спереди и сзади. Именно этот элемент декора являлся основным аргументом в определении того, что же такое скараник, так как есть множество визуальных источников, изображающих этот головной убор. Императорское изображение было дополнительным элементом к цвету, который определял ранг носящего головной убор. Способ и техника, используемые для создания изображения императора, а также иконография императорского портрета являются основаниями для деления на еще меньшие группы владельцев придворных титулов. На скараниках сановников, занимавших ступени с великого доместика до великого стратопедарха, изображение императора было

выгравировано или выбито на золотой или позолоченной пластине, которая крепилась спереди и сзади головного убора.

Следующая группа чиновников, начиная с великого примикирия до эпарха, имела на скаранике изображение императора, выполненное на стекле. Это была оборотная роспись на стекле, имитирующая эмаль. И, наконец, последняя группа сановников (от великого друнгария стражи по протоиеракария) носила скараники с вышитым изображением императора.

Иконография портрета императора также изменялась в зависимости от статуса чиновника. Первые две группы придворных чинов (с великого доместика по великого стратопедарха и с великого примикирия по эпарха) имели на головном уборе спереди и сзади изображение стоящего и сидящего на троне императора, выполненное либо на металлической пластине (у сановников первой группы), или на имитации эмали (у придворных второй группы). На скараниках чиновников, относящихся к третьей группе, иконография и техника исполнения портрета императора были иные – портрет сидящего на троне и верхом на лошади императора был нанесен с помощью вышивки.

Второй разряд – это обладатели «красных» скараников. К нему относились чиновники, начиная с великого диерминефта и до конца списка должностей. Скараники этих придворных резко отличались от скараников представителей первого разряда материалом, из которого был выполнен головной убор, более скромным декоративным убранством и однообразным цветом. Их скараники были целиком красные, изготовленные из ткани с ворсом, такой как бархат, велюр или фетр [3, р. 334]. Эти головные уборы не имели ни золотых вышивок, ни императорских изображений, но были украшены кистями. Более того, все чиновники второго разряда носили головные уборы одинаковой формы более низкой, чем форма скараников должностных лиц первого разряда.

Таким образом, скараник – это не просто головной убор, это социальный маркер, способ определения места должностного лица в иерархической системе византийского двора во время официальных церемоний, императорских приемов, банкетов или же торжественных выходов василевса со своими придворными за пределы дворца.

1. См.: Поляковская М. А. Византия, византийцы и византилисты. Екатеринбург, 2003.

2. См.: Смирнов А. П. Что такое «скараник»? // Византийский временник. 1991. Т. 52 (77). С. 236–237.

3. См.: Macrides R., Munitiz J.A., Angelov D. Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and ceremonies. Farnham, 2013.

Критика и восприятие концепции гуситского движения Ф. Палацкого в отечественной историографии 1840–1850-х гг.

Выдающийся чешский историк и общественный деятель, «отец нации» Франтишек Палацкий посвятил истории гуситского движения многие свои труды. Он не только проделал большую архивную работу, добыв ценные фактографические сведения, но и разработал оригинальную концепцию гуситского движения. Гуситство, по его мнению, стало апогеем «борьбы двух стихий» в истории Чехии – народно-демократического славянского начала против чуждого чехам авторитаризма немецких феодалов и католической церкви [1, с. 14–15].

Работы Ф. Палацкого и его учеников оказывали значительное влияние на развитие отечественной историографии гуситского движения вплоть до конца XIX в. [2, с. 151–152]. Однако наибольший интерес представляет период 1840–1850-х гг., когда русская историография гуситства находилась на этапе становления.

Всплеск интереса к данной тематике в России начался тотчас после публикации посвященного гуситскому периоду третьего тома германоязычной еще «Истории Чехии» Палацкого в 1845 г. За работу взялись ученики О. М. Бодянского – В. П. Елагин, Е. А. Новиков, А. С. Клеванов. Их труды были написаны в 1847–1850-х гг., но публикация части из них длилась до 1860-х гг.

Первой стала работа Елагина, полностью посвященная критике труда Палацкого. Здесь Елагин выступил с отповедью на отрицание Палацким всяких «православных основ» гуситского движения [3]. Напротив, Елагин пытался доказывать, что исконная тяга чешского народа к «чаше», к причастию под обоими видами (которое Елагин считал отголоском древнего православия в Чехии) и привела к гуситскому восстанию. На второй план отступала и личность Яна Гуса – лишь стремление к православию могло вызвать к жизни гуситство [3, с. 12–13]. Эти положения Елагина шли вразрез с точкой зрения Палацкого, однако работа Елагина так или иначе испытала влияние его труда – ведь она писалась «от противного», в попытках опровергнуть Палацкого.

Новиков, как и Елагин, критиковал в своих трудах отказ Палацкого признать достоверность утверждений ряда авторов XVII в. о стремлении гуситов к православию [4, с. 91]. Однако в своем двухтомнике «Гус и Лютер» Новиков, хотя и несколько с иных позиций, воспроизвел и развил тезис о «борьбе двух стихий». Новиков сравнил и противопоставил биографии двух

реформаторов – Яна Гуса и Мартина Лютера, каждый из которых выступил у него как некий представитель «своей» стихии. Славянам в лице Гуса Новиков приписывал такие качества, как свободолюбие, аскетизм, уважение к патриархальной семье, в отличие от авторитаризма, гедонизма и отрицания большой семьи у немцев в лице Лютера [5, с. 354–355, 365, 372, 445–446]. Однако диалектическая борьба двух стихий, согласно Новикову, привела к синтезу, которым стал протестантизм, невозможный без вклада гуситов. Новиков тем самым перенял и развил концепцию Палацкого, не приняв при этом некоторых фактических положений.

В отличие от остальных двух учеников Бодянского, А. С. Клеванов отрицал прямую связь гуситства и православия, говоря лишь о некоем «сочувствии» чехов к нравственным основам православия, противопоставляемых им католицизму [6, с. 122–123, 142–143]. Клеванов считал гуситскую историю историей борьбы славян и немцев, проникнутой «глубоким, коренным различием в характерах», а всю эту борьбу он понимал как философско-мировоззренческую и потому «бесконечно полезную для всего человечества» [6, с. 254–256]. Также противопоставлявший демократизм чехов феодализму немцев, Клеванов, отвергший положение о связи гуситства с православием и видевший гуситскую историю скорее историей «борьбы двух стихий», возможно, наиболее чутко воспринял концепцию Палацкого.

Концепция Франтишека Палацкого безусловно повлияла на развитие русской историографии гуситского движения. Первые крупные труды по данной тематике выходят уже после публикации работы Палацкого и в значительной степени представляют собой ответ на ряд положений его труда. Однако русские авторы в своих попытках опровергнуть фактические положения трудов Палацкого последовали за ним в теоретических построениях, переняв главный тезис о «борьбе двух стихий» в истории Чехии, апогеем которой стало гуситское движение. Концепции, выстроенные учениками Бодянского, будут определять развитие русской историографии гуситского движения вплоть до 1870-х гг. [2, с. 14–15].

1. См.: *Soukup P. Jan Hus. Život a smrt kazatele. Praha, 2015.*

2. См.: *Лантева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.*

3. См.: *Елагин В. А. Об «Истории Чехии» Франца Палацкого. М., 1848.*

4. См.: *Новиков Е. П. Православие у чехов // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1848. № 9. С. 433–526.*

5. См.: *Новиков Е. П. Гус и Лютер : в 2 ч. М., 1859. Ч. I.*

6. См.: *Клеванов А. С. Очерк истории чешского вероисповедного движения. М., 1876.*

**«Большой ценности он не представляет, а вред – большой»:
о работе С. А. Жебелёва в ГАИМК в первой половине 1930-х гг.**

Профессиональная деятельность антиковеда Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941) в послереволюционное время была связана с Российской академией истории материальной культуры (позднее ГАИМК). Историк старой школы продолжил работу в прежнем русле как исследователь-эпиграфист и классический филолог. Но изменения установок молодой советской науки коснулись всех и всего. Так вокруг написанного С. А. Жебелёвым некролога М. И. Смирнову в 1928 г. в газетах поднялся большой скандал, известный как «дело Жебелёва» [1, с. 116–161]. Историк принес публичные извинения.

Однако история имела продолжение: в ГАИМК в 1930 г. С. А. Жебелёв попал под удар комиссии, проводившей чистки работников, так как он, во-первых, приобрел для академии библиотеку покойного Б. В. Фармаковского за большие деньги, и, во-вторых, члены комиссии обнаружили недостатки книги «Введение в археологию» [2, с. 16], вышедшей в 1923 г. У С. А. Жебелёва были достаточно теплые отношения с супругами Фармаковскими, что подтверждает их обширная переписка [3, л. 1–20]. Антиковед сам продал свои книги и понимал ситуацию, а также ценность этой коллекции. По второму вопросу эллинист О. О. Крюгер (1893–1967) подчеркнул, что в учебном пособии имеется плагиат [2, с. 16]. Сам С. А. Жебелёв писал, что подобное мнение уже было, и он с ним не соглашался [4, с. 187].

На этом же заседании археолог П. Н. Шульц посчитал, что Жебелёв должен остаться в академии и продолжать передавать опыт и знания, но поработать над собой, чтоб из хранителя фактов превратиться в исследователя, продвигающего свое научное мировоззрение вперед [2, с. 16]. С. А. Жебелёв избежал увольнения. А в свет вышла статья «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (1933 г.). Языковой анализ текста и установки марксизма-ленинизма открыли революционный характер восстания скифов на Боспоре под предводительством царского раба Савмака. Не дворцовый переворот произошел в Пантикапее в конце II в. до н. э., а восстание рабов-скифов, похожее на другие восстания того же времени в других регионах античного мира. У судьбы этой статьи отдельная история, но на тот момент она сыграла положительную роль в судьбе античника.

Но 1934 г. был поворотным в судьбе народа и государства. После убийства С. М. Кирова начались поиски врагов. В ГАИМК этим занималась секретная часть. О С. А. Жебелёве писали следующее: он близко стоял к церковнику Б. А. Тураеву, белоэмигранту М. И. Ростовцеву, монархисту Г. Ф. Церетелли.

В прошлом он – «ученый *среднего качества*: написал всего две книги, остальные – статьи». Не раз оплакивал «лихолетье». С. А. Жебелёв выступал против кружков, ударничества, критиковал методологию, зажимал рот молодым ученым. Но подчеркивалось, что он трудолюбив, дисциплинирован, хорошо обучает древним языкам, написал статью про восстание рабов. А в заключении: «Большой ценности он не представляет, а вред – большой» [5, л. 10, 93].

Другой любопытный документ – характеристика О. О. Крюгера на неопубликованную рукопись С. А. Жебелёва «История Русского Археологического общества 1897–1921 гг.». Ученый передал свой труд в архив ГАИМКа [6, с. 556], надеясь, что опыт и история старого общества археологов будут полезными. Рукописью заинтересовался Крюгер. Он уточнил, что, переписав статью, автор смягчил антисоветские выпады, прибавил главу. В глаза рецензенту бросились резкое противопоставление нового и старого в исторической науке, проявление монархизма. В заключении рецензент определил, что «это не историографический очерк, а *антисоветская политическая брошюра, бездарного ученого, раболепствующего перед монархическим прошлым*» [5, л. 62–63]. Такой отзыв, однако, не стал причиной нового «дела». В ГАИМКе (затем Институт истории материальной культуры РАН СССР) С. А. Жебелёв работал вплоть до своей смерти в декабре 1941 г.

Таким образом, рассмотренные эпизоды из работы антиковеда старой школы говорят о том, что над ним постоянно висела угроза. Написание статьи, отвечающей идеологическим установкам, было большим плюсом, однако архивные материалы говорят о том, что С. А. Жебелёву приходилось трудиться во благо науки в напряженной атмосфере.

1. См.: Тункина И. В. «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России : альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161.

2. См.: Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИ АН СССР // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2009. № 4. С. 8–36.

3. См.: РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 232.

4. См.: Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историографические этюды С. А. Жебелёва (вступит. статья и публикация текста) // Вестн. древн. истории. 1993. № 2. С. 172–201.

5. ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13.

6. См.: Тихонов И. Л. О неопубликованной рукописи С. А. Жебелева «История Русского Археологического общества 1897–1921 гг.» // История: мир прошлого в современном освещении : сб. науч. статей к 75-летию со дня рождения Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 555–570.

**ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОЧНИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Н. О. Пальянова

*Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске
(Тобольский государственный педагогический институт)*

Афинянка в судебных речах Лисия

Афинский полис V–IV вв. до н. э. переживал экономический, политический и культурный расцвет. Вместе с тем у афинской демократии были и темные стороны. Одной из них было положение женщины в семье.

Мы не располагаем подробной информацией об афинских женщинах в семье, но на основании имеющихся данных источников можем сказать, что женщина не имела никаких прав и, став замужней, теряла всякую самостоятельность. Как писал Ксенофонт в «Домострое»: «А что она могла знать, Сократ, когда я ее взял? Когда она пришла ко мне, ей не было и пятнадцати лет, а до этого она жила под строгим присмотром, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить», «...она была уже превосходно приучена к умеренности, когда пришла ко мне: а это, мне кажется, самая важная наука как для мужчины, так и для женщины» [1, с. 218]. Она должна быть молчаливой, скромной, трудолюбивой, как пчелиная матка [1, с. 222]. Одним из ценных источников, рисующих положение женщины в семье, являются речи оратора Лисия, которые он писал на заказ для участников судебных тяжб. Особенно много информации мы находим в защитительной речи, написанной для афинского гражданина Евфилета, выступающего на суде в качестве ответчика.

Из этой речи можно узнать, что возраст жены по афинским традициям был 12–15 лет, тогда как мужчина женился не раньше 30 лет. Ксенофонт, современник Лисия, в трактате «Домострой» пишет, что когда жена входит в дом, муж передает ей все свое хозяйство и указания, где должна каждая вещь лежать [1, с. 224]. «Ее единственная забота – рожать детей своему мужу и воспитывать

своих сыновей до семилетнего возраста, когда их от нее отнимают. Дочерей она оставляла при себе, приучая их к унылой жизни в гинекее в роли хозяйки и производительницы. Жена афинского гражданина всего лишь “ойкурема”, “предмет” (по-гречески это слово среднего рода), созданный для домашнего хозяйства». [2, с. 66]. Для афинянина его жена лишь первая среди его служанок. Почти все дни афинянки проводили на женской половине дома, гинекее, занимаясь домашним хозяйством, ткачеством и шитьем, а также воспитанием детей. На улицу женщина не выходит, только может присутствовать (в сопровождении рабыни) на свадьбах, похоронах и религиозных праздниках, например Фесмофориях, в которых участвовали только замужние женщины. Выходить без сопровождения ей разрешалось по достижении только такого возраста, когда о ней можно было спросить: чья это мать, нежели: чья это жена [3, с. 39].

В начале Пелопоннесской войны Перикл говорил в своей речи, обращаясь к афинским женщинам: «Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу» [4, с. 45].

В Афинах измена жены рассматривалась как вполне достаточный повод для расторжения брака. В защитительной речи Лисия по делу об убийстве Эратосфена афинянин Ефтилет убивает Эратосфена, ссылаясь в своей защите на закон, позволяющий мужу убить соблазнителя жены. По закону: «...не должно обвинять в убийстве того, кто застав у жены своей любовника, подвергнет его такой каре» [5, с. 52]. Эратосфен вину свою признал, но молил слезно его не убивать, выражая готовность заплатить штраф. «Но я не согласился на предложенный им штраф, находя, что закон государства должен иметь более силы...» [5, с. 52]. Жenu Ефтилета ждало тяжелое наказание: у нее отнимали ребенка, изгоняли из дома мужа, подвергали унижениям. По закону Солона, который цитирует оратор Эсхин, «запрещается женщине, которую застали с любовником, украшаться и входить в общественные храмы, чтобы не соблазнять непорочных женщин своим сообществом. Если же она войдет в храм или украсит себя, то закон повелевает первому встречному разорвать на ней платье, снять с нее украшения и бить, только не до смерти и не до увечья: так закон бесчестит подобную женщину и делает для нее жизнь невыносимой» [6, с. 143].

В речи Лисия описан один из самых трагических вариантов женской судьбы. В то же время мы видим уважительное отношение к супругам во многих произведениях афинских авторов. Горестные и трогательные слова пишут на надгробиях умерших женщин афинского кладбища Керамик их родители, мужья и дети. Сами изображения умерших женщин, с которыми прощаются их родные, тоже не могут оставить равнодушными даже современного человека. Но эти примеры не могут изменить общей картины женского бесправия в семье и общественно-политической жизни самого передового полиса древней Греции.

-
1. *Ксенофонт. Домострой* // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 217–230.
 2. *Кривошта Н. А.* Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII–V вв. до н. э. // Женщины в античном мире. М., 1995. С. 63–74.
 3. См.: Женщины в античности // Античный вестник. Вып. II. Алматы, 2005. С. 37–54.
 4. *Фукидид. История.* Л., 1981.
 5. *Лисий. Речи.* М., 1994.
 6. *Эсхин. Речи* // Вестн. древней истории. 1962. № 3–4.

А. С. Чувашева
Уральский федеральный университет

Женщины-соблазнительницы в исторических произведениях Тацита и Светония

Многие сюжеты истории Древнего Рима, начиная с самых ранних ее периодов, связаны с женщинами. Как правило, римские историки характеризуют римлянок довольно негативно. Это может быть объяснено, во-первых, представлениями авторов о падении современных им нравов, и, во-вторых, тем, что на девиантное поведение общественное мнение всегда реагирует бурно. Рассмотрим героинь Светония и Тацита.

Одна из них – дочь Августа Юлия, бывшая женой Тиберия [1, р. 383]. Юлия была сослана, а ее предполагаемые любовники были либо также сосланы, либо приговорены к смерти, или же сами покончили с собой. Основанием для изгнания и остальных приговоров послужили, согласно указаниям Тацита, обвинения в кощунстве в отношении величества и религии [2, с. 260]: «Присвоив этому столь обычному между мужчинами и женщинами проступку грозные наименования святотатства и оскорбления величия, он отступал от снисходительности предков и своих собственных законов» [3, III, 24]. Светоний пишет: «Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома» [4, Август 65, 1-3]. Он отмечает, что Юлии и осужденным мужчинам были поставлены в вину прелюбодеяния и безнравственность [4, Тиберий 11, 4].

Мессалина – жена Клавдия – также стала олицетворением женской порочности [4, с. 261]. Тацит обвиняет ее в распутстве и попирании норм [3, XII, 7]. Ей приписываются любовные похождения, интриги, убийства лишь из жадности роскоши, богатства и развращенности [3, XI, 25].

Сестер императоров часто обвиняют в развязном поведении, например Друзиллу, сестру Калигулы [4, Калигула 24, 1-3]. Светоний отмечает, что причина кроется в принуждении, однако использует здесь «формулу» Овидия: «Casta est quam nemo rogavit» (Чиста лишь та, которой не ищут) [5, с. 202]. На примере Друзиллы очевидно, что женщине не обязательно нужно было вести распутный образ жизни, заводить любовников, достаточно было того, что ходили слухи о ее близости с братом, который, к слову, и был, судя по сообщениям античных авторов, инициатором этих сексуальных отношений: «Он отнял ее у мужа, открыто держал как законную жену, и даже назначил ее во время болезни наследницей своего имущества и власти. Когда она умерла, он установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми» [4, Калигула 24, 1-3].

Не только близкие к императорской семье женщины обвиняются в подобном безнравственном поведении. Светоний пишет, что и весталки – *virgo vestalis* – жрицы богини Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почетом, иногда не оправдывали своего положения и не блюли чистоту. «Весталок, нарушивших обет девственности, – что даже отец его и брат оставляли без внимания, – он наказывал на разный лад, но со всей суровостью: сначала смертной казнью, потом по древнему обычаю. А именно, сестрам Окулатам и потом Варронице он приказал самим выбрать себе смерть, а любовников их сослал; но Корнелию, старшую весталку, однажды уже оправданную и теперь, много спустя, вновь уличенную и осужденную, он приказал похоронить заживо» [4, Домициан 8, 3-4].

Иногда после анализа подобных женских «проступков» можно прийти к выводу о том, что римское общество не предоставляло женщине иной возможности освобождения, кроме разврата, некоего бунта, освобождение путем злоупотребления сексуальной свободой [6, р. 113]. Но необходимо учитывать, что, во-первых, часто историки пользуются достаточно сомнительными источниками – слухами, молвой, а они не всегда отражают реальное положение; во-вторых, каждый из историков преследовал свои цели, рассказывая о женском разврате: Тацит так демонстрировал упадок нравов, Светоний – делал акценты на слабостях, пороках императоров; в-третьих, такое поведение не считалось нормой, именно поэтому авторы уделяют ему особое внимание, опуская при этом саму «норму».

1. См.: *Rogers R. S.* The Deaths of Julia and Gracchus, A.D. 14 // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 98. 1967. P. 383–390.

2. См.: *Шенн Т.* «Власть женщин» в ранней римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 242–269.

3. *Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. М., 1993. Т. I. Анналы.*
4. *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993.*
5. *См.: Овидий. Любовные элегии. М., 1963.*
6. *См.: Vigneron R., Gerkens J. The Emancipation of Women in Ancient Rome // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. 2000. Vol. 47. Bruxelles. P. 107–121.*

К. А. Созинова

Уральский федеральный университет

Светское общество в Англии на рубеже XVIII–XIX в.: манеры и нормы этикета (на примере романов и переписки Джейн Остен)

Манеры – основной индикатор человеческого поведения в обществе. По ним можно с определенностью судить о социальном статусе человека, чем с большим интересом занимались современники Дж. Остен, ведь рубеж XVIII–XIX в. в Англии был временем высокой социальной мобильности. Для недавно появившегося среднего класса новым лозунгом стала «учтивость» (politeness), код поведения, который подчеркивал благожелательность, скромность, критическую самооценку и честность. Поведение в светском обществе во времена Дж. Остен основывалось на строгих стандартах этикета, особенно для женщин.

Для исследователей социальной истории романы Дж. Остен – прекрасное собрание нравов светского общества. Утренние визиты, например, были частью повседневной жизни для представителей среднего класса, особенно, когда они были в городе. Этикет нанесения визитов был четко установленным ритуалом в обществе, а визитная карточка была важной частью знакомств, приглашений и визитов. «Нанесение визитов и ответы на них – составляли всю жизнь женщин в Англии» [1, р. 209].

Вежливость и хорошие манеры неразрывно были связаны с образованием и воспитанием. Но какое же общество почиталось за хорошее? Дж. Остен раскрывает это понятие в диалоге двух героев в романе «Доводы рассудка». Энн Элиот, дочь баронета, замечает: «По мне, хорошее общество – это общество людей, образованных и умеющих поддержать интересный разговор» [2, с. 187]. На что мистер Эллиот отвечает: «...вы заблуждаетесь, это не хорошее общество, это общество лучшее. В хорошем обществе требуют лишь происхождения, образованности и светских манер, да и то по части образованности там не слишком привередливы» [2, с. 188]. Для джентри происхождение и манеры – ключевые факторы, определяющие положение человека в обществе.

Остен высмеивает слишком чопорное поведение и преувеличенную вежливость, которой подвержены высшие эшелоны джентри. Многие из ее знатных героев – высоконравственные лицемеры или им недостает сердечности и открытости – два из наиболее сильных ее обвинений. Мистер Эллиот в «Доводах рассудка» внешне лощеный и прекрасно воспитанный, но Энн Эллиот находит его недостаточно открытым. «Мистер Эллиот был рассудителен, хладнокровен, благоразумен, но он не был открыт» [2, с. 201].

Точное понятие того, что составляет приличествующее джентльмену поведение, в конце георгианской эры было достаточно сложным и достаточно дискуссионным. Мистер Вудхаус, например, являет пример старомодных манер. Наличие непринужденных манер не обязательно было синонимом истинного аристократизма. Генри Крофорд и Фрэнк Черчилль имеют непринужденные манеры, но они более ассоциируются с французским дендизмом и жеманством. Примером английского джентльмена является мистер Найтли. Он делает Эмме предложение «благородно, прямо, без обиняков, как ему было свойственно, – простым языком» [3, с. 821], а его определение настоящего джентльмена предполагает, что он «обладает тем бережным отношением к чувствам других, которое разумеет англичанин под истинною любезностью» [3, с. 529].

В центре повествования Остен – манеры ее героев и то, насколько они отражают их воспитание, образование и социальную принадлежность. Возможно, самым главным вопросом была подлинная природа хороших манер. Такие герои, как генерал Тилни в «Нортенгерском аббатстве» и сэр Томас Бертрам в «Мэнсфилд-Парке», чрезвычайно благовоспитанные, и все же их поведение заслуживает порицания. Леди Мидлтон в «Чувстве и чувствительности» и Элизабет Эллиот в «Доводах рассудка» обладают элегантными и благородными манерами, но они холодны и эгоистичны. Энн Эллиот отзывается о «изысканном равнодушии отца и сестрицы» [2, с. 284]. Хотя Дарси имеет благородное выражение лица и аристократическую внешность, но он «горд, замкнут и ему сложно было угодить. Его манеры, хотя и свидетельствовали о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе окружающих» [4, с. 16]. Сестры мистера Бингли «были в самом деле особами весьма изысканными. Они не были лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении духа, умели понравиться, когда это входило в их намерения, но в то же время были заносчивы и высокомерны» [4, с. 15], тогда как сам мистер Бингли был охарактеризован в обществе как молодой человек с «благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами» [4, с. 11]. И что более ценно «Дарси ценил [мистера Бингли] за его легкую, открытую и податливую натуру» [4, с. 16].

В своих романах Дж. Остен демонстрирует как расходится теория и практика: в теории вежливость олицетворяет элегантность манер и такие добро-

детели, как хорошее чувство юмора и доброжелательность, но на практике манеры и нормы поведения не всегда сочетаются.

-
1. *Vickery A. The Gentleman's Daughter: Women's Lives in Georgian England.* New Haven; London, 1998.
 2. *Остен Дж.* Доводы рассудка : роман. М., 2011.
 3. *Остен Дж.* Чувство и чувствительность. Эмма : романы. М., 2014.
 4. *Остен Дж.* Гордость и предубеждение. Нортенгерское аббатство. Пермь, 1993.

М. С. Вельмакина

Новосибирский государственный педагогический университет

«Томские губернские ведомости»: ответ на «женский вопрос»

Несмотря на то, что томская газетная периодика второй половины XIX – начала XX в. вызывает стабильный интерес историков, «женский вопрос» на ее страницах еще не был предметом специального изучения.

Статья посвящена выявлению позиции «Томских губернских ведомостей» по «женскому вопросу».

В качестве источника я привлекла газету «Томские губернские ведомости» с первого номера (1857 г.) до 1905 г. Выбор нижней хронологической границы связан с началом издания газеты, верхней – объясняется изменением направления дискуссии по «женскому вопросу» и ее политизацией. В начале XX в. «женский вопрос» и женское движение в России вышли на качественно новый уровень. Это связано с требованием женщинами избирательного права, которое с 1905 г. было предоставлено мужчинам.

Понятием «женский вопрос» обозначается комплекс проблем, решением которых является достижение равноправия мужчин и женщин.

Самыми информативными для меня являются аналитические статьи, объединенные мною в смысловую группу «Обоснование потребности в женском образовании». Своими задачами авторы таких статей – автор, скрывший свое имя под криптонимом «Н.В.», В. Вагин и М. Попов – считали привлечение внимания к проблеме низкого уровня женского образования и к финансированию учебных заведений, обоснование необходимости образования [1, 2, 3].

Потребность в образовании девочек очевидна для анонимного автора, поскольку «велико предназначение женщины в мире» [1]. Поиск мецена-

тов, готовых поддержать идею открытия женской гимназии в Томске, должен был стать первым шагом, последующим – открытие института. С такой просьбой он обращался к обществу, веря, что «это дело общественное, народное» [1].

Общество созрело для удовлетворения потребности в женском образовании, это стало показателем зрелости общества, сделал вывод В. Вагин: «Образование девиц стало насущною потребностью времени <...> образование прочное, которое развивало бы...» [2]. Иного мнения, чем В. Вагин, придерживался М. Попов, считая недостаточной потребность общества в обучении девочек [3]. Возможно, продолжал он, бесплатное обучение поможет изменить ситуацию: «Начнем это дело с развития этой потребности, будем обучать девочек даром, – даром-то, может быть, и найдутся охотницы учиться» [3].

Проблема женского образования актуальна для пореформенного времени. Именно вопрос женского образования становится центральным в дискуссии по «женскому вопросу», в которую включились и сибирские публицисты.

Ряд статей я поместила в смысловую группу «Зарубежный опыт». Статья «Число женщин-врачей» представляет собой выдержки из медицинского лондонского журнала [4]. Вывод такой: число женщин-врачей в мире возрастает, но пока остается явлением редким. Но возможным! В публикации «Женщина-феномен» рассказано о женщине-докторе медицины, у которой рождались только двойни и тройни [5]. В чем феномен? Скорее всего, речь идет о детях, а значит, женщина – доктор наук – это рядовой случай. Эти и подобные статьи могли побудить женщину получить медицинское или иное образование. В статье «Взгляд американцев на воспитание женщин» представлены размышления автора на тему: «Чему мы должны учить наших дочерей?» [6]. Ответ безусловен: быть хорошей женой, трудолюбивой. Избрав эту модель поведения, женщина оставалась в приватной сфере, но наделялась в ней большей инициативностью.

Статьи этой группы опубликованы без комментариев, и мы не знаем, совпадали ли взгляды авторов и тех, кто перепечатал материал. Полярность мнений указывает на то, что дискуссия продолжалась.

Анализируя вышеизложенную информацию, мы приходим к выводу, что предназначение женщины велико, но полученные равные права никак не переходят в равные возможности: еще сохраняется ограничение даже образованной женщины в кругу семьи, что оставляет женщину экономически зависимой от мужчины. Все приобретенные знания женщина должна применять в первую очередь на благо своей семьи, став аккуратной, мягкой, трудолюбивой, заботящейся о домоводстве супругой, матерью, домохозяйкой. И здесь нужно уточнить, что это мужская версия решения «женского вопроса».

Одновременно с существованием вышеизложенной позиции мы видим из газетных статей и успехи женщин, а эти положительные примеры не оставались единичными.

-
1. См.: *Н.В.* О женской гимназии в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. 14 ноября.
 2. См.: *Вагин В.* Еще о женской гимназии // Томские губернские ведомости. 1859. 23 января.
 3. См.: *Попов М.* Томск. Мая 5 дня // Томские губернские ведомости. 1860. 24 июня.
 4. См.: Разные известия. Число женщин-врачей // Томские губернские ведомости. 1882. 17 июня.
 5. См.: Разные известия. Женщина-феномен // Томские губернские ведомости. 1883. 3 февраля.
 6. См.: Разные известия. Взгляд американцев на воспитание женщин // Томские губернские ведомости. 1888. 28 января.

Д. А. Снигирева
Уральский федеральный университет

Советский стиль по женским журналам: «Работница», «Крестьянка», «Журнал мод» в 1953–1964 гг.

«Повседневность – это мир всех людей, в котором исследуется не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания» [1, с. 97]. Историю советской моды можно рассматривать и как объект материальной культуры, и как социально-психологическую, поведенческую характеристику повседневности.

«В советской истории наиболее значимые изменения в моде происходили в те годы, когда приоткрывался доступ к образцам мировой моды. К таковым относится хрущевское десятилетие. Концепция социалистической моды являлась способом регламентации внешности, следование этим нормам в повседневной практике расценивалось как обладание хорошим вкусом. Официально одобренный стиль одежды для массового потребителя должен был соответствовать правилам приличия с их представлением о скромности, умеренности и изяществе и моральному кодексу строителя коммунизма, а мода в целом, изменяясь из года в год, должна была отражать успехи советской промышленности. Советский стиль стал основой для разработки образцов женского костюма» [2, с. 238].

«Признав возможность существования моды в социалистическом обществе, партийно-государственный аппарат в 1950–1960-е гг. стремится познакомить население страны с официально одобренным советским стилем, основными канонами которого считались простота, скромность и удобство. Основными каналами трансляции политики партии в области моды становятся средства массовой информации, например, периодическая печать, с помощью которых до населения доводятся нормы, которым должны были следовать граждане, обладающие хорошим вкусом» [3, с. 16].

Одним из основных источников для изучения моды периода «оттепели» служит периодическая печать. Это ориентированные на широкие массы женские журналы. В ходе исследования было изучено три советских журнала для женщин за период 1953–1964 гг.: «Работница», «Крестьянка», «Журнал мод» в количестве 158 выпусков. Каждый из них освещал разные аспекты жизни советской женщины: бытовые вопросы, моду, уход за собой, кулинарию, проблемы взаимоотношений и т. д. Тем не менее каждый из изученных журналов пользовался спросом у женщин. Достаточно интересным является история создания этих журналов и структура их содержания. Так, например, в «Работнице» первые страницы журнала всегда были посвящены каким-либо политическим событиям. Большую часть статей в журнале представляют статьи о повседневной жизни советских женщин. Также в журнале присутствуют статьи по уходу за собой, советы, как правильно подобрать одежду, о новых тенденциях моды. В журнале «Крестьянка» обязательно рассматривается политическая, экономическая жизнь, публикуются материалы о колхозе, о животноводстве, о женщинах колхоза – доярках, телятницах, свиноводках, труженицах полей. Особое внимание уделено рубрикам, где приведены несколько художественных стихотворений или рассказов. Мода, как правило, отводились одна-две последние страницы журнала. «Журнал мод» в основном состоит из множества фотографий, зарисовок, рисунков и эскизов. Статей в журнале немного, те же, которые присутствуют, в основном посвящены модным тенденциям, правильности выбора наряда, а также участию советских делегаций в различных фестивалях мод.

Освещение трудовой деятельности женщин является основой публикаций в женских журналах. Героини статей изображаются активными членами партии и комсомола. Однако со временем женщинам рекомендуется следить и за своим внешним видом: быть ухоженными, красивыми, хорошо одетыми. Странички с моделями одежды и выкройками, советами косметологов встречаются практически в каждом выпуске женского журнала.

Таким образом, на основании статей в женских журналах можно проследить изменение стилей одежды, актуальных тканей, фасонов, расцветок, аксессуаров, которые менялись с каждым сезоном. Советские женские журналы «Работница» и «Крестьянка» давали женщинам представление о новых

модных тенденциях, о зарубежной моде, публиковались статьи о новых коллекциях, размещая фотографии и иллюстрации новых модных костюмов. Что же касается специализированного «Журнала мод», здесь без исключения все статьи посвящены моде: будь то информация о новых коллекциях, о съездах и конгрессах посвященным событиям мира моды.

1. См.: *Вамбольдт Н. В., Шубина М. П.* Повседневность в истории // Гуманитарные исследования : ежегодник. Вып. 11 // Межвуз. сб. науч. трудов. Омск, 2006. С. 92–99.

2. *Виниченко И. В., Грымак А. Н.* Концепция советского вкуса в моде и потребительской культуре периода «оттепели» // Омск. науч. вестн. 2011. № 5 (101). С. 237–241.

3. *Виниченко В. И.* Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике : автореф. дисс. ... канд. ист. н. Омск, 2009.

В. Л. Зарубская

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

филиал в г. Перми

Дискурсы сексуальности и полового воспитания школьников в средствах массовой информации в эпоху перестройки

В исследовании производится анализ дискурса сексуальности и полового воспитания школьников в эпоху перестройки. «Советский гендерный порядок формировался под влиянием государственной гендерной политики, принципы которой изменялись на разных этапах социалистического строительства» [1, с. 299].

На протяжении установления и закрепления режима в Советском Союзе можно было говорить о разных дискурсах сексуального просвещения, которые наблюдались как в публичной, так и в частных сферах. В связи с чем выделяются официальные дискурсы, которые составляли большую часть публичной сферы, и оппозирующие, которые раскрылись только в середине 1980-х гг., в связи с изменением политики государства. В это время происходит изменение практик коммуникаций и понятий, которые затрагивают публичную сферу и меняют сексуальную политику с политики «умолчания» на политику гласности, или открытости. Этот процесс сопровождается изменением коннотации секса и сексуальности в СМИ, что активно сказывается

на одной из самой восприимчивой социальной группы – молодежи, в среде которой происходит активное усвоение оборотов речи, связанных с сексуальными практиками.

Задача исследования состоит в том, чтобы показать, какие источники способствовали распространению и усваиванию сексуальных практик в подростковой и молодежной среде. В основе работы лежит анализ СМИ за период 1985–1991 гг., а также в качестве дополняющих и расширяющих уровень рассмотрения проблемы приводятся работы других авторов, посвященные проблемам сексологии и подростковой сексуальности [2, 3, 4].

Необходимо отметить, что хронологически исследование строится на периодизации финской исследовательницы А. Роткирх, которая выделяет три поколения: старшее поколение, среднее поколение, младшее поколение.

Если обратить внимание на каналы формирования знаний о сексуальности, необходимо отметить опрос, проведенный исследователями в конце 1989 г., в рамках которого были установлены наиболее достоверные и полные источники информации. По мнению респондентов, в этот список вошли специальные учебные курсы в школах, специальная научно-популярная литература, научно-популярные фильмы, программы по телевидению, консультации у врачей-специалистов, беседы с родителями и с ровесниками [2, с. 70].

Таким образом, основной акцент исследования был сделан именно на приведенных выше источниках информации, которые послужили каналом для преобразования сексуальных практик отдельных людей в период перестройки.

Вопрос о сексуальном просвещении подростков поднимается практически одновременно с установление политики гласности. Сексуальное просвещение начинает проводиться с 1985 г. Одним из первых документов стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детям» в школах, в котором говорилось об обязательном введении курсов «Гигиеническое и половое воспитание» для 8-х классов и «Этика и психология семейной жизни» для 9–10-х классов.

В 1988 г. на страницах журнала «Аврора» появляется «Интердевочка» Владимира Кунина [5], после выхода которой в редакцию журнала поступает все больше писем с негативной оценкой такого рода литературы.

В 1987–1988 гг. на страницах журнала «Огонек» начинают появляться статьи, посвященные проблеме СПИДа.

Примерно в это же время, в 1990 г., в журнале «Здоровье» начинает публиковаться цикл статей И. С. Кона по сексологии, в которых он пытается совместить все составляющие этой темы и исключить морализаторство.

Таким образом, можно отметить, что политика гласности попыталась раскрыть запретную ранее тему, в результате чего на страницах журналов

появился целый ряд социальных проблем, которых государству необходимо было как-то решать. Первые шаги были сделаны в области медицины, что послужило хорошей базой, но не дало в целом подросткам необходимых знаний и практик общения: как отмечают многие исследователи, книги по сексологии были доступны только медикам и вошли в общее употребление достаточно поздно.

Начальные годы перестройки не изменили официального отношения государства к сексуальности – оно пыталось скрыть существующие в обществе проблемы и оставалось таким же подозрительно-враждебным, как и раньше.

1. См.: Темкина А., Здравомыслова Е. Государственная конструкция гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1, № 3/4. С. 299–322.

2. См.: Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997.

3. См.: Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XX века. Социально-педагогический анализ. М., 2001.

4. См.: Rotkirch A. The Man's Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Helsinki, 2000.

5. См.: Кунин В. Интердевочка // Аврора. 1988. № 2. С. 87–130.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ТЕКСТЫ И ОБРАЗЫ

Ю. С. Шипицына

Уральский федеральный университет

**Сад за стеклом, или Преимущества визуальной культуры
(на примере прерафаэлитизма)**

Большинство людей не могут приспособить свое зрение так, чтобы, имея перед глазами сад, увидеть стекло, то есть ту прозрачность, которая и составляет произведение искусства.

Х. Ортега-и-Гассет

Когда вы видите перед собой картину, под ней – название, имя автора, год создания, вы ожидаете, что сейчас вам расскажут о ней нечто такое, что расширит ваши представления о британском искусстве. Это может быть чистой воды описание: «Перед вами девушка, подвешивающая омелу...»; незамысловатая интерпретация: «...обычай украшать дом омелой был известен еще у друидов, а затем заимствован христианской традицией»; подробности взаимоотношений художника и натурщицы; споры коллекционеров по поводу стоимости... Именно такого рода информация обычно сопровождает изобразительные источники, характеризуя их поверхностно, что в свою очередь порождает стереотипы в отношении визуальной культуры. Автор данных тезисов не ставит перед собой задачу критики истории искусства, но стремится, во-первых, освятить некоторые актуальные вопросы, связанные с изучением области, получившей название «визуальной культуры», а во-вторых, продемонстрировать преимущества нового направления на примере опыта изучения художественного образования в викторианском Бирмингеме.

Визуальная культура (англ. *visual culture*) – не единственное понятие, возникшее в попытках дать наименование тому объекту исследования, что был «открыт» посредством «иконического поворота» [1, с. 185–189].

Но, даже учитывая скудость опыта визуальных исследований в России и некоторые различия в толковании этого термина, именно оно прижилось в русском языке [1, 2]. Под визуальной культурой понимается как предметное поле исследования в целом, так и совокупность методологических приемов, а также теоретический концепт как таковой, что объясняется новизной направления и активными дискуссиями, вспыхивающими на страницах научных изданий [3, с. 243; 4].

В широком смысле визуальная культура задается вопросом о природе визуального. Используя метафору Ортеги-и-Гассета, можно сказать – вопросом о природе «стекла». Именно в этом заключается разница между «взглядом» историка искусства и «взглядом» историка визуальной культуры. Можно сказать, что визуальная культура – совокупность гипотез о том, что такое образ (изображение), какова его роль и условия создания (возникновения), бытования и восприятия в обществе. Стратегия визуальных исследований предполагает выявление внутренней логики образа (образности) и внешних посылок к его возникновению, определение объективных условий его трансформации.

Обращение к истории художественного образования в Бирмингеме в период с 1843 по 1921 г. немыслимо без изучения влияния прерафаэлитов. Тенденции к такому подходу прослеживаются в трудах современных исследователей Дж. Свифта [5, с. 84–87], К. Мэхони [6, с. 219] и Р. Хаслама [7, с. 145]. Следует отметить, что никто из них не позиционирует себя как сторонника «визуальных исследований». Однако рассуждения о специфике эстетического мировоззрения прерафаэлитов перемежаются с анализом педагогических изысканий Д. Г. Россетти, Дж. Рескина, У. Морриса. Выводы Свифта свидетельствуют о том, что это движение сыграло большую роль в становлении бирмингемской системы художественного образования в целом.

Акцент на влиянии прерафаэлитизма в данном случае позволяет избавиться от стандартных трактовок причин возникновения и развития институтов художественного образования в Бирмингеме, которые можно условно обозначить как «экономический детерминизм», «социальный запрос» и «политический заказ». В свою очередь концепт визуальной культуры не столько «реабилитирует» изобразительные источники для истории, но принципиально иначе ставит задачи их изучения, в частности затрагивая такие вопросы, как взаимоотношение искусства и образования, искусства и экономики, искусства и власти.

1. См.: *Инишев И.* «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // *Логос*. 2012. № 1 (85). С. 184–211.

2. См.: *Полюдова Е. Н.* Визуальная культура и современное художественное образование // *Педагогика искусства*. 2012. № 3. С. 1–11.

3. См.: *Баль М.* Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований / пер. с англ. Я. Левченко // *Логос*. 2012. № 1 (85). С. 212–249.
4. См.: *Crowther P.* From Visual Culture to Visual Art: The Normative Shift // *Journal of Contemporary Thought*. 2003. № 17. P. 17–26.
5. См.: *Swift J.* Birmingham and its Art School: Changing Views 1800–1921 / *Histories of Art And Design Education: Collected Essays*. Bristol, 2005. P. 67–90.
6. См.: *Mahoney K.* Work, Lack, and Longing: Rossetti's "The Blessed Damozel" and the Working Men's College // *Victorian studies*. 2010. Vol. 52, № 2. P. 219–248.
7. См.: *Haslam R.* Looking, drawing and learning with John Ruskin at the Working Men's College // *Histories of Art And Design Education: Collected Essays*. Bristol, 2005. P. 145–159.

К. В. Дриллер

Алтайский государственный университет

Народническая серия картин И. Е. Репина как отражение протестных настроений

Деятели культуры и искусства через свое творчество во все времена стремились передать свое отношение к событиям, происходившим в стране. 1870–1880-е гг. в России воспринимались обществом прежде всего как борьба между набиравшими в это время силу общественными движениями и правительством. Илья Ефимович Репин являлся видным общественным деятелем того времени, через свои картины народнической серии он выступал против политики царской власти в Российской империи.

Художник создал серию полотен, посвященных революционному движению, представленную восемью картинами: «Под конвоем. По грязной дороге», «Экзамен в сельской школе», «Сходка. При свете лампы», «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди перед казнью», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.», «Революционерка перед казнью. Тоска».

Стоит отметить, что отрицательное отношение к царскому правительству у Репина сформировалось с детства. Казачья семья художника не могла смириться с переводом их в статус военных поселян. Большое значение оказало и то, что семья художника жила в Чугуеве рядом с дорогой, по которой часто провозили в Сибирь заключенных, в числе которых были и политические ссыльные. Все это вызывало у Репина недоумение и сострадание народничеству, которое он выразил в своих картинах [1 с. 23–25].

Репин называл свою революционную серию линией служения искусства народу. Пора черной реакции, которая наступила в стране после убийства

революционной организацией «Народная воля» Александра II, не испугала художника, а наоборот, именно в 1880-е гг. он написал самые известные картины этой темы.

В картине «Отказ от исповеди перед казнью» Репин воссоздает образ революционера, а также обличает церковь – опору самодержавия. В тот период времени исповедь использовалась царской властью для определения своих врагов [2, с. 122]. Герой картины, отказываясь от исповеди, делает вызов официальной церкви, а также религии и государству вообще. Важное значение имело и отношение Репина к смертной казни, которую художник считал преступной мерой и остатком бесправного варварства [3, с. 12]. Таким образом, Илья Ефимович в «Отказе от исповеди» освещает бесправную политику царского правительства.

Главная идея картины «Не ждали» – оправдание революционера в моральном плане, а также возвеличение революционного движения, его идеалов и жертв. Свой протест против политики правительства Илья Ефимович передает через мелкие детали. Художник помещает рядом на одной стене две литографии, одна из которых изображает Александра II на смертном одре, а вторая воспроизводит картину Штейбена «Голгофа» [4, с. 65]. Первая призвана подчеркнуть, что репрессии царского правительства против народников не достигли своего успеха, поэтому революционеры выходят на свободу несломленными и верными своему делу. Вторая как бы указывает зрителю на высокий, мученический подвиг тех, кто борется за интересы простого народа. Таким образом, через противопоставление содержания литографий Репин показывает свое отрицательное отношение к царской власти, с одной стороны, и принятие и оправдание борьбы народников и их методов – с другой.

Художник стремился обличить самодержавие со всеми его преступлениями, что ему удастся достичь в картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.». Работа над полотном началась в 1881 г., в дни царского террора после убийства Александра II народолюбцами.

Репин в своей картине показал кровавые преступления царской власти, в числе которых и массовая расправа над народолюбцами. Идея показать царя-самодержца убийцей отвечала настроениям радикальной части общества и разночинной демократической интеллигенции [5, с. 67]. Образ Ивана Грозного указывает на то, что правительство не должно прибегать к террору в отношении собственного народа, иначе могут произойти необратимые последствия. Царевич Иван, представляя народничество в целом, предстает перед нами как жертва царской власти.

Таким образом, народническая серия картин Репина являлась своеобразной формой протеста художника против политики правительства. Илья Ефи-

мович стремился показать царской власти их преступления против простого народа, оказывая своим творчеством поддержку народникам.

-
1. См.: *Репин И. Е.* Далекое близкое. М., 1961.
 2. См.: *Сарабьянов Д. В.* Народно-освободительные идеи русской живописи второй половины XIX в. М., 1955.
 3. См.: *Репин И. Е.* О смертной казни // Речь. 1908. 29 августа. С. 10–14.
 4. См.: *Троицкий Н. А.* Русское революционное народничество 1870-х гг. Саратов, 2003.
 5. См.: *Ельшевская Г. В.* Илья Репин. М., 1998.

А. А. Сеньюхин

Московский государственный университет

О ренессансной трактовке библейских текстов в Древней Руси: Фёдор Карпов и 3-я книга Ездры

Творчество и идейные воззрения дипломата и книжника первой половины XVI в. Фёдора Ивановича Карпова не раз становились объектами изучения историков и литературоведов. Но, несмотря на этот факт и скудность сохранившихся его трудов (всего 4 послания), малоизученной остается его переписка с Максимом Греком о Левиафане. Суть обращения Ф. И. Карпова к афонскому монаху сводится к толкованию места из 6 главы 3-й книги Ездры, где упоминаются сотворение мира и Левиафан («О том, отче, молю твою честность разръшити сия: о водѣ и о земли и о Еносѣ и о Еливиафамѣ» [1, с. 338]). Примечательно, что исследователей больше привлекало начало письма, которое наиболее ярко характеризует личность Ф. И. Карпова как пытливого мыслителя. Сложно ставить под сомнение факт его образованности, но за этим ускользают более важные вопросы. Что было источником для размышлений Ф. И. Карпова? Почему он просил разъяснений у Максима Грека именно о сущности Левиафана?

К первой половине XVI в. уже была закончена работа над древнерусским библейским сводом, произведенного кружком новгородского архиепископа Геннадия (так называемая Геннадиевская Библия (ГБ)). Примечательно, что 3-я книга Ездры изначально не входила в более ранние славянские библейские тексты, поэтому она была переведена с латыни монахом-доминиканцем Вениамином [2, с. 6].

Вопрос об использовании Ф. И. Карповым перевода Вениамина не ставился исследователями ранее. Поэтому в ходе работы были сопоставлены приводимые книжником цитаты с текстом в Геннадиевской Библии. В результате было выявлена текстологическая близость двух текстов, что дает основания утверждать, что книжник использовал переведенную для Геннадиевской Библии 3-ю книгу Ездры.

Мог ли Ф. И. Карпов сам перевести интересующие его моменты? Исходя из содержания послания есть основание полагать, что книжник был знаком целиком с 3-й книгой Ездры, а не с отрывками. На это указывает вопрос, адресованный Максиму Греку: «аще въчтенъ есть Ездра въ пророкы – пишет бо о Христъ прямо нѣкако, не образы, ниже гананием (гаданием. – А. С.)» [1, с. 338], – о чем упоминалось в 7-й главе. Но из цитируемых частей Фёдора Карпова особо заинтересовал один отрывок, где описываются история создания мира и мифологических чудовищ Левиафана и Бегемота (3 Ездр. 6:38-54). Их описание есть в книге Иова в главах 40 и 41 и в книге Исаии в главе 27, которые в свою очередь входили в состав ГБ [3, с. 584]. Из этого следует, что Ф. И. Карпов был не знаком с Геннадиевской Библией, но знал лишь отдельные ее фрагменты.

По наблюдениям В. А. Ромодановской, переведенные с латыни части Библии могли «распространяться самостоятельно, потетрадно» [2, с. 28]. Таким образом, Ф. И. Карпов мог иметь перевод 3-й книги Ездры в виде отдельного кодекса, что и объясняет его желание узнать побольше о Левиафане и Бегемоте. К тому же до нас дошел сборник первой половины XVI в. (Ф. ГИМ, Увар. № 521), где перевод Вениамина книги Ездры распространялся практически самостоятельно [2, с. 28].

Интерес Ф. И. Карпова к 3-й книге Ездры мог быть обусловлен ее популярностью среди астрологов, с которыми он общался. В этой среде Ездре приписывались некоторые астрологические календари, пророка ценили как носителя особого, тайного знания [4, с. 14–16].

Как видно, перевод на древнерусский язык 3-й книги Ездры, осуществленный членами Геннадиевского кружка, по сравнению с другими библейскими книгами сыграл особую роль в творчестве Ф. И. Карпова. Это не только источник цитирования, но и предмет для рефлексии книжника (анализ библейского текста, попытки его воспринять в духе ренессансных традиций: «божественная бо писания бесчисленныя воды, глаголет, под землею, в безднах и на земли, в морихъ и езерахъ и реках, токоже и превыспрь на тверди, и сиа убо о сих аще благо есть тако разумѣти намъ?» [1, с. 338]). Интерес именно к 3-й книге Ездры Ф.И. Карповым можно объяснить и особенностями распространения древнерусского перевода, и в рамках его увлечений астрологией.

Это также говорит об особом восприятии ренессансной культуры русским книжником: анализ библейских текстов в гуманистическом контексте (*studia humanitatis*), проявление интереса к астрологическому знанию.

1. Карпов Ф. И. Предшествующее послание преп. Максиму Греку («О Левиафане») // Преподобный Максим Грек. Сочинения : в 2 т. Т. I. М., 2008. С. 337–339.

2. См.: Ромодановская В. А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6–28.

3. См.: Ромодановская В. А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия : в 40 т. Т. 10. М., 2005. С. 584–588.

4. См.: Stone M. E. The Metamorphosis Of Ezra: Jewish Apocalypse And Medieval Vision // *The Journal of Theological Studies*. New Series. 1982. Vol. 33, № 1. P. 1–18.

А. Д. Кузеванова

Уральский федеральный университет

«Конец Зарубежья»: размышления русских эмигрантов об итогах Исхода

В 30-е гг. XX в. начинается то, что мы вслед за Ю. Раппопортом можем назвать «концом Зарубежья». Эмигранты видят, что в «рассеянии», во всем русском мире, оказавшемся в эмиграции, наступает духовный и творческий кризис. Эти перемены в жизни другой России в полной мере отразились на страницах периодической печати русской эмиграции.

В эмигрантских толстых журналах, например в литературном журнале «Числа», уже в 1933 г. появляются статьи, в которых подводятся итоги Исхода. Первое, что бросается в глаза, – провал концепции Зарубежья как государства без границ. Большинство авторов говорит об изначальной неправомерности представления о государственности эмиграции уже потому, что эта мысль заставляла беглецов смириться с уходом из родной страны, перестать вести борьбу, способную принести реальные плоды. Эта идея, по словам Ю. Раппопорта, будучи фикцией, тем не менее являлась духовной потребностью большинства эмигрантов и позволяла им не опускаться на дно [1, с. 376]. Суть ее заключалась в реставрации прошлого дореволюционной России: жизнь Зарубежья оказалась пронизанной памятью о родной стране, взгляды эмиграции были устремлены назад, настоящее игнорировалось: «Когда мы смотрим на себя, то видим только свое прошлое и тщетно пытаемся это прошлое перенести в настоящее» [2, с. 202]. В 1930-е гг. же стало

ясно, что «воспоминаниями настоящего творить нельзя» [3, с. 140], как и нельзя «начать наново жизнь, оборвавшуюся два десятилетия назад» [1, с. 380].

Политическая ситуация в рассеянии также оставляла желать лучшего. Партии, разобщенные до революции, не смогли действовать единым фронтом и в изгнании. Единственной формой борьбы стали пассивное сопротивление и безысходная борьба, «но не с политическими противникам, а с тактически инакомыслящими», сама же идея Зарубежья в политической борьбе стала обузой [1, с. 375]. Да и «бег времени» сыграл свою роль: эмиграция стала старше и вряд ли ее участие в строительстве Новой России могло быть серьезным, кроме того, эмигрант «почти стал ненавидеть нынешнюю родину» и боялся возвращаться назад [2, с. 202].

Вся политическая жизнь граждан эмигрантской России заключалась в сохранении верности этой новой России. Ю. Терапиано видит в стране Зарубежье нечто новое, гораздо меньшее, чем прежнюю, великодержавную Россию. Он пишет: «Создалось государство в государствах, новая славянская страна. То, что в рассеянии мы сумели организовать свой устойчивый быт, свою прессу и свою зарубежную литературу, повело, при недостаточном внимании к себе, к превращению исхода в новообразование» [3, с. 139–140]. «Вершины же былой России» стали все менее и менее приемлемыми массе.

Другой проблемой, на которую обращают внимание публицисты, является угасание жизни в Зарубежье, превращение Исхода в беженство, разобщенность эмигрантов. Начало эмиграции не было просто бегством, оно было Исходом. Покинувшие большевистскую Россию унесли с собой «святильник духовной жизни» и видели свою задачу в поддержании живого огня творчества. И в первые годы он горел, но впоследствии «золотые годы эмиграции» превратились в ее будни. Надо сказать, что первоначально в среде русской эмиграции «беженец» был изгнанником, напротив, эмигрант покинул родину добровольно, однако постепенно на первый план все чаще стал выступать обыватель, а эмигрант стал только беженцем [3]. Даже Русский Париж в эти годы был скорее провинцией, чем столицей: ведь все новости приходили сюда слишком поздно.

Зинаида Гиппиус во главу угла ставит разобщенность эмиграции и сравнивает 1920-е и 1930-е гг.: «Прошлый момент сплоченности людей культурного слоя был, вероятно, результатом еще живого сознания, что у них один общий враг. Тот же у политиков всех направлений, тот же у людей науки, у людей искусства... Физиологически чувствовали они в нем – врага культуры, и понятен порыв их – совместно защищать драгоценное русское достояние» [4, с. 140], корень проблемы она видит в отсутствии общей скрепы: внешняя скрепа – своя земля, ее у эмигрантов нет, а внутренней скрепы – способности к общим идеям – не было и в самой России до трагедии 1917 г.

Уже в начале 1930-х гг. эмигранты осознали, что конец Зарубежья неизбежен, великий Исход превратился в обыкновенное беженство, общий уровень культуры снизился, и даже возвращение в Россию уже перестало быть таким желанным, как прежде. Начало Второй мировой войны завершило этот процесс. Россия вне России перестала существовать.

-
1. См.: *Раппопорт Ю.* Конец Зарубежья // *Современные записки.* 1939. Кн. 40. С. 373–281.
 2. *Алферов А.* Эмигрантские будни // *Числа.* 1933. Кн. 9. С. 200–206.
 3. *Тератиано Ю.* «На Балканах» // *Числа.* 1933. Кн. 9. С. 139–140.
 4. *Крайний А.* Современность // *Числа.* 1933. Кн. 9. С. 141–145.

В. Э. Осминин

Уральский федеральный университет

Супергероика: американский комикс и новая мифология

Одна из проблем исторической действительности – связь с действительностью неисторической, которую находят в большинстве своем лишь в «эффекте бабочки», и чем дальше на временной шкале находится эта бабочка, тем туманнее представляется не только бабочка, но и тяжелее почувствовать взмах ее крыльев. Одним из таких древнейших махаонов представляется мифология, погибшая в результате борьбы с суровой логикой рациональной науки. Однако мифология существует и в наши дни. Примером работы мифологического сознания в современном мире является американский комикс о супергероях. Исследуя работы о мифологии таких ученых, как Леви-Стросс [1], Малиновский [2], Фрейд [3], Элиаде [4], Юнг [5], можно сформировать некое общее понимание мифа в целом и предложить такую трактовку: миф – вневременное явление, результат психической деятельности человека, повествование, выполняющее культовую, поведенческую и терапевтическую функции. Раз есть возможность мифологических переживаний, значит, есть и возможность их воплощения, но чтобы отделить мифические произведения от немифических, выделяется пять аспектов: мифическая структура повествования (см. работы Проппа [6] и Кемпбелла [7]); мифическое содержание; вневременность; культовость и массовость; космогоничность.

И каждый из этих аспектов присущ супергеройским историям в американском комиксе. Но почему они образовались именно там? Как представляется,

на это есть несколько причин. Во-первых, молодость нации и особенность ее образования. Стоит помнить, что Америка – это колонии, США – это авантюристы из других стран, оторванные от своей родины, своих традиций и обычаев, стали создавать свою культуру, не имея тормозящих развитие рудиментов прошлого. Для появления нации и национальной культуры должна сформироваться американская литература, философия, история, искусство и мифология. Мифология – одна из черт самоидентификации общества, она нужна как дикому племени, так и прагматичной юной нации.

Второй причиной является тот факт, что супергеройский комикс является творчеством для детей. Он простой, примитивный, несерьезный. Мифология была инструментом примитивного человека к пониманию устройства мира, этим же для американского ребенка и явился комикс. Комиксы были первой литературой юного читателя, а первое впечатление – всегда самое сильное.

Но главной причиной «долголетия» комиксных персонажей и их «высокого авторитета» стали те инструменты, которые используют в своей работе создатели комикса, его «лексика» и «грамматика». Очевидная особенность – совмещение картинки и слов. Упрощенные карикатурные образы делают повествование универсальным и более близким для человека. А слова – это предельно абстрактные изображения, за которыми «прячутся» концепции. То есть, читая комикс, нужно не только принимать изображения и соотносить их с реальностью, но и воспринимать слова и их смысл. Хороший комикс – это грамотное использование символов в визуальном контексте.

Однако искусство комикса находится еще и в этом свободном пространстве между отдельными кадрами. В этом пробеле читатель становится добровольным и постоянным соавтором, человеческое воображение берет два отдельных изображения и сливает их в одну идею, в целостную реальность. В комиксе легко передать эмоцию, историю, время, звук, при этом, в отличие от телевидения, человек сильнее вовлечен в процесс, так как она творится в его голове, а не на экране. Именно успешная реализация этих возможностей позволила супергероям стать неотъемлемой частью культуры современного общества.

Итак, судя по всему, супергеройские комиксы действительно можно назвать мифологией. Это позволяет проводить семиотический анализ комиксов и их персонажей с трех позиций: социальной, индивидуальной и космогонической. Так, например, Супермен с этой позиции может быть рассмотрен как бог науки, внушающий человеку шанс выбраться из посредственности, и предзнаменование новой американской эры, а Бэтмен – невидимая рука Закона, воплощение идеального отца и оправдание экономического неравенства.

Комикс дает нам не только знания о новой мифологии. Он еще и призма, сквозь которую проходят все значительные события XX в. Комиксы имеют и свою взаимосвязанную историю. В связи с этим изучение комиксов становится написанием «истории гиперреальности», что представляется перспективным в ситуации незначительности влияния постмодернистских практик на историческую науку.

-
1. См.: *Леви-Стросс К.* Магия и Религия. М., 2001.
 2. См.: *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
 3. См.: *Фрейд З.* Моисей и монотеизм. М., 1998.
 4. См.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995.
 5. См.: *Юнг К.* Душа и Миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
 6. См.: *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001.
 7. См.: *Кемпбелл Дж.* Тысячеликий Герой. М., 1998.

Г. И. Гиматдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Формирование образа Габдуллы Тукая в культурной памяти

В последнее время растет число исследователей, занимающихся проблемой культурной памяти. Данный аспект рассматривается в междисциплинарном поле – интересуется историков, культурологов, социологов, психологов. Задача подобных исследований состоит в изучении прошлого, которое воссоздано в воспоминании или предано забвению.

Рассматривая в своем исследовании процесс формирования культурной памяти, пытаюсь проследить, как представляло себе общество образ одного из известных представителей этноса, который в наш период становится настоящим символом татарского народа.

Габдулла Тукай известен как народный/национальный поэт и писатель, публицист, литературный критик, основоположник современного татарского языка, патриот своего народа. Интерес к жизни и творчеству Г. Тукая со стороны литературоведов и рядовых обывателей появляется с самой его смерти и сохраняется до сих пор. В разные периоды истории взгляд на его мировоззрение и творчество разный, представления о нем порою противоречат друг другу. Эти процессы находят отражение в школьных учебниках, на страницах периодической печати, в установке (или не установке) памятников, в речах при открытии монументов. С помощью данных форм куль-

турной организации создается миф о Г. Тукае, обосновывающий настоящее исходя из его прошлого. Миф, который увековечивается в памятниках, поминальных действиях, изучается в школах.

Школьные учебники и памятники являются основными источниками исследования. Памятники рассматриваются как маркеры/места памяти, поддерживающие память и идентичность группы. Школьный учебник интересен как продукт культуры эпохи, в которую он был создан, имеет крупный тираж, широко распространен, а его применение в учебном процессе позволяет говорить о нем как о компоненте, формирующем личность и убеждения, соответственно поддерживающем идентичность группы.

В ранний период Г. Тукай становится фигурой, консолидирующей общество. Его короткая и трагическая судьба, близкие и понятные народу темы произведений обеспечили популярность произведений и личности поэта, несмотря на критику в среде литературоведов. Его называли пролетарским поэтом, мелкобуржуазным, либерально-буржуазным, акцентируя внимание на политических убеждениях поэта. Источником суждений литературоведов становились произведения Г. Тукая, которые каждая сторона интерпретировала на свое усмотрение. Дореволюционные идеи поэта не могли принять «без корректив», поэтому проектам памятников Г. Тукаю не было суждено осуществиться. С переходом на кириллическую графику в конце 1930-х гг. формируется образ пролетарского поэта. Тукая, всю свою жизнь прожившего в имперской России, признают «своим», советским поэтом. В наше время, начиная с 1990-х гг., он становится национальным татарским поэтом. Происходят изменения содержательного плана: на смену коммунистической идеологии приходит национальная; но сохраняются формы организации культурной памяти.

Продемонстрированное разнообразие в интерпретации является свидетельством, что к оценке личности и творчества поэта можно подходить по-разному. Это зависит от времени и места, запросов общества, условий, в которых создается свой образ Габдуллы Тукая.

С первых дней Г. Тукай был объявлен народным поэтом и оставался им на протяжении всего XX в. В зависимости от смысла, вкладываемого в понятие народ, предлагаю выделить три периода в организации культурной памяти татар. Первый период, когда ощущали свою принадлежность к тюрко-мусульманской общности Российской империи, второй период – осознание себя в качестве советских граждан и частью трудового класса (ранее эксплуатируемого), в третий период идентичность складывается вокруг национальной идеи.

Неудавшийся экспорт революции – конец Гарлемского ренессанса?

Название культурного движения «Гарлемский ренессанс» вошло в обиход с 1970-х гг., после появления труда Н. Хаггинса [1]. В 20–30-е гг. XX в. его называли «The New Negro movement».

Гарлемский ренессанс – это попытка элитарной революции. Именно тогда формировалась почва для массового движения за гражданские права чернокожих. Целью Гарлемского ренессанса являлось создание образа «нового негра», как в сознании черных американцев, так и белых. Взятая за основу движения идея интернационализма бросала вызов сегрегации.

Обычно начало Гарлемского ренессанса относят к 1917–1919 гг. Культурно-идеологическому всплеску способствовал ряд событий: завершение Великой миграции с Юга на Север, окончание Первой мировой войны, возрождение ку-клукс-клана, распространение джазового искусства, а также успех Большевицской революции в России. Значимость последнего события подчеркивали в своих работах: У. З. Фостер, Г. Круз, Н. Хаггинс, А. Рэмперсад. После свершения грандиозного переворота стали активно возникать новые радикальные негритянские журналы «Мессенджер», «Эмансипэйтор», «Крусэйдер», «Войс», «Челлендж» [2, с. 20].

По словам У. Дубойса (Дюбуа): «Неграм [было] необходимо что-то подобное тому, что имеют национальные меньшинства в Советском Союзе, – возможность сохранения и развития своих исторических традиций в области искусства и культуры» [3, с. 208].

СССР стремился к идеологическому империализму с помощью пропаганды. Л. Троцкий писал негритянскому поэту К. Маккею: «Воспитание черных пропагандистов есть неотложнейшая и крайне важная революционная задача настоящего времени» [4, с. 17], с чем Маккей в то время был полностью согласен. Но в недалеком будущем его взгляды кардинально изменятся по отношению к Советской России и коммунизму. А на 4-м конгрессе Коминтерна в 1922 г. он говорил: «Моя раса <...> это труженики <...>, которые являются наиболее угнетаемой частью мирового рабочего класса. <...> Будучи негром, я чувствую, что представители угнетенных народов должны приехать в Москву, чтобы научиться вести борьбу против своих эксплуататоров, негры тоже будут приезжать в Москву за этим» [5, р. 16].

Интересно, что первоначально в Коммунистический университет трудящихся Востока афроамериканцы не допускались – они считались выходцами из капиталистического мира. Но в 1924 г. университет открыл двери для пяти

афроамериканских студентов [6, р. 102]. В Советскую Россию стали приезжать учиться (например, Г. Хэйвуд). Некоторые приезжали работать по контракту, чаще технические специалисты (Р. Робинсон, Д. Тайнз, О. Голден). Через радикальные организации, такие как Клубы Джона Рида или Вэнгард Клуб, иногда при поддержке советского правительства приезжали писатели, актеры, певцы. Многие оставались. В то время образованному афроамериканцу несложно было эмигрировать в Страну Советов и найти там хорошо оплачиваемую работу. В 1937 г. Сталин издал указ о том, что все иностранцы должны либо покинуть СССР, либо стать его гражданами. Так образовалась диаспора русских афроамериканцев – наследников культуры Гарлемского ренессанса.

Конец Гарлемского ренессанса обычно связывают с разгаром Великой депрессии. Некоторые ученые считают, что хронологические рамки Гарлемского ренессанса можно существенно расширить. Например, Д. Спенсер в книге «Новые негры и их музыка» утверждает, что Гарлемского ренессанса продолжался вплоть до 1960-х [7, р. 108].

Время Великой депрессии – это, скорее, период трансформации Гарлемского ренессанса. К 1930-м гг. движение так и не стало массовым. Цель – добиться экономического, политического и социального равенства для негров посредством создания самобытной афроамериканской культуры – подразумевала изменения на уровне ментальности, а это длительный процесс. Была создана интеллигенция – сообщество свободных интеллектуалов, но класса не сформировалось. Философской основой являлась «условная интеграция» с белыми [8, р. 10]. Фактически ни белые, ни черные не мыслили себя чем-то единым. СССР стал союзником американских негров как представителей угнетаемого народа, а значит, врагом «истинных американцев». Большинство представителей «афроамериканской интеллигенции» не хотели вступать в компартию – членство в ней не подразумевало свободу мысли. «Новые негры» надеялись, что приверженность левым идеям поможет найти им союзников для решения расового вопроса в Америке. Идеи Гарлемского ренессанса не умерли в середине 1930-х, они видоизменились. Революция была отложена. Голос «нового негра» утих лишь на время.

1. См.: *Huggins N. Harlem Renaissance*. New York, 1971.

2. См.: *Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк*. М., 2009.

3. *Иванов Р. Ф. Дюбуа*. М., 1968.

4. *Мак-Кей К. Негры в Америке*. М.; Петроград, 1923.

5. *McKay C. Speech to the 4th Congress of the Comintern, Nov. 1922 // International Press Correspondence, 1923. Vol. 3. P. 16–17.*

6. См.: Russian-American links: African-Americans and Russia. St. Petersburg, 2009.

7. См.: *Spencer J. M.* The New Negroes and their music: The success of the Harlem Renaissance. Knoxville, 1997.

8. См.: *Hudlin W.* Harlem Renaissance Re-examined // The Harlem Renaissance. Broomall, 2004. P. 5–13.

Е. В. Градковская

Уральский федеральный университет

Придворная культура Японии эпохи Хэйан (794–1185) по литературе жанра никки

Эпоха Хэйан занимает важное место в истории Японии и считается периодом формирования и становления национальных литературных жанров. Одним из ведущих стал жанр никки (яп. 日記 – дневник).

Основная группа авторов в этот период входила в довольно узкий придворный круг, что является редким явлением в истории мировой культуры. И, как пишет В. Н. Горегляд: «этот показатель характеризует отличие творений раннесредневековых писателей и поэтов от творений древних по двум параметрам. Во-первых, практически сошли на нет записи народного творчества, во-вторых, в хэйанскую эпоху стало формироваться некое подобие литературного сословия, творчество представителей которого можно определить как литературу чиновников» [1, с. 200].

Также важен тот факт, что в этот период, с изобретением слоговой азбуки, в литературе происходит поворот к личностной тематике. Этим объясняется наше обращение к жанру никки для выявления особенностей, характерных именно придворной культуре: женские дневники со своими переживаниями, в отличие от официальных биографий мужчин-аристократов, передавали важные аспекты той культуры, частью которой они являлись. Уход дневниковой прозы в частную жизнь означал определенное падение интереса к социальным аспектам бытия. Авторы дневников писали, доверяясь лишь собственному опыту, не говоря о том, чего не видели, не слышали сами: «Мысли текли как во сне – куда-то далеко-далеко, и я перестала замечать, что происходит вокруг» [2, с. 96]. Шедеврами литературы данного жанра являются произведения придворных дам Мурасаки Сикибу («Дневник»), Сэй Сёнагон («Записки у изголовья»), Дочь Сугавара-но Такасуэ («Одинокая луна в Сарасина») и поэта Ки-но Цураюки («Дневник путешествия из Тоса в столицу»).

«Дневник» Мурасаки представляет собой результат ее пребывания при дворе государыни Сёси, где она и предавалась сочинительству. В целом

«Дневник» охватывает период с 1008 по 1010 гг. Он интересен нам своими многочисленными упоминаниями о различных аспектах культуры при дворе и занятиях аристократов. В «Дневнике Сарасина» описаны события жизни автора за 38 лет, с 1020 по 1058 гг. И мы можем точно сказать, что Сугавара-но Такасуэ написала дневник будучи в преклонном возрасте: «Дневник благородной госпожи, дочери Сугавара-но Такасуэ, написавшей его на склоне лет, когда даже луна в Сарасина кажется одинокой...» [3, с. 486]. Как минимум часть дневника посвящена службе при дворе. Х. Ш. Гафурова сообщает на этот счет, что дочь Такасуэ вела так называемую литературную тетрадь или личные записки [4, с. 581], где отмечала все важные для нее события своей жизни. Книга «Записки у изголовья» придворной дамы Сэй Сёнагон очень многогранна: бытовые сцены, анекдоты, стихи, картины природы, описания придворных торжеств, поэтические раздумья, зарисовки обычаев и нравов, «ума и сердца горестные заметы» [5, с. 301]. Это чередование высокого и низкого создает ощущение полноты жизни и достоверности изображения.

Касательно произведения Ки-но Цураюки, интересно отметить, что каждая запись датирована, ни один день в дневнике не пропущен, не исключая и те дни, когда никаких событий не происходило. «Тоса никки» описывает от лица безымянной женщины жизнь маленькой группы путешественников на судне, доставлявшем их от Тоса до столицы. Здесь люди пытаются найти себе достойное времяпровождение [6, с. 188]. Отсюда мы можем подчеркнуть ту мысль, что стихосложение как часть культуры является прерогативой все же высших слоев населения, и, несмотря на попытки погружения народа в эту культуру, центром ее все же остается аристократия.

На основе литературы, написанной в жанре никки, можно сделать вывод, что хэйанская аристократия вела размеренную жизнь, пропитанную поэзией, поэтическими турнирами, музыкой, играми. Именно в это время зарождаются основные жанры литературы, основополагающие стили музыки, театра, живописи, танца. Переплетаясь с традиционными японскими обрядами, обычаями и празднествами и, конечно, не без влияния соседских стран, таких как то Китай, Корея или Индия, что содействовали скорейшему процессу усвоения «заморской культуры», в Японии формируется уникальная национальная культура. Быстро достигнув расцвета, хрупкая культура хэйанской эпохи уже в XI в. проявляет симптомы упадка, поскольку изначально была уделом немногих. И именно поэтому с крушением хэйанской аристократии культура эта частично погибает и вынуждена трансформироваться.

1. Горегляд В. Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006.

2. *Мурасаки Сикибу*. Дневник. СПб., 2000.
3. *Горегляд В. Н.* Японские средневековые дневники. СПб., 2001.
4. См.: *Гафурова Х. Ш.* Дневник Дочери Такасуэ «Сарасина никки» в контексте дневниковой литературы Японии // Молодой ученый. № 2. 2015. С. 580–582.
5. См.: *Сэй Сёнагон*. Записки у изголовья. СПб., 2006.
6. См.: Тысяча журавлей: Антология японской классической литературы XIII–XIX вв. СПб., 2004.

В. И. Атаманова

Уральский федеральный университет

«Повесть о доме Тайра»: история формирования самурайского сословия

К концу XIII в. в Японии были обработаны и записаны несколько циклов сказаний, составившие три самостоятельных повествования. Это «Сказание о годах Хогэн», «Сказание о годах Хэйдзи» и, наконец, «Повесть о доме Тайра». В основе последней – борьба за власть двух могущественных феодальных домов – Тайра и Минамото, которые стремились подчинить себе всю Японию [1, с. 290]. Борьба закончилась победой Тайра, глава дома Минамото погиб, его малолетние сыновья были отправлены в ссылку.

«Повесть» имела большое значение как по совершенству художественной формы, так и по широте охвата событий. Эта эпопея дошла до нас во множестве списков, имеющих разночтения. Один из таких списков, обладающий самостоятельным литературно-художественным значением, назывался «Сказание о возвышении и гибели домов Тайра и Минамото». Он нередко рассматривается исследователями как вполне самостоятельное литературное произведение [1, с. 291].

Первые сведения о создателях повести сообщает поэт и прозаик японского Средневековья монах Кэнко (1283–1350) в своей книге «Записки от скуки». Он считает, что некий монах Юкинага, известный своей ученостью, создал «Повесть» и обучил слепца Сёбуцу ее рассказывать [2, с. 5–6].

Данный пример является традиционным вариантом создания прославленных произведений, т. к. у каждого подобного сочинения, согласно японской традиции, должен быть автор. Вероятнее всего первыми создателями «Повести» были странствующие профессиональные сказители, исполнявшие различные баллады и сказы под аккомпанемент лютни. Из книги монаха Кэнко явствует, что «Повесть о доме Тайра» к первой половине XIV в. существовала как законченное и сложившееся произведение [2, с. 5].

Наиболее важной особенностью «Повести» является то, что она ярко передает мысли и чувства людей своего времени, рассказывает не только о том, что делали эти люди, но и о том, что они чувствовали, во что верили, что любили и ненавидели, от чего страдали и получали удовольствие. Лирический характер японской литературы в высокой степени присущ «Повести о доме Тайра». Благодаря ему можно увидеть происходящие в то время события глазами живших тогда людей и заглянуть в их своеобразный духовный мир.

Данный источник интересен тем, что подробно описывает вооруженные конфликты как поединки, так и столкновения отрядов. Рассказ о битвах большей частью строится одинаково: сначала описывается вооружение, затем схватки со всеми ее перипетиями, далее приводятся реплики, воздействующие на чувство читателя, наконец, исход.

Эпопея дает возможность проанализировать и сравнить не сформировавшуюся еще культуру военного сословия, процесс складывания, ее истоки. Облик воина, представленный в «Повести о доме Тайра», во многом не соответствует тому образу, который окончательно сложился при сегунате.

Самураи того времени были суровыми воинами, не знавшими особых моральных тонкостей. Воины Минамото и Тайра, рожденные в обстановке борьбы за власть, в массе своей были воспитаны только для этой борьбы. В битве наилучшим стимулом являлась надежда на успех, желание славы, военной добычи, в том числе и награды от господина [3, с. 322].

Повесть интересна и тем, что характеры персонажей достаточно многогранны, даже отрицательные герои обладают положительными чертами, им не присущ яркий дуализм.

«Повесть» повлияла и на развитие самурайской морали и этики. Так, значительный вклад в формирование идеологической системы, получившей впоследствии название бусидо, внес Ямага Соко (1622–1685). Разработанная им система была основана, во-первых, на целенаправленном идеологическом осмыслении военно-феодалских эпопей (прежде всего событий междоусобных войн конца XII в., как они изложены в наиболее распространенных тогда списках «Повести о доме Тайра»), и, во-вторых, на основных категориях конфуцианской этики, из которых были почерпнуты оценочные критерии для такого осмысления [4, с. 284].

1. См.: Конрад Н. И. Японская литература: от Кодзики до Токутоми. М., 1974.

2. См.: Горегляд В. Н. Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни. СПб., 2006.

3. См.: Повесть о доме Тайра. СПб., 2005.

4. См.: Литература Востока в Средние века 6 в 2 ч. Ч. 1. М., 1970.

Проблемы профессиональной коммуникации историков в виртуальном пространстве: опыт историографических поисков и собственных наблюдений

Современный статус автора данной статьи отличает некая «двойственность»: студентка в недавнем прошлом, но уже имеющая определенный опыт профессиональной коммуникации с представителями научного сообщества историков (выраженный в виде деловой переписки посредством электронной почты, участия в научных мероприятиях разного уровня, виртуального общения в рамках социальных сетей). Указанные обстоятельства определили возникновение нижеприведенных размышлений.

Исследователи, обращаясь к проблеме виртуального поведения историков, отмечают, что они более активно скачивают оцифрованные книги или статьи, чем делятся плодами своих трудов (вследствие низкой степени защищенности авторских прав) [1, с. 67]. Существует точка зрения, согласно которой в Сети первостепенная задача историков заключается в том, чтобы научить всех интересующихся прошлым методике работы с историческим материалом, иначе она будет выполнена непрофессионалами, стремящимися с различными ненаучными или околону научными целями преподнести свой универсальный и упрощенный взгляд на прошлое [2, с. 101].

Обращаясь к проблеме диалога поколений историков в виртуальном пространстве, следует рассмотреть точки зрения студентов, так как позиция преподавателей уже была рассмотрена исследователями [3]. В историографии они представлены посредством авторской интерпретации социологических опросов, к примеру, категории студентов – будущих библиотекарей [4]. Однако данные исследования отличает субъективная выборка цитируемых мнений, которые сопровождаются комментариями организаторов опроса, зачастую «проигрывающими» в литературном стиле и содержании студенческими ответами.

Исходя из собственного недавнего студенческого опыта, могу отметить, что практики, связанные с интернет-технологиями, являются для современных преподавателей «зонами уязвимости», что было вызвано следующими причинами:

1. Недостаточный опыт в обращении с компьютерной техникой и интернет-технологиями (который проявляется в самый неподходящий момент, например, во время публичного выступления на научном мероприятии, проведения занятия перед большим количеством слушателей и др.) является основанием для ироничного и снисходительного отношения со стороны студентов и оказывает отрицательное влияние на преподавательский авторитет.

2. Негативное впечатление производит несоблюдение норм этикета (длительное опоздание ответов на электронные письма и сообщения или их отсутствие) и правил используемого стиля текста (смайлики, разговорный стиль речи, отсутствие обращения в начале текста, грамматические ошибки и т. п.) в процессе деловой переписки с профессиональными историками, в том числе с преподавателями учреждений высшего профессионального образования. Даже случайная рассылка по множеству адресов письма, содержащего «приватную» информацию только для адресата, или неформальное название электронного ящика преподавателя (подобное *lorik_VIP@bk.ru*, *crazy-rabbit@mail.ru* и т. п.) оказывают влияние на общее впечатление, которое складывается у студентов о преподавателе.

3. Наиболее дискуссионной проблемой является коммуникация преподавателей и студентов в социальных сетях. Следует ли преподавателю держать дистанцию и в виртуальном пространстве, или, добавляя в друзья, предоставить студентам возможность ознакомиться, к примеру, с фотографиями своей семьи, летнего отдыха, с собственными музыкальными предпочтениями, переписки с друзьями, с количеством времени пребывания на своей странице? Этот вопрос каждый преподаватель решает индивидуально, в зависимости от собственной позиции и характера взаимоотношений со своими студентами.

Анализ историографии свидетельствует о значительных недостатках существующих сетевых сообществ историков, существовании трудностей в виртуальном диалоге поколений и постепенном снижении общего образовательного и культурного уровня обеих сторон, а также об отсутствии четко сформулированных норм общения ученых в интернет-пространстве. Современный масштаб распространения виртуальных коммуникаций и постоянное повышение требований к уровню освоения интернет-технологий выявили необходимость перехода от исследований с декларативными выводами к поиску конкретного решения проблем и методов его осуществления.

1. См.: *Кочеткова Е. А.* Историки-любители и профессионалы: формирование и функционирование сетевых сообществ // Информ. бюллетень ассоциации «История и компьютер. Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях» (Петрозаводск, 11–16 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 65–69.

2. См.: *Смирнов Д. А.* Массовая аудитория и профессиональное историческое сообщество: особенности сетевой коммуникации // Информ. бюллетень ассоциации «История и компьютер. Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях» (Петрозаводск, 11–16 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 97–101.

3. См.: *Фадеева Л. А.* Профессиональная репрезентация в сети Facebook: этические аспекты // *Ведомости прикладной этики*. 2013. № 43. Петрозаводск, 2011. С. 130–138.

4. См.: *Соколов А. В., Берестова Т. Ф.* Интернет глазами студентов-гуманитариев // *Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств*. 2013. № 4 (36). С. 7–14.

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

А. В. Петров

Уральский федеральный университет

Вестфальский конгресс в отечественной историографии

Вестфальский конгресс не только положил конец Тридцатилетней войне – первой войне общеевропейского масштаба, именно на нем была заложена первая система международных отношений, которая была призвана упорядочить европейскую политику.

В отдельных справочных изданиях помещались заметки о Вестфальском конгрессе. Первой такой заметкой была небольшая статья «Вестфальский мир», помещенная в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, вышедшей в 1890–1907 гг. В статье говорилось, что Вестфальский мир «выражал собой тогдашнее политическое состояние Германии и строго формулировал основы ее государственного строя на будущее время» [1].

В 1948 г. вышло первое издание «Дипломатического словаря» под редакцией А. Я. Вышинского и С. А. Лозовского. В статье «Вестфальский мирный договор 1648 г.» давался краткий очерк конгресса и главным итогом конференции было обозначено то, что «за князьями было признано право суверенитета» [2]. Следующее издание было подготовлено в 1970–1971 гг., под редакцией А. А. Громыко. Во втором томе были помещены заметки «Мюнстерский конгресс 1645–1648 гг.» [3, с. 314] и «Оснабрюкский конгресс 1645–1648 гг.» [3, с. 428], но никакой информации они не несли – оба содержали отсылки к помещенной в первом томе статье «Вестфальский мир 1648 г.» [3, с. 214].

Заметным вкладом в изучение феномена Вестфали стала книга Б. Ф. Поршнева «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.». С точки зрения Б. Ф. Поршнева, кардинал Джулио Мазарини настаивал на скорейших переговорах и подписании мира, чтобы

бросить освободившиеся силы на борьбу с революцией в Англии. В качестве аргумента он приводит отрывки из писем кардинала Мазарини французскому резиденту в Англии Белльевру. Мазарини писал своему послу: «Переговоры о мире с Империей и мире с Испанией настолько продвинулись, что я имею немало оснований надеяться, что оба могут быть подписаны до конца года. Используйте, пожалуйста, это известие к пользе короля Великобритании таким способом, какой сочтете подходящим» [4, с. 81].

В 2000 г. М. П. Беляев выпустил монографию «Французская и имперская дипломатия в поисках мира. Из истории Вестфальского мирного конгресса». Это была первая работа, специально посвященная Вестфальскому конгрессу. В предисловии автор писал, что главной своей целью он поставил «проанализировать ход франко-имперских переговоров на Вестфальском мирном конгрессе, выявить планы сторон и показать реализацию этих планов в процессе самих переговоров, рассмотреть комплекс проблем, с которыми сталкивались участники переговоров и пути их разрешения, а также результаты, которых достигли стороны, подписав Мюнстерский мирный договор как составную часть Вестфальского трактата» [5, с. 4].

В выпущенной в 2002 г. монографии А. Ю. Прокопьева «Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648», Вестфальские переговоры рассматривались в первую очередь сквозь призму политической борьбы. Также, анализируя возрождение рейхстага как связующей нити между имперским тронem и сословиями, А. Ю. Прокопьев пишет, что «то была воистину гениальная находка собравшихся в Вестфалии экспертов. Базовые основы имперской организации освобождались от бремени решения конкретных проблем, которыми отныне занимался только рейхстаг» [6, с. 325]. Л. И. Ивонина в выпущенной в 2007 г. серией «Жизнь замечательных людей» книге «Мазарини», пишет, что «Мазарини было сделано в тех условиях все возможное, чтобы обеспечить на долгие годы политическую гегемонию Франции в Европе» [7, с. 137].

В 2008 г. начинает выходить «История Германии». Четвертая глава первого тома, составленная С. А. Васютиным, была посвящена началу Нового времени. В параграфе о Вестфальском мире было высказано соображение, что Вестфальский мир, возможно, «стал первой системой коллективной безопасности» [8, с. 313].

Как мы видим, существование проблемы вестфальского конгресса в исторической науке четко обозначено. Публикуются работы, где анализируется это явление. Выявляются узловые моменты. Будем надеяться, что по всем неясным моментам будут написаны хорошие книги и статьи.

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 41 т. СПб., 1890–1907. Т. 6.

2. Дипломатический словарь / под ред. А. Я. Вышинского и С. А. Лозовского. М., 1948.
3. См.: Дипломатический словарь под редакцией А. А. Громыко : в 3 т. М., 1972. Т. 1.
4. *Поршнев Б. Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
5. *Беляев М. П.* Французская и имперская дипломатия в поисках мира. Из истории Вестфальского мирного конгресса. М., 2000.
6. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648 гг. СПб., 2002.
7. *Ивонина Л. И.* Мазарини. М., 2007.
8. История Германии. М., 2008.

П. С. Пименов

Уральский федеральный университет

Актуальные проблемы историографии и источниковедения по вопросам состава и функционирования акционерного собрания Российско-американской компании

Российско-американская компания считается первым акционерным обществом, возникшим в Российской империи. Принципиально новая структура экономического объединения означает начало функционирования новых социальных институтов, наиболее важным из которых является собрание акционеров. По уставу компании, подписанному Павлом I 8 июля 1799 г., у собрания акционеров была только одна, но крайне важная роль – избрание четырех директоров компании [1, с. 20].

Изучение вопроса о составе и реализации своих полномочий новой административной единицы необходимо для изучения проблемы превращения частной купеческой корпорации в государственную структуру, а также для исследования генезиса и развития российской буржуазии. Тем не менее эта тема не является достаточно изученной даже в рамках исследований, в целом посвященных Российско-американской компании. В монографиях отечественных исследователей акционерное собрание достаточно формально рассматривается как одна из многих административных структур, в том числе не сыгравшей значительной роли в функционировании компании. Так, в своей монографии С. Б. Окунь указывает, что акционерное собрание оказалось в руках столичной бюрократии, и рассматривает его как один из инструментов колониальной политики царского правительства [2, с. 167]. Эта позиция была подвергнута критике А. А. Преображенским, который, ссыла-

ясь на список акционеров компании, показал, что бюрократические круги вовсе не имели большинства в акционерном собрании, а Российско-американская компания была в основном купеческим объединением [3, с. 295]. Также стоит отметить статью А. Н. Ермолаева, посвященную исследованию роли сибирского купечества в работе акционерного собрания. В данной работе автор приходит к выводу, что за весь период существования Российско-американской компании доля сибирского купечества не уменьшается, а остается примерно на одном и том же уровне – около 10–11 % [4].

Все вышеприведенные работы, кроме труда С. Б. Окуня, рассматривают исключительно проблему состава акционерного собрания, но не вопрос о функционировании данной административной единицы. Это связано в первую очередь с недостаточным количеством выявленных источников по данной проблеме. В 1959 г. историк А. А. Преображенский вводит в научный оборот первый список акционеров, имеющих право голоса, который, однако, не имеет точной датировки. Вероятно, он был создан не ранее 1807 г. и не позже 1818 г. [5, с. 232]. Позднее был обнаружен и опубликован в сборнике документов по истории Российско-американской компании список акционеров за 1825 г. Этот документ особенно ценен для нас тем, что сообщает некоторые подробности о держателе акций – род деятельности, чин, место жительства [6, с. 188–193]. Первый и второй списки акционеров представляются достаточно изученными и введенными в научный оборот. К сожалению, то же самое нельзя сказать про протоколы заседаний акционерного собрания. Отсюда следует, что деятельность акционерного собрания изучена недостаточно полно. Единственное сообщение по данной теме, известное нам на данный момент, приведено С. Б. Окунем. Он ссылается на два протокола заседания акционеров, происходивших в 1819 г. и 1821 г. Протокол собрания в 1819 г. был подписан всего 18 акционерами, а протокол за 1821 г. подписали 17 акционеров. Из 18 лиц, перечисленных в списке, 1819 г. к представителям высшей бюрократии столицы принадлежали 10 человек [2, с. 169]. Среди них можно выделить двух сенаторов – графа Марко Ивелича и В. И. Вейдемейера, а также имена других сановников, которые представлены в списке акционеров, имеющих право голоса, за 1825 г. Таким образом, достоверность протокола частично подтверждается другим источником. Однако изучение и интерпретация причин такого малого количества акционеров, присутствовавших на собрании (10 % от всего числа) не проводились, а значит, и проблемы функционирования и состава акционерного собрания Российско-американской компании актуальны до сих пор.

1. См.: Правила для учреждаемой компании 08.07.1799 г. // Рос.-америк. компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815 : сб. документов. М., 1995. С. 17–20.

2. См.: *Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.-Л., 1939.
3. См.: *Преображенский А. А.* О составе акционеров Российско-американской компании в начале XIX века // Исторические записки. Т. 67. М., 1960. С. 286–298.
4. См.: *Ермолаев А. Н.* Сибирские акционеры Российско-американской компании (первая половина XIX в.) // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы : сб. материалов регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2006. URL: <http://hum.sbras.ru/snm/7.htm>
5. См.: *Преображенский А. А.* Документы по истории Российско-американской компании // Ист. архив. 1959. № 2. С. 229–234.
6. См.: Список акционерам Российско-американской компании XX.07.1825 // Рос.-америк. компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 : сб. документов. М., 2005. С. 188–193.

И. Р. Хамзин

Уральский федеральный университет

Ведомственные структуры Российской империи в процессе разрешения «Илийского кризиса» в 1870–1880-х гг.

Одним из наиболее проблемных эпизодов истории русско-китайских отношений в 70–80-х гг. XIX в. является геополитический кризис, возникший между Российской империей и империей Цин. В 1871 г. территория долины реки Или, расположенной в регионе Тянь-Шаня и впадающей в озеро Балхаш, была занята Российской империей. Данный инцидент повлек за собой вопрос о необходимости возвращения Россией занятого края империи Цин. «Илийский кризис» – термин обозначающий дипломатический процесс 1871–1881 гг., связанный с передачей занятой российской армией территории долины реки Или китайским властям и сопровождавшийся обострением русско-китайских отношений данного периода.

Исследуемая тема привлекала внимание ученых. Среди отечественных историков обращают на себя внимание работы А. Д. Воскресенского [1], В. А. Моисеева [2], И. В. Петрова [3], Д. В. Дубровской [4]. Однако вопросы деятельности Министерства иностранных дел и Военного министерства в ходе решения русско-китайских пограничных противоречий освещались лишь косвенно. Анализ совместной деятельности указанных министерств в процессе передачи империи Цин Илийского края предлагается к рассмотрению в настоящей статье.

Позиция Министерства иностранных дел и Военного министерства совпадала в общем курсе решения проблемы, однако в частных вопросах имелись расхождения. Одним из таких спорных моментов стал вопрос о

размере контрибуции, которая должна была выплатить империя Цин России. Генерал-губернатор К. П. Кауфман предложил потребовать сумму в 60 миллионов рублей. С резким возражением против подобного требования выступил российский статс-секретарь Н. К. Гирс. Дипломат считал, что слишком завышенные требования могут вынудить Китай к полному отказу от возвращения края, что в целом расходится с выбранным Россией курсом [1, с. 121].

Другим аспектом разногласий двух ведомств в начале 80-х гг. XIX в. стал вопрос о функциях комиссаров, назначаемых для организации передачи Илийского края. Со стороны военного министерства был назначен генерал-майор А. Я. Фриде [5, л. 2], в то время как Министерство иностранных дел выдвинуло кандидатуру советника Я. П. Шишмарева [5, л. 9–10]. Таким образом, процесс организации передачи края находился в сфере обязанностей генерал-майора А. Я. Фриде. На советника Я. П. Шишмарева как комиссара, представляющего МИД, были возложены обязанности вести переговоры о передаче края, что означало передачу политической стороны дела в руки представителя иностранного ведомства.

Внутри военного министерства такое положение вещей не осталось без внимания. Генерал-лейтенант Н. Н. Обручев отмечал, что подобное разграничение полномочий спровоцирует возникновение недоразумений между комиссарами [5, л. 12–16]. Он также затронул проблемы личной встречи генерал-губернатора Туркестана с наместником Шэньси и Ганьсу [5, л. 12–16].

Данная ситуация отражает заинтересованность представителей каждого ведомства в обладании большей политической и юридической ролью в реализации передачи Илийского края. В результате вышесказанного можно выделить следующие спорные моменты, возникшие между двумя министерствами: 1) распределение дипломатических и административных функций между генерал-майором А. Я. Фриде и советником Я. П. Шишмаревым; 2) вопрос о необходимости переговоров между Туркестанским генерал-губернатором и генерал-губернатором Шэньси и Ганьсу.

Несмотря на ряд возникавших разногласий, в целом мы можем говорить о том, что два министерства сотрудничали между собой в процессе решения проблемы передачи Илийского края, что привело к успешному разрешению кризиса.

1. См.: *Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.

2. См.: *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

3. См.: *Петров В. И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и восстаний. М., 2003.

4. См.: *Дубровская Д. В.* Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX века. М., 1998.

5. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 14.

О. В. Ильина

Челябинский государственный университет

Лозаннская конференция 1922–1923 гг. и проблема статуса доминионов в отражении канадских парламентских документов

При постановке новых проблем в сфере политической истории эвристический потенциал ранее используемых официальных текстов зачастую остается недооцененным. Но при должном подходе к интерпретации даже такой активно использующийся источник, как парламентские материалы, предоставляет исследователю широкое поле для новых выводов. Примером могут служить материалы обсуждений Лозаннского мирного договора в парламенте Канады. Их использование возможно не только в целях изучения международной ситуации или внутренней политики, но и процесса изменения статуса доминионов Британской империи. Особый интерес представляет речь Уильяма Лайона Макензи Кинга, в которой премьер-министр не только резюмирует позицию парламентского большинства, но и также широко цитирует дипломатическую переписку и материалы прессы.

Серия конференций, состоявшихся после Первой мировой войны, продемонстрировала сложную динамику процесса расширения самостоятельности самоуправляемых регионов Британской империи. На переговорах в Париже представители пяти доминионов имели отдельное представительство, в Вашингтоне входили в состав делегаций от метрополии, но в Лозанну вовсе не были приглашены. Канада, после Чанакского кризиса ставшая носителем центробежных тенденций в империи, единственная выразила недовольство ситуацией [1, с. 168].

Переломный момент вялотекущего кризиса наступил в марте 1924 г., когда канадское правительство не посчитало необходимым рекомендовать парламенту одобрять принятые Лозаннской конференцией документы, накладывавшие на страну определенные обязательства [2, р. 74]. В качестве причин называлось отсутствие представителей Канады на конференции, подписание от имени Британской империи и слабая информированность о ходе обсуждения. Отказ вызвал негатив-

ную реакцию в прессе и политических кругах метрополии, а его причины характеризовались как надуманные. В сложившейся обстановке У. Л. Макензи Кинг посчитал необходимым прояснить позицию кабинета и в своей речи указал на наиболее спорные моменты послевоенной ситуации во внутриимперских отношениях.

В первую очередь премьер-министр Канады обратил внимание парламента на изъяны информационного взаимодействия. Лондон ограничился информированием о том, что днем ранее были получены приглашения для представителей Великобритании, обещанием учитывать интересы доминионов и держать их в курсе хода переговоров [2, р. 258]. Таким образом, любые заверения в отправке официального приглашения или изъяснении канадскими политиками согласия на представительство их метрополией не являлись правомерными.

Попытка прояснить ситуацию посредством ответной депеши, где был высказан ряд уточнений, оказалась фактически проигнорирована. В ней говорилось, что «правительство не имеет возражений для присоединения к курсу, выбранному правительством Его Величества в отношении заключения договора, который положит конец войне на Ближнем Востоке» [3, р. 260]. По мнению политических кругов доминиона, урегулирование метрополией конфликта, в числе инициаторов которого она была, являлось оправданным. В то же время подчеркивалось желание получить возможность обсуждения положений, потенциально возлагавшего какие-либо обязанности на Канаду.

Со всей остротой проявились вопросы участия в международных отношениях и распределения обязательств. Пока «Таймс» утверждала о «представительстве Канады в Лозанне лордом Керзоном при ее полной информированности и согласии» [3, р. 262], У. Л. Макензи Кинг придерживался иной точки зрения. По его словам, федеральные власти Канады «никогда не имели основания полагать, что лорд Керзон в любом смысле слова представляет наш доминион» [3, р. 264]. Теперь же им предлагалось ратифицировать договор, который подписывался от имени империи и обсуждался без их ведома. Такой подход вступал в противоречие с практикой участия в предыдущих послевоенных конференциях Роберта Бордена, которая и рассматривалась как прецедент.

Подводя итог, премьер-министр обратился к ключевой проблеме – практическому выражению перемен в статусе Канады и ее месту в системе отношений внутри Британской империи. Отвергая обвинения в бездействии и предвзятости, У. Л. Макензи Кинг пояснил непримиримость позиции тем, что его кабинет стремился «поддержать статус и равенство, которые были достигнуты, на которые мы рассчитываем в вопросах, затрагивающих как самоуправляющиеся доминионы, так и метрополию» [3, р. 268]. Ему вторил

и лидер оппозиции Артур Михэн. В ходе обсуждения он называл основами дальнейшего развития автономию доминионов в касающихся их напрямую вопросах и тесное сотрудничество всех частей Британской империи.

-
1. См.: *Сороко-Цюпа О. С.* История Канады. М., 1985.
 2. См.: *Dawson R. M.* The Development of Dominion Status 1900–1936. London, 1937.
 3. Documents on Canadian external relations. Ottawa, 1976.

Ю. Д. Гаева

Уральский федеральный университет

Оценка внешнеполитического курса 35-го президента США Дж. Ф. Кеннеди в работах А. А. Громыко

Джон Фицджеральд Кеннеди – 35-й президент Соединенных Штатов Америки, значимая фигура времен «холодной войны», видный политический деятель и дипломат. К числу исключительно важных работ, посвященных личности и деятельности Дж. Ф. Кеннеди, относятся труды советского историка и дипломата, современника президента, Анатолия Андреевича Громыко, «1036 дней президента Кеннеди» [1], «Внешняя политика США: уроки и действительность. 60–70-е годы» [2] и «Братья Кеннеди» [3]. Целью исследования является дать целостную картину оценки А. А. Громыко внешнеполитического курса 35-го президента США.

Первое, что обращает на себя внимание, – это оценка А. А. Громыко факторов, которые определяли политику Кеннеди. А. А. Громыко, в отличие от многих других авторов, ставит личностные качества президента на второй план, а его поведение – в зависимость от «общей картины внутриполитического и международного положения США того периода» [3, с. 70]. Решения, принимаемые президентом, он списывает только на следование ранее принятому курсу. Когда же внешняя политика, проводимая президентом, меняется в сторону более тесного сотрудничества с СССР, советский историк утверждает, что эта смена лишь подтверждает ее глобальное несоответствие политической ситуации 1960-х гг. А. А. Громыко пишет: «Чувствуя бесперспективность использования исключительно военных методов, он пытался привнести в американскую внешнюю политику элементы гибкости. Это новое в подходе к международным отношениям не отражало какого-либо качественного изменения внешней политики

США, но свидетельствовало о том, что старые доктрины не выдерживали испытания временем» [3, с. 235]. Это показывает субъективную позицию историка.

Отдельно отмечает А. А. Громыко некоторую противоречивость курса Кеннеди «Первые два года он в значительной степени идет на поводу сторонников “холодной войны”, поддерживая особенно тесную связь <...> при осуществлении внешней политики США с Уолл-стритской монополистической группировкой. Только третий год своего президентства Кеннеди делает попытку хотя бы отчасти выйти из порочного круга политики “холодной войны”» [1, с. 7–8]. С такой же противоречивостью он связывает и политику «Новых рубежей».

Примечательно то, как А. А. Громыко описывает международные кризисы во время президентства Дж. Ф. Кеннеди. Огромное внимание он уделяет тому, как делегации Советского Союза всегда шли на уступки Соединенным Штатам и как США полностью отвергали эти попытки. Хорошо это прослеживается в оценке Берлинского кризиса: «Американскому президенту была предложена конструктивная программа решения наиболее важных международных проблем, <...> на условиях, которые ни в коей мере не ущемляли национальных интересов США» [3, с. 177]. Он отдельно акцентирует внимание и на роли самого президента: «Было бы, конечно гораздо лучше, если бы он мог рассказать, <...> что он предложил... Его дипломатический портфель на переговорах был пуст» [3, с. 178].

Кубинский кризис, по оценке А. А. Громыко, доказал полную несостоятельность политики, выбранной президентом: «Кеннеди и другие американские официальные лица неоднократно проявляли непоследовательность при решении проблем, связанных с возникшей по их же вине ситуации» [3, с. 178].

В таких пространственных объяснениях историка начинает казаться, что во всех конфликтах виноваты и участвуют только Соединенные Штаты, а СССР выступает лишь посредником между США и необъятным миром. Но важно отметить, что конфликт всегда возникает между двумя и более субъектами, в нашем случае – акторами международных отношений. Значит, доведение конфликта до крайней точки было виной не только США, но и СССР. И во многом неизменные принципы Дж. Ф. Кеннеди, который был глубоко убежден в возможности мира, установления дипломатических контактов с СССР, ограничения распространения ядерного оружия, сыграли свою роль в разрешении глубоких международных конфликтов. Можно сделать вывод, что советский историк подходит к оценке деятельности Дж. Ф. Кеннеди с относительно догматичной точки зрения.

Итог деятельности Дж. Ф. Кеннеди А. А. Громыко видит таким: «К концу дней своих он начал понимать значение уроков лучшего учителя – повсе-

дневной жизни и стал более трезво анализировать и свои действия и действия других» [1, с. 274–275]. Также отмечается, что личной причастности президента к принимаемым им решениям не было. Исходя из анализа работ А. А. Громыко в целом, следует сказать, что, невзирая на их идеологизированный характер, они являются ценнейшим информационным ресурсом, позволяющим лучше понимать деятельность Дж. Ф. Кеннеди и международные процессы этого периода новейшей истории.

1. Громыко А. А. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1969.

2. См.: Громыко А. А. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60–70-е годы. М., 1978.

3. Громыко А. А., Кокошин А. А. Братья Кеннеди. М., 1985.

Н. А. Жихарев

Уральский федеральный университет

Конституция 1974 г.: к вопросу о причинах распада Югославской федерации

Конституция как основной закон государства определяет основы политической, правовой и экономической систем страны. Данный нормативный акт является необходимым для существования любого государства. Особый интерес представляет Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) 1974 г., которая стала причиной системного кризиса в стране и привела к ее распаду.

На основании своих конституционных полномочий президент СФРЮ Иосип Броз Тито 9 декабря 1970 г. предложил Союзной Скупщине приступить к изменению положений конституции республики, принятой 7 апреля 1963 г., дополненной в 1967 и 1968 гг. девятнадцатью поправками. После принятия предложения президента была начата работа конституционной комиссии во главе с председателем Эдвардом Карделем, югославским политическим деятелем, над изменением Конституции СФРЮ.

В ходе выполнения конституционной реформы в 1974 г. в СФРЮ проявилась необходимость более полной и четкой разработки некоторых основных вопросов общественно-экономической системы самоуправления, а также политической системы вообще. Данный источник говорит нам о фактическом закреплении конфедеративного устройства в социалистической Югославии. Представленные положения конституции являются

основными предпосылками начала системного кризиса в стране, которые впоследствии привели к ее распаду.

Согласно новой конституции, верховным органом государственной власти и общественного самоуправления объявлялась Скупщина СФРЮ [1, с. 282], состоявшая из двух палат: Союзного веча и Веча республик и краев. Оба веча совместно должны были выбирать председателя Скупщины СФРЮ и его заместителей, председателя и членов Союзного исполнительного веча (правительства). Количество членов Президиума СФРЮ было сокращено с 23 человек до 9 (Тито плюс восемь представителей – по одному от каждой республики и края).

Но основной особенностью конституции 1974 г., благодаря которой она и стала знаменитой, было максимальное сужение политических и экономических функции Федерации при усилении роли республик и автономных краев. Конституция определила Югославию как «государственное содружество добровольно объединившихся народов и их социалистических республик, а также социалистических автономных краев Воеводина и Косово» [1, с. 271]. Была подтверждена государственность республик и краев, которые должны были теперь сами выполнять многие функции Федерации на основе взаимных соглашений. Республиканским органам отводилась главная роль при решении большинства экономических и кадровых вопросов [1, с. 271]. Без их согласия не мог быть принят ни один федеративный акт, который затрагивал внутреннее устройство страны. Общие югославские вопросы решались только на основе консенсуса между республиками и краями [1, с. 244].

В результате по Конституции 1974 г. Югославия явно приобрела ряд черт конфедеративного устройства, превратившись отчасти из союзного государства в союз государств. Э. Кардель заявлял, что Югославия – не классическая федерация, не конфедерация, а «самоуправленческое сообщество народов и народностей», основанное на общих интересах, утвержденных «самоуправленческим и демократическим конституционным согласием между республиками и краями» [2, с. 74–75].

В особо тяжелом положении оказывается Сербия. Республика всегда ассоциировалась с федеральным центром, а он теперь становился все более декоративным. Две автономии в составе Сербии (Воеводина и Косово) фактически были переподчинены Федерации, и само сербское руководство теперь не могло решать их вопросы. Самым абсурдным становится то, что сербское руководство не может ничего менять и в Центральной Сербии без согласия своих автономий.

Новая конституция усугубила децентрализацию югославского государства. В новом государственном механизме проглядывали черты конфедерации. Обособление союзных республик впоследствии привело к сепаратизму и гражданским войнам на территории уже бывшей социалистической Югос-

лавии. Поэтому, не создав механизмов разрешения новых противоречий, не предотвратив последующих кризисов, конституция лишь способствовала ослаблению центральных органов федерации. В таких условиях центробежные тенденции подпитывались самостийными устремлениями бюрократических элит, усилились процессы складывания республиканских «этнократических кланов» [3]. Единство страны на деле было поставлено в зависимость от единства Союза коммунистов Югославии, а судьба последнего – от личности Тито [3].

-
1. См.: Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград, 1974.
 2. *Никифоров К. В.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012.
 3. См.: *Волков В. К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 3–33.

С. М. Морий

Уральский государственный экономический университет

Сделка века «Газ – Трубы»: трудности в осуществлении (по материалам журнала «Der Spiegel»)

Сделка века «Газ – Трубы» представляет собой пакет из четырех соглашений (1970, 1972, 1974, 1981) на поставку в ФРГ из СССР природного газа и закупку советской стороной на условиях кредита западногерманских труб большого диаметра, машин и оборудования для строительства трубопроводов. В данном исследовании мы остановимся на соглашении 1981 г., в ходе воплощения которого был построен газопровод «Уренгой – Помары – Ужгород», и на ряде мероприятий, инициированных США с целью недопущения реализации проекта.

Сенсационные договоренности 1981 г. о поставке сибирского газа в ФРГ (дополнительные 8 млрд кубометров в год) не могли не найти отклик в прессе, обращалось внимание не только на небывалый масштаб сделки, но и на определенные сложности и риски при ее воплощении, в частности на противодействие со стороны США. Свою резко негативную позицию по отношению к советско-западногерманскому соглашению Соединенные Штаты обосновывали следующими доводами: во-первых, поставки оборудования для строительства трубопровода позволят Советскому Союзу получить доступ к современным технологиям, которые могут быть им

использованы позднее в оборонной промышленности [1; 2]. Во-вторых, у СССР появится рычаг давления на европейцев путем «открытия и закрытия газового крана» [1; 3]. В-третьих, с точки зрения США, не следовало «снабжать деньгами собственных же врагов» [4]. Стоит отметить, что аргументы США тщательно опровергались в западногерманской прессе. Заинтересованность ФРГ в советском газе объяснялась тем, что круг потенциальных поставщиков топлива постоянно сужался [2]. Вероятность же того, что Советский Союз может внезапно остановить поставки, не воспринималась западногерманской стороной всерьез, поскольку у Москвы были свои причины «не перекрывать кран»: прекращение транспортировки газа по трубопроводу превратило бы многомиллиардный проект в груды металлолома и затронуло бы не только Западную Германию, но другие европейские страны, кроме того, экспорт энергоресурсов обеспечивал приток валюты в бюджет СССР [2], и, таким образом, советская сторона оказывалась в куда большей зависимости от сделки, нежели западногерманская [3].

Успехом не увенчались и предложения США заменить сибирское топливо поставками американского угля и сжиженного газа [5], либо увеличить объем энергоресурсов, импортируемых из Норвегии [3]. Осознав, что европейцы твердо намерены стоять на своем, Вашингтон перешел к более действенным мерам и ввел сначала эмбарго на «экспорт материалов для добычи нефти и газа», а затем и всем европейским фирмам, использующим американские лицензии, было запрещено поставлять оборудование в Советский Союз [6; 7; 8]. Основная масса заказов оборудования по сделке «Газ – Трубы» была сделана Москвой у европейских или японских фирм. Однако в списке поставщиков были и два американских концерна – Caterpillar и General Electric. Любопытно отметить, что, несмотря на критику проекта правительством Рейгана, американские фирмы еще до введения эмбарго легко смогли получить лицензию на экспорт своих товаров и успели отправить в СССР около ста единиц оборудования [6; 9]. Теперь же европейским партнерам предстояло найти замену американским поставщикам, что было непросто [6].

Обращала на себя внимание и некоторая непоследовательность политики Вашингтона. Так, практически одновременно с введением эмбарго на поставку в СССР машин и оборудования Соединенные Штаты отменили запрет на поставку в Советский Союз злаков [10]. Кроме того, в 1970-е гг. американские энергетические концерны сами активно вели переговоры с Москвой о совместном освоении западносибирских месторождений. В 1980-е гг. некоторые американские фирмы также принимали участие в поиске природного газа в Восточной Сибири [4].

В итоге в конце 1982 г., осознав, что ФРГ и другие европейские партнеры Советского Союза твердо намерены участвовать в сделке, правительство Р. Рейгана было вынуждено отменить эмбарго, и строительство газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» было успешно завершено.

-
1. См.: Ungeheuer treu // Der Spiegel. 1981. Nr. 4. S. 34.
 2. См.: Später wäre besser// Der Spiegel. 1981. Nr. 13. S. 23.
 3. См.: Tips aus dem Hinterhalt// Der Spiegel. 1982. Nr. 31. S. 23.
 4. См.: Projekt «Nordstern»: Sowjetgas für Amerika? // Der Spiegel. 1982. Nr. 27. S. 14.
 5. См.: Mehr Kohle und Gas aus den USA? // Der Spiegel. 1981. Nr. 33. S. 81.
 6. См.: Die Herzstücke aus New York und Florida // Der Spiegel. 1982. Nr. 1. S. 20.
 7. См.: Zutiefst verletzt // Der Spiegel. 1982. Nr. 36. S. 101–102.
 8. См.: Röhren-Embargo: Hieb ins Leere // Der Spiegel. 1982. Nr. 41. S. 130–131.
 9. См.: Gas-Geschäft: verbissen gefeilscht // Der Spiegel. 1981. Nr. 48. S. 134–136.
 10. См.: Jedes Land heuchelt manchmal // Der Spiegel. 1982. Nr. 11. S. 23–25.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

А. Д. Назаров

Уральский федеральный университет

Преторианские когорты: участие в военных кампаниях в I в. н. э.

Еще в республиканский период консулов и преторов, отправлявшихся на войну, сопровождал отряд, задачей которого была охрана военачальника. В эпоху гражданских войн такие подразделения стали постоянной охраной полководца и состояли из наиболее преданных ему людей. В частности, каждому проконсулу полагалось иметь три преторианские когорты (*praetoriani*). Император Октавиан Август, управляя тремя провинциями, имел право набрать для личной охраны девять когорт. Три из них принцепс разместил в самом Риме, а еще шесть – в остальных областях Италии [1, с. 77]. В разные годы численность одной когорты составляла от 500 до 1000 человек, среди которых было 100 всадников. Командовал ею преторианский трибун, подчиненный, в свою очередь, префекту претория. Младший командный состав подразделения состоял из шести центурионов [2, с. 25]. В правление Тиберия командующий преторианцами Элий Сеян собрал все когорты в одном лагере на холме Эсквилин у Виминальских ворот Рима [1, с. 122]. В дальнейшем число преторианских отрядов было увеличено до двенадцати, а при Вителлии – до шестнадцати [3, с. 462]. Веспасиан сократил число когорт до девяти, к которым Домициан добавил еще одну. Стоит отметить, что решение Тиберия собрать все преторианские когорты на Эсквилине привело к тому, что во время кризисных ситуаций они стали выступать как единая сила. В итоге преторианцы начали активно влиять на внутреннюю политику, смещая и назначая императоров.

Преторианские когорты состояли из отборных солдат императорской армии, отличаясь военной выучкой и опытом. Набирались они из италийцев и уроженцев наиболее романизированных провинций, обладавших гражданством. Гвардия сопровождала принцепса и членов его семьи в походе. Во время восстания паннонских легионов в 14 г. н. э. император Тиберий отправил усмирять мятежников своего сына Друза в сопровождении префекта претория

Элия Сеяна, двух преторианских когорт и отряда отборной конницы [4, с. 18]. Известно также, что преторианцы были в подчинении у Германика во время его зарейнской кампании [4, с. 49]. В источниках также упоминаются случаи, когда гвардия находилась при войске, которое возглавлял префект претория. Так было во время римско-дакийской войны 87–88 гг., когда римской армией командовал Корнелий Фуск [1, с. 277]. Один из примеров участия преторианцев в боевых действиях связан с экстраординарными обстоятельствами. В 69 г. Вестриций Спуринна, военачальник императора Отона, получил под свое начало три преторианские когорты для защиты Плаценции от вителлианских войск. Командуя преторианцами, Вестриций Спуринна не принадлежал к императорской семье, не занимал должности префекта претория, до этого времени он даже не служил в императорской страже [3, с. 431].

Во время генерального сражения преторианцы обычно охраняли полководца и в случае неблагоприятного стечения обстоятельств могли вмешаться в ход битвы. Перед сражением при Идиставизо (16 г. н. э.) они стояли в резерве [4, с. 49], зато в следующей битве с варварами Германик лично принял участие в бою, и, разумеется, рядом с ними были его преторианцы [4, с. 50]. В сочинениях Тацита сохранилось немало сведений об участии преторианской гвардии в сражениях. Однако почти все они относятся к периоду гражданской войны 68–69 гг. В эти годы преторианцы находились в самой гуще событий, нередко сражаясь в первых рядах. Они героически отбивались от превосходящих по численности войск Вителлия во время обороны Плаценции [3, с. 433]. В столкновении при Касторах близ Кремоны преторианцы занимали место в центре боевого построения [3, с. 434]. Захватив императорскую власть, Вителлий распустил верные Отону подразделения, зачислив в гвардию всех желающих из верных новому правителю войск. Именно по этой причине численность римского гарнизона возросла до 20 тыс. человек, а преторианских когорт – до 16 тыс. [3, с. 462]. Многие преторианцы, изгнанные Вителлием со службы, присоединились к Веспасиану. В частности, они принимали участие в битве при Кремоне, во время которой были брошены в бой из резерва и понесли большие потери [3, с. 475].

Таким образом, главной задачей преторианцев была охрана императора. В связи с этим они принимали участие только в тех военных кампаниях, где римскими войсками командовал сам принцепс, его ближайшие родственники или префект претория. В сражениях гвардия принимала участие редко, обычно она вступала в бой для того, чтобы переломить его ход.

-
1. См.: *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей* М., 1988.
 2. См.: *Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней империи.* М., 2001.
 3. См.: *Корнелий Тацит. Сочинения.* Л., 1969. Т. 2: История.
 4. *Там же.* Т. 1: *Анналы. Малые произведения.*

Титулатура архонтов балканских фем Византии в VIII–IX вв. по данным сфрагистики*

В последние годы появляется все больше исследований, посвященных истории и структуре провинциальных военных и гражданских институтов Византийской империи периода фемного стоя (VIII–X вв.). Однако малоизученными остаются функции архонтов балканских фем империи в системе провинциального управления.

Сведения об архонтах балканских провинций Византии содержатся в «Тактиконе Успенского» (842/843 г.), «Клеторологии» Филофея (899 г.), в сочинениях продолжателя Феофана, Иоанна Скилицы, Константина Багрянородного, в письмах Феодора Студита (конец VIII – начало IX в.). Однако свидетельства письменных источников зачастую отрывочны и противоречивы. Термин «архонт» в нарративных текстах VIII–X вв. использовался в различных значениях: военачальник, должностное лицо гражданской администрации, знатный или богатый человек, иноземный правитель и пр. [1, с. 92–94; 2, с. 312].

Для реконструкции титулатуры и должностных обязанностей архонтов отдаленных пограничных регионов Византии большое значение имеют свинцовые печати (моливдовулы). Группа моливдовулов, принадлежавших архонтам пограничных северобалканских территорий Византии, невелика. Она насчитывает около 20 печатей, которые датируются VIII–IX вв. Учитывая плохую сохранность некоторых сфрагистических памятников, с уверенностью можно восстановить легенды моливдовулов, принадлежавших византийским архонтам Далмации, Фессалоники, Стримона, Месемврии, Хрисополя, Ираклии, Диррахия [3, р. 173–174, по. 77.1–3; 4, с. 25]. В VIII в. архонты, как правило, получали титулы кандидата, стратора или спафария, что соответствуют 5, 6 и 8 рангам административной иерархии Византии данной эпохи [5, р. 22]. Отметим, что это были невысокие титулы, но все-таки они позволяли занимать важные военные и административные должности.

Отдельно следует упомянуть о титуле ипата (7 ранг). В ранневизантийский период ипатами (консулами) были лица, входившие в состав синклита (сената). Данный титул получали представители военной элиты и правители крупных провинциальных административных округов, вклю-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027 «Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь».

чая стратигов фем вплоть до середины VIII в. В иконоборческий период значение титула ипат снижается [6, с. 33; 7, с. 91–92].

Опубликованы печати, в легендах которых упоминаются сразу два титула владельца. Например, Александр, архонт Месембвии, был ипатом и императорским спафарием. По сфрагистическим памятникам VII–IX вв. известны и другие сочетания титулов: ипат и спафайй, ипат и спафарокандидат [5, р. 23, 25–26; 8, с. 156–157].

Судя по данным сфрагистики, большинство фемных архонтов, служивших в балканских провинциях Византии, имели титул спафария [3, р. 47, по. 14.1–3; р. 56; р. 104, по. 37.1; р. 107, по. 39.1; р. 135, по. 53.1; р. 143, по. 59.1]. Первоначально *σπαθᾶριος* («меченосец») – это рядовой воин одного из отрядов императорской стражи. В VIII в. малозначительная военная должность превратилась в почетный титул, не обязательно связанный с военной службой [9, с. 120–121]. В иконоборческий период титул был распространен среди представителей среднего командного состава императорской армии и должностных лиц провинциальной гражданской администрации. Именно в эту группу следует включить большинство фемных архонтов VIII–IX вв. [6, с. 47].

Два моливдовула из рассматриваемой группы принадлежали императорским страторам [3, р. 56, по. 18.12; р. 107–108, по. 39.2]. Еще две печати принадлежали должностным лицам с более высоким титулом протоспафария [10, 1, s. 269, nr. 799; 2, s. 84, nr. 450]. На основании этих данных нельзя заключить, что в определенные периоды времени значение должности архонта повышалось или понижалось. Редкие случаи получения архонтами высоких титулов (протоспафарий) следует рассматривать в контексте карьеры отдельных должностных лиц, имевших особые заслуги перед Константинополем.

С VIII в. в легендах печатей провинциальных архонтов – для рассматриваемой группы это пять моливдовулов из шести – появляется предикат *βασιλικός* («императорский»). Появление этой приставки к титулу не указывает на принадлежность обладателя печати к столичным структурам управления, но однозначно свидетельствует об его принадлежности к государственным, а не местным (муниципальным) органам власти [9, с. 119–120].

Особый интерес представляет печать Георгия, императорского протоспафария, квестора и архонта коммерции Фессалоники. Моливдовул датирован VIII–IX вв. [10, 2, s. 84, nr. 2450]. Помимо того, что владелец печати обладал высоким титулом, он одновременно занимал две гражданские должности: квестора Фессалоники (судебное ведомство) и главы императорской коммерции (таможни). Подобное сочетание должностей более характерно для восточных фем Византии в X–XI вв.

Таким образом, эволюция титулатуры архонтов балканских провинций Византии отражает основные тенденции развития системы провинциального управления империи. По сфрагистическим данным существование архонтов среди должностных лиц военной и гражданской администрации фиксируется с VIII до X вв., причем большая часть печатей архонтов приходится на IX в., т. е. на время создания большинства фем на территории Балканского полуострова (за исключением фемы Фракия, появившейся гораздо раньше). До формирования фемных структур власти архонты являлись частью сохранившегося с ранневизантийского времени муниципального аппарата управления. Отметим также, что аналогичные процессы происходили не только на Балканах, но и в других пограничных регионах Византии.

-
1. См.: *Ферлуга Я.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења. Прилог изучавању тематског уређења од VII до X века // Зборник радова Византолошког института. 1953. Књ. 2. С. 61–94.
 2. См.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2000. Вып. 7. С. 310–317.
 3. См.: *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art* / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 1991. Vol. 1.
 4. См.: *Мохов А. С.* К вопросу о структуре византийских фем в IX – середине X в. // II Междунар. Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.) : тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2010. С. 23–25.
 5. См.: *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of The Kletorologion of Philotheos. London, 1911.
 6. См.: *Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // Византийский временник. 2003. Т. 62. С. 21–46.
 7. См.: *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Античная древность и Средние века. 1995. Вып. 27. С. 91–97.
 8. См.: *Алексеев Н. А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 1996. Вып. 5. С. 155–170.
 9. См.: *Мохов А. С.* Формирование новой системы титулатуры в Византии второй половины VII – первой половины VIII в. // Античная древность и Средние века. 2013. Вып. 41. С. 118–122.
 10. См.: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867).* Berlin; New York, 1998–2002. Bd. 1–2.

Образы военачальников в византийской исторической литературе XI в.: «бездарный полководец» Михаил, сын логофета Анастасия*

Качества, присущие идеальному полководцу, способному успешно командовать большими армиями, были сформулированы еще в античной полемологической традиции (Ксенофонт, Онасандр) [1, с. 94–96; 2, р. 3.6–12]. Почти без изменений они были заимствованы авторами византийских военно-теоретических сочинений IX–X вв. [3, с. 102–106].

По свидетельствам исторических хроник периода Македонской династии, многие командиры императорской армии соответствовали образу «идеального полководца» (Иоанн Куркуас, Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и др.). О бездарных, лишенных необходимых для командования военного опыта и знаний военачальниках византийские авторы X–XI вв. писали реже. Таков патрикий Михаил, сын логофета Анастасия (Μιχαήλ πατρίκιος, ὁ Ἀναστασίου τοῦ λογοθέτου υἱός). По хроникам Иоанна Скилицы и Кекавмена, в 1042 г. он занимал должность катепана Диррахия [4, р. 424.66–67; 5, с. 184.11–12]. По распоряжению императора Константина IX Мономаха, патрикий Михаил должен был подавить восстание Стефана Воислава (Στέφανος ὁ καὶ Βοϊσθλάβος, Τριβούνιος ὁ Σέρβος), сербского правителя областей Дукля и Зета: «Он выступил вместе с иподстратигами против Стефана и некоего Тривуния Сербя. Но как человек бесславный и изнеженный, Михаил был далек от понимания военной науки. Он предпринял атаку, лишенную всякого смысла и стал причиной большого несчастья ромейского государства... На крутых и извилистых дорогах враги закидали ромеев камнями и стрелами... Уцелевшие брели, безоружные, жалкие и одинокие. Михаил же скрылся в безопасном месте и делился переживаниями с другими» [4, р. 424.65–425.97; 5, с. 184.10–20].

Военная карьера Михаила, сына логофета Анастасия, не завершилась после поражения от Стефана Воислава. В 1045–1047 гг. он занимал должность катепана Паристриона (Μιχαήλ τὸν ἄρχοντα τῶν παριστρίων πόλεων) [4, р. 457.31–32]. Он сыграл важнейшую роль в переселении на территорию Византии нескольких печенежских кланов во главе с ханом Кегеном (Κεγένης). По приказу из Константинополя Михаил обеспечил их переправу через Дунай, снабдил продовольствием и определил место для поселения близ Доростола. Предводителя печенегов Кегена с почетом отправили в столицу, причем Михаил написал императору радужное пись-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027 «Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь».

мо, исполненное надежд на дружбу между ромеями и кочевниками [4, р. 456.67–8].

Соплеменники Кегена стали совершать набеги за Дунай, что привело к масштабному вторжению на Балканы всех печенежских племен во главе с верховным ханом Тирахом (Τυράχ). Война с ними продолжалась до 1047 г. и завершилась победой византийских войск [4, р. 457.31–458.53]. Возможно, что после завершения боевых действий Михаил, сын логофета Анастасия, получил в качестве награды титул вестарха. Об этом свидетельствует печать, на лицевой стороне которой изображен архангел Михаил, а на оборотной – надпись из шести строк: Μιχαὴλ βεστάρχῃ καὶ κατεπάνω Παραδουνάβου («Михаил, вестарх и катепан Парадунависа») [5, р. 300, no. 602].

Последнее упоминание о Михаиле, сыне логофета Анастасия, относится к началу сентября 1057 г. К тому моменту он уже получил титул магистра и входил в состав синклита. Накануне захвата Константинополя отрядами Исаака Комнина сторонники патриарха Михаила Кирулария организовали в столице нападения на дома сторонников отрекшегося от престола Михаила VI. Магистр Михаил, сын логофета Анастасия, принимал в этих погромах самое активное участие. Отметим, что весьма негативные оценки Иоанна Скилицы по отношению к магистру Михаилу разделял также Михаил Пселл, называя сына логофета «вдохновителем мятежей» [4, р. 498.30–48; 6, с. 150].

Единственным византийским автором, который не критиковал Михаила, сына логофета Анастасия, был Иоанн Зонара. Живший значительно позже наших авторов, Зонара писал, что Михаил был «стратигом, обладавшим практическим опытом» [8, р. 618.1]. Не исключено, что предвзятость оценок по отношению к Михаилу связана с хитросплетениями взаимоотношений столичных чиновных семей. После 1059 г. семья Михаила оказалась под покровительством императоров из династии Дук. Иоанн Скилица и Кекавмен, напротив, не пользовались расположением Константина X и его родственников.

1. См.: *Ксенофонт Афинский*. Воспоминания о Сократе. М.; Л., 1935.

2. См.: *Onosandri de imperatoris officio liber*. Lipsiae, 1860.

3. См.: *Тактика Льва*. СПб., 2012.

4. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berlin; New York, 1973.

5. См.: *Кекавмен*. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. 2-е изд. СПб., 2003.

6. См.: *Byzantine lead seals by G. Zacos*. Berne, 1984. Vol. 2.

7. См.: *Михаил Пселл*. Хронография. М., 1978.

8. *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII*. Bonnae, 1897. Vol. 3.

Крестовый поход Гийома VI, сеньора де Монпелье

В Первом и Втором крестовых походах активное участие принимали южно-французские сеньоры. В частности, войско графа Тулузы Раймонда IV по численности превосходило силы других предводителей Первого крестового похода. Одним из отрядов, отправившихся в Святую Землю, командовал граф Монпелье Гийом V (Willelmus de Montphelyr). Сеньор де Монпелье вернулся из Иерусалима после 1105 г., причем в источниках упоминается, что участие в крестовом походе фактически привело Гийома V к разорению. Последние годы его жизни прошли в бесконечных тяжбах с местным епископом и городским магистратом Монпелье [1, р. 567]. Около 1120 г. Гийом V принял монашество в аббатстве св. Сальватора.

Для истории Второго крестового похода значительный интерес представляет следующий представитель династии сеньоров Монпелье – Гийом VI Великий. В 1127–1129 гг. он предпринял путешествие в Иерусалим, откуда вернулся с драгоценной реликвией животворящего креста. Не исключено, что обет совершить паломничество в Святую Землю Гийом VI дал после получения помощи от папского престола, а также городских коммун Генуи и Пизы в борьбе с городскими властями Монпелье [2, р. 31].

Гийом VI не участвовал в походе 1147–1149 гг. на Восток. Во главе отряда окситанских рыцарей он присоединился к войску кастильского короля Альфонсо VII и принял участие в войне против халифата Альмохадов. Следует отметить, что впервые в испанской Реконкисте принимали участие большие отряды крестоносцев из Франции, Англии, Фландрии, Шотландии, а также генуэзский флот. В современной историографии боевые действия против мусульман во второй половине 40-х гг. XII в. принято считать частью Второго крестового похода [4, р. 94–95].

Династия сеньоров Монпелье была связана военно-политическим союзом с королями Кастилии еще с начала XII в. Гийом V принимал участие в завоевании Балеарских островов, а его сын в 1134 г. принес вассальную присягу королю Альфонсо VII: «Многие дворяне из Гаскони и долины Роны, во главе которых был Гийом де Монпелье, пришли к Альфонсо по доброму согласию. Они получили от него серебро, золото, лошадей и много других ценных даров. Став его вассалами, они были послушны во всем. Тогда же пришли многие сыновья французских дворян, а также знатные люди из Пуату» [5, р. 87].

В 1146 г. Альфонсо VII отправил посланника к графу Барселоны и Гийому VI с призывом о помощи в военной кампании по разрушению Альмерии,

одной из баз мавританских пиратов западного Средиземноморья, обещая им в этом предприятии искупление души. Те же «приняли предложения с радостью и пообещали присутствовать у Альмерии вместе с генуэзцами». В августе 1147 г. Гийом VI привел к Альмерии хорошо вооруженные отряды, «готовые к свирепой войне». Осада длилась два месяца, и завершилась падением Альмерии в середине октября 1147 г. [5, p. 161, 177].

Наиболее значимым событием военной кампании на Пиренеях стал захват Лиссабона 20 октября 1147 г. Помимо того, что отвоевание будущей португальской столицы следует расценивать как наибольшее военное достижение Второго крестового похода, установление христианами контроля над устьем реки Тежу стало важным моментом в освобождении Пиренейского полуострова от мавров.

В недостаточной степени изученной стороной биографии Гийома VI де Монпелье являются отношения с католической церковью. Известно, что его отец Гийом V враждовал с епископом города. Однако Гийом VI прекратил этот конфликт, пойдя на определенные уступки церкви. В источниках XII–XIII вв. сохранились сведения о переписке графа Монпелье со св. Бернардом Клервоским (Bernard de Clairvaux). К сожалению, сами тексты не сохранились до нашего времени. Тем не менее Гийома VI следует считать духовным учеником и почитателем вдохновителя Второго крестового похода [6, p. 231, n. 99; 233, n. 106]. В последние годы жизни Гийом VI основал к северо-западу от Тулузы цистерцианское аббатство Грандсельв, где он и принял монашество в 1149 г. [7, p. 7–9].

1. См.: *Lewis A. R.* Seigneurial Administration in Twelfth-Century Montpellier // *Speculum*. 1947. Vol. 22. P. 562–577.

2. См.: *Aigrefeuille Ch.* Histoire de la ville de Montpellier depuis son origine jusqu'à notre temps. Montpellier, 1875. Vol. 2.

3. См.: *Paul N. L.* To follow in their footsteps: the Crusades and family memory in the high Middle Ages. London, 2013.

4. См.: *Jaspert N.* Capta est dertosa, clavis Christianorum – Tortosa and the Crusades // *The Second Crusade: scope and consequences*. Manchester, 2006. P. 90–110.

5. *Chronicle of Alfonso the Emperor*. Conway, 1999.

6. См.: *Constable J.* The Second Crusade as seen by contemporaries // *Traditio*. 1953. P. 213–279.

7. См.: *Mousnier M.* Les granges de l'abbaye cistercienne de Grandselves (XIIe – XVe siècles) // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale*. 1983. Vol. 95 (161). P. 7–27.

Письменные источники по изучению повседневной жизни нижних чинов русской армии во второй половине XVIII в.

В отечественной историографии немалое количество работ посвящено русской армии второй половины XVIII в., однако лишь малая их часть затрагивает проблемы быта солдат и офицеров в изучаемый период. Актуальность заявленной темы состоит в необходимости изучения повседневной жизни регулярной армии как одной из важнейших частей российского общества. Со времен Н. М. Карамзина в отечественной науке история традиционно рассматривалась как история государства, жизнь же общества представлялась второстепенной и малозначимой темой. Такой подход определял и отношение исследователей к изучению армии – она рассматривалась как один из важнейших инструментов государства и как символ его могущества, в то время как вопросы, связанные с жизнью людей, составляющих эту армию, в основном игнорировались. Основными источниками для изучения повседневной жизни нижних чинов русской армии во второй половине XVIII в. служат письменные источники, такие как воспоминания, формулярные списки, документы текущего делопроизводства и законодательные источники. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Воспоминания и дневники современников являются одним из самых важных источников по изучению повседневной жизни русской армии исследуемого периода в первую очередь потому, что в них встречается личное отношение автора к бытовым вопросам армейской жизни. Подавляющее большинство дошедших до нашего времени воспоминаний оставлены офицерами, происходившими из числа дворян, однако и в их трудах содержится огромное количество информации, интересной для исследователей повседневной жизни нижних чинов. Наиболее характерными примерами таких воспоминаний являются мемуары С. А. Тучкова [1] и дневники Н. Грязева [2]. Также до нашего времени дошли малочисленные воспоминания, записанные офицерами на основе устных рассказов солдат [3].

Важным источником по повседневной жизни нижних чинов русской армии служат формулярные списки и документы текущего делопроизводства, такие как рапорты или прошения. Несмотря на то, что эти источники, как правило, формализованы и обезличены, тем не менее они содержат огромный массив важной для исследователя повседневности информации. Так, формулярные списки, помимо имен и анкетных данных солдат и офицеров, зачастую содержат разного рода приложения, позво-

ляющие судить о быте служилых. Автору доводилось работать в ГАСО с формулярными списками [4, 5] и текущей документацией [6] воинских частей, и эти документы стали источником бесценной информации, дающей представление о жизни нижних чинов горной и монетной рот Екатеринбургa во второй половине XVIII в. К сожалению, до нас данные источники дошли в далеко не полном объеме. Так, например, при работе по исследованию деятельности екатеринбургской монетной роты оказалось, что за век ее существования основная масса документов охватывает период не более двух десятилетий, тогда как начало и конец ее деятельности остаются неясными. Возможно, интересующие нас документы физически и присутствуют в архивах, но их не всегда представляется возможным найти с помощью описей.

Законодательной основой повседневной жизни всей армии являлись, конечно же, воинские артикулы. Эти документы распространяли свое влияние на большую часть войск, именно в них содержались положения, отражавшие саму структуру вооруженных сил, а также огромное количество иной информации: от повседневных обязанностей солдат и офицеров до описания тактических приёмов на поле боя. По этой причине воинские артикулы того времени имеют большое значение для изучения повседневной жизни нижних чинов русской армии. Большая часть артикулов и уставов второй половины XVIII в. к настоящему времени оцифрована и находится в свободном доступе, как и действовавший в то время артикул воинский Петра I [7].

В заключение отметим, что современный исследователь, изучающий повседневную жизнь российской армии второй половины XVIII в., вынужден наиболее широко опираться на опубликованные воспоминания, дневники и письма современников. Мы находим, что большим информационным потенциалом обладают архивные материалы, но их поиск и использование затруднено и требует большого количества времени и иногда материальных ресурсов.

1. См.: *Тучков С. А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908.

2. См.: *Семанов С. Н.* Александр Васильевич Суворов. Слово Суворова. Слово современников : материалы для биографии. М., 2000.

3. См.: *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004.

4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 98.

5. ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 134.

6. ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 111.

7. См.: Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1777.

«Язва сопротивления» как предпосылка падения бонапартистского государства в Испании (1808–1814 гг.)

Строительство государства – это всегда крайне сложный многофакторный процесс. В большинстве случаев мы можем наблюдать его протекание в виде эволюционных изменений, при которых национальные правительственные структуры постепенно адаптируются к социальным реалиям. Однако имеют место быть и прецеденты резких государственных «переориентаций», возникающих, как правило, не без участия некой внешней переменной, которая стремительно создает выгодную ей политическую архитектуру в подчиняемом ею государственном образовании. Социум преимущественно резко негативно реагирует на подобные ломки: внутри него формируются условия и силы, которые препятствуют дальнейшему нормальному развитию искусственно привнесенных политических, экономических, социальных, культурных элементов, что в конечном счете обуславливает падение всей конструкции нового государственного устройства.

Превосходным примером такого падения является судьба бонапартистского государства в Испании, которое кануло в лету не столько благодаря высадке английского военного десанта, сколько появлению «язвы сопротивления» – партизанским отрядам «герильеросов». Последние были представлены самыми различными социальными слоями (маркиз де Аталауэлас, священник И. Мерино, мелкопоместные землевладельцы Ф. Эспоз-и-Мина и Х. М. Диес, солдаты Х. Д. Порлйизр и Ф. дель Бош и т. д. [1, р. 9]), и за подобным единодушием стояло несколько причин.

Во-первых, в данном регионе сложилась определенная макроэкономическая ситуация. Из-за сложных политических пертурбаций Испания с 1796 по 1808 гг., являясь союзницей Франции, вела войну с Англией. Флот последней блокировал всякое сообщение между Испанией и ее колониями в Америке, что вызвало мощный экономический спад. В результате многие испанские города оказались переполнены безработными молодыми людьми, многие из которых стали контрабандистами, занялись разбоем [2, р. 11].

В подобных условиях французы в самом начале периода оккупации ввели еще ограничения на передвижения по стране и подавляли многие аспекты уличной жизни для упрощения системы контроля над захваченной территорией. Но тем самым они ограничивали и альтернативные источники дохода. В результате многие столичные сеньоры не могли оплатить даже домашнюю прислугу, которая очутилась на улице, усиливая социальную напряженность [3, р. 271].

Огромный процент работоспособного населения страны оказался за бортом привычного существования, зачастую зарабатывая на жизнь криминальным путем и совершенствуя «боевой навык» в бесконечных стычках с силами правопорядка, а затем и подразделениями французской регулярной армии и военной полиции.

Во-вторых, французами не был учтен высокий уровень децентрализации страны. Провинции часто проявляли «самостийность», игнорируя прямые указы Мадрида. Они презирали чиновников Карла IV, хотя тот был испанцем и легитимным правителем из династии Бурбонов. Однако в провинциях не желали терпеть и куда более жесткий и ультимативный диктат французской оккупационной администрации [4, p. 20].

В-третьих, французы долгое время пользовались поддержкой либерально настроенных политических кругов: испанских интеллектуалов, увлеченных конституционными идеями. Однако увиденный последними размах жестокости и мародерства заставил их изменить свое отношение и образовать Центральную хунту совместно с монархистами-консерваторами, чтобы возглавить движение сопротивления [5, с. 183]. Французам же пришлось довольствоваться поддержкой куда более малочисленных *afrancesados*.

Наконец, вдвойне оскорбленные налагаемыми экономическими ограничениями и жестокостями оккупационной армии, испанцы не желали терпеть еще и пренебрежительное отношение атеистически настроенных французов к их религиозным чувствам, которое, как правило, выражалось в осквернении церквей и убийстве священнослужителей.

Таким образом, «язва сопротивления» разносторонне мотивированных герильерос вынуждала французскую администрацию Жозефа Бонапарта отдавать множество сил на ее подавление, не давая последней нормализовать ситуацию в захваченной стране, а именно – проводить эффективные административные и экономические реформы, результаты которых могли бы привлечь на ее сторону симпатии населения.

1. См.: *Pisa J.* De La Napoleon's Nightmare: Guerrilla Warfare in Spain (1808–1814) – The French Army's Failed Counterinsurgency Effort. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/napoleon%C2%B4s-nightmare-guerrilla-warfare-in-spain-1808-1814>.

2. См.: *Tone J. L.* The Fatal Knot. The Guerrilla War in Navarre and the Defeat of Napoleon in Spain. Chapel hill, 1994.

3. См.: *Esdaile Ch. J.* The Peninsular War: A New History. New York, 2003.

4. См.: *Malkin L.* The First Spanish Civil War // *MHQ: The Quarterly Journal of Military History*. Winter 1989, Vol. 1, No. 2. P. 19–23.

5. См.: Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013.

Политические результаты военных усилий на примере французских миссий в Сербии и на Корфу 1915–1916 гг.

После вступления Сербии в Первую мировую войну союзники решили оказать посильную помощь, выразившуюся в отправке военных специалистов на дунайский театр военных действий. Еще до начала войны Сербия находилась в поле влияния двух союзников по Антанте – России и Франции. В отечественной историографии принято обращать преимущественное внимание на русское влияние.

В обстановке начала Первой мировой войны связь Сербии и России представляется более прочной. Для Франции в кампанию 1914 г. Сербия была периферийным фронтом борьбы. Несмотря на это, 25 октября 1914 г. по просьбе сербского правительства [1, р. 163] в Белград отправилась французская военно-морская миссия (Mission D) под руководством капитан-лейтенанта Эдуарда Пико. Кроме того, 29 января 1915 г. генерал Жоффр распорядился отправить в Сербию эскадрилью MF-99S под командованием лейтенанта Роже Витра, в задачи которой входили фоторазведка позиций противника и нанесение ударов с воздуха [2]. Также была организована линия снабжения Салоники – Белград, через которую Сербия получала от Франции снаряды к полевым и горным орудиям, а также униформу [3, с. 184–192].

Осенью 1915 г. обстановка на сербском фронте резко изменилась; поражение Сербии прервало связь с Россией. Вместе с тем военные успехи сербов в кампании 1914 г. изменили отношение к ней со стороны европейских держав. Но что самое главное – в кампании 1915 г. на основных фронтах войны окончательно сложилась обстановка, которую характеризовали как позиционный тупик. В результате политическое и военное руководство союзников было вынуждено перейти к периферийной стратегии. В данных обстоятельствах характер взаимодействия Сербии и Франции изменился, и вместо решения частных военных задач Париж начал придавать сербскому вопросу повышенное политическое и стратегическое значение.

18 декабря в Бриндизи прибыла военная миссия во главе с генералом Пиароном Мондезиром [4], задачей которой стало снабжение Сербии современными вооружениями, а также реорганизация сербской армии. При этом реальные шаги по реорганизации были приняты уже в рамках французской военной миссии на Корфу (февраль, 1916 г.) – она заключалась, как и прежде, в снабжении военными материалами, а также в создании новой организационной структуры армии и обучении сербских офицеров во Франции [5, р. 5].

Вместе с тем из импровизированного элемента срочной военной помощи миссии превратился в организованный инструмент взаимодействия с союзниками: если до осени 1915 г. авиационная и военно-морская миссии подчинялись профильным военным министерствам и действовали автономно друг от друга, то французская военная миссия в Албании представляет собой синтез военных и политических структур. Мондезир объединил под своим руководством авиационную, медицинскую, морскую, артиллерийскую части [6], взял на себя дипломатическую работу (сношения с военными представителями союзных держав, с итальянскими властями и т. д.), а его деятельность стала предметом особого внимания первых лиц Третьей Республики [7].

Современная сербская историография, анализируя события конца 1915 г. и эвакуацию сербской армии на Корфу, отводит первостепенную роль французам [8; 9; 10] («остаток сербской армии был вывезен на Корфу в первую очередь благодаря Франции»), Россия как бы выведена из пространства политической конкуренции на Балканах. Драголюб Живоинович отмечает, что триумф Восточной армии – дело рук исключительно Франции, этим она обеспечила себе доминирование на Балканах, а окончание военных действий на полуострове – «результат политики Клемансо и действий д'Эспере и Живоина Мишича» [8, с. 327].

1. См.: Extraits du rapport du 30 octobre 1915 du Capitaine de Frégate PICOT, commandant la mission D // G. Delannoy. Guerre 1914–1918. Citations a l'ordre de l'armée des formations et batiments de la marine française. Paris, 2011. P. 163–166.

2. См. : *Villatoux M.-C.* La France et les debuts de l'aeronatque militaire serbe. URL: <http://www.ambafrance-srb.org/La-France-et-les-debuts-de-l>

3. См.: Ђуришић М. Србија у рату 1914. Београд, 2008.

4. SHD/T. 26 N 10/1.

5. SHD/T. GR 17 N 695. Le Général Commandant en Chef les armees françaises a monsieur le Ministre de la Guerre.

6. SHD/T. GR 16 N 693. Liste nominative des officiers de la mission et des chefs de service.

7. См.: *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915–1916: Воспоминания. Мемуары. М., 2002.

8. См.: *Живоиновић Д. Р.* Невольни ратници. Велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2010.

9. См.: *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 2004.

10. *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 2007.

Бои 1-й Терской казачьей дивизии с конницей Будённого на Дону зимой 1920 г.

После перелома под Орлом в октябре 1919 г. терские части были в числе войск, которые отходили на Дон и Кубань и испытали все тяготы отступления.

26 декабря 1919 г. Терская дивизия ген. Топоркова обороняла Нахичевань и Ростов. Войска возлагали на нее «некоторые надежды» [1, с. 249]. Дивизия входила в корпус ген. Мамантова и стояла на левом фланге. 7 января 1920 г. в стычке с конницей Будённого терцы успешно отбросили красных кавалеристов [2, с. 509].

В ночь с 26 на 27 декабря пришел приказ: в 7 часов утра отходить за Дон. Однако в 4 часа утра приказ был отменен, приказано было занять прежние позиции. Около 11 часов красноармейцы перешли в атаку на левом фланге и пытались обойти части корпуса Мамантова [2, с. 510]. Успешный в начале прорыв терцев был ликвидирован, и дивизия «была разбита большевиками» [3, с. 155–156].

5 января 1-я Конная армия под началом С. М. Будённого, поддержанная двумя стрелковыми дивизиями, наступавшими на Ольгинскую и Старочеркасскую станицы, вновь перешла в наступление [4, с. 530].

Овладев Ольгинской, красные атаковали Батайск. На следующий день с рассветом буденовцы повели наступление от станицы Ольгинской на хутор Злодейский, в обход Батайска [5, с. 342]. Массовое скопление конницы у Нахичевани и переход через Дон были обнаружены белыми около 7 утра, в Батайск по тревоге были вызваны конница Топоркова и Барбовича [4, с. 530]. Терцы выступили от хутора Злодейского навстречу коннице Будённого [5, с. 342].

Около 10–11 часов утра части 4-й красной кавалерийской дивизии, двигавшейся мимо Батайска на хутор Злодейский, опрокинули Кубанскую дивизию. Передовые части ген. Топоркова также были отброшены в начале боя, и вся масса кавалерии Будённого пошла за ними на хутор Злодейский.

Но в это время части ген. Топоркова «развернувшись в блестящем порядке <...> лихо пошли в атаку» [4, с. 531]. Терцы одновременно с ген. Барбовичем при поддержке бронепоездов и 1-го Корниловского Ударного полка нанесли удар кавалерии Будённого от южной части Батайска [3, с. 163–164]. Большая часть конницы была скрыта за железнодорожной дамбой, что усилило деморализующий эффект. Появление подобного рода

«засадного полка» ошеломило красных, и они стали отходить, причем смяли находившиеся сзади части. Бегство красных, впрочем, не было беспорядочным. Бой продолжался еще 4 часа [4, с. 531]. Но все же деникинские войска совместным ударом с 3-м и 4-м донским корпусами неприятельские войска были отброшены за Дон. Следует отметить, что в большинстве источников соратниками терцев в этой битве вместо корниловцев и кубанцев называются Донской корпус ген. Павлова [6, с. 753–754; 7, с. 262; 8, с. 237]. Среди участников атаки называют и Сводно-Гвардейский полк ген. Данилова [4, с. 531].

Сам С. М. Будённый в своих мемуарах скупно говорит о бое, упоминая сильный «пулеметно-артиллерийский огонь» и бронепоезд, которые и внесли решающий вклад в победу белых [9, с. 389].

Был ранен лично руководивший боем генерал Топорков [10]. «Отступление скоро перешло в беспорядочное бегство. Красные бросали орудия, пулеметы, ящики со снарядами» [4, с. 531]. 40 орудий и много обозов провалилось и застряло в болоте [11]. Со стороны красных в бою принимало участие не менее 17 тыс. шашек и 12, 9 и 16-я стрелковые дивизии. А сводный Кубано-Терский корпус насчитывал не более 1500 шашек, он понес большие потери даже на фоне других частей [3, с. 164].

21 января к северо-востоку от Батайска Кубано-Терский корпус ген. Агоева (заменял раненого Топоркова) совместно с корниловцами, сдержав наступление 33 и 40-й дивизий, контратакой отбросил красных и гнал их к Нахичеванской переправе. Только сильный огонь многочисленной артиллерии с правого берега Дона спас Конную армию и пехоту красных [4, с. 532].

Итогом этой, казалось бы, незначительной операции был, во-первых, подъем боевого духа в казачьих частях [3, с. 165]. Во-вторых, был развеян миф о непобедимости конницы Будённого, который после поражения окончательно отказался от попыток прорвать фронт на участке Батайск-Ольгинская [4, с. 532].

1. См.: Отход Марковской дивизии // От Орла до Новороссийска. М., 2004. С. 185–280.

2. См.: Волошинов Ю. Ф. Отход к Ростову // От Орла до Новороссийска. М., 2004. С. 508–512.

3. См.: Левитов М. Н. Отступление Корниловской Ударной дивизии // От Орла до Новороссийска. М., 2004. С. 131–180.

4. См.: Ковалёв Е. Е. Бои с конницей Будённого и Думенко на Дону и на Маныче в 1920 году // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 528–537.

5. См.: Кравченко В. М. Дроздовцы от Орла до Новороссийска // От Орла до Новороссийска. М., 2004. С. 335–361.

6. См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты : в 5 т. Т. 5. М., 2005.
7. См.: *Уильямсон Х. Н.* Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007.
8. См.: *Оприц И. Н.* Лейб-Гвардии Казачий Ея Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. // *Лейб-казаки.* М., 2008. С. 13–322.
9. См.: *Будённый С. М.* Пройденный путь. М., 1958.
10. Грозный. 1920. № 89. 8 января.
11. Кавказская газета. 1920. № 8 (88). 11 января.

Секция VII

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Д. В. Зайцева

Государственный академический университет гуманитарных наук

Публичное пространство термидорианского Парижа по донесениям полицейских агентов*

XVIII в. стал поистине переломным для западной цивилизации. Это период переоценки ценностей, растущих сомнений в значимости христианской религии, время, когда еще недавно казавшиеся непоколебимыми истины подверглись сомнению; эпоха господства рационализма, когда просвещенные элиты поверили в то, что с помощью разума можно изменить мир, придумать совершенно новый общественный порядок и воплотить его в жизнь.

В то время менялось не только сознание общества, но и само общество. Помимо официальной власти, появилась новая, мощная сила, имя которой – общественное мнение. Именно в XVIII в. этот феномен стал «мощным и влиятельным интеллектуальным, а порой и политическим фактором» [1, с. 286]. Любые изменения в социально-политической жизни государства тут же находили отклик в общественном сознании. Особую роль общественное мнение играло во Французской революции, когда «приобрело себе право свободно думать и говорить, понемногу утраченное монархом» [2, с. 201]. Происходил поиск новых форм социальности повсюду, где происходило распространение идей: «в театрах, изменивших свое предназначение после падения прежней власти; в доступных для публики общественных местах, вроде праздничных эспланад; в таких недавно созданных и политически закрытых сообществах, как народные клубы. Но сюда же можно с полным основанием отнести кабачки, улицы

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант № 14-18-01116 «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи».

и площади (где производились смертные казни), секционные собрания и комитеты бдительности» [2, с. 201–202]. С началом якобинского Террора общественное мнение было поставлено под жесткий государственный контроль и лишь после переворота 9 термидора и ликвидации режима революционного правления смогло вновь заявить о себе.

Термидорианский период – это переходное время, характеризующееся «сочетанием разрыва и преемственности» [3]: с одной стороны, шло решительное отмежевание от прошлого, от наследия революционной диктатуры, с другой – происходил переход к конституционному способу управления государством и «закладывались основы политической системы Франции на следующие четыре года» [4, с. 5]. Это был период, когда новая власть стремилась вывести страну из Террора [5], а общество шаг за шагом возвращалось к мирной жизни и относительной свободе слова. По мере постепенного демонтажа революционной диктатуры происходило все большее оживление активности прежних институтов общественного пространства. В кафе, театрах, клубах, светских салонах вновь закипели дискуссии о текущих событиях политической и общественной жизни.

Какие именно темы казались тогда наиболее актуальными? Как в рамках публичного пространства формировалось о них общественное мнение? На эти вопросы я попыталась ответить, проанализировав, как в термидорианском Париже функционировали наиболее демократичные и массовые институты публичного пространства – кофейни и театры. Основным источником для моего исследования послужило опубликованное в конце XIX в. А. Оларом собрание донесений полицейских осведомителей [6], ежедневно посещавших места массового скопления горожан и докладывавших начальству обо всем там увиденном и услышанном.

В результате исследования донесений полицейских агентов за период с июля 1794 г. по октябрь 1795 г. удалось составить общую картину умонастроений парижан, выявить центральные темы их разговоров в публичных местах и на основе анализа таких бесед проследить эволюцию отношения общества к тем или иным социально-экономическим и политическим процессам. В ходе исследования удалось убедиться, что общественное мнение достаточно чутко реагировало на важнейшие события политической жизни того времени. Так, и в кафе, и в театрах обозначенного периода самыми обсуждаемыми темами были суды над деятелями Террора, нехватка продовольствия и постоянные спекуляции, проводимые правительством реформы; позже к этим разговорам присоединилось недовольство политикой Конвента. Однако лейтмотивом разговоров на протяжении всего термидорианского периода была ненависть к якобинцам. И хотя иногда в кафе и театрах все же звучали голоса в поддержку бывших деятелей Террора, такие случаи носили исключительный характер. Формирующееся в публичном пространстве

термидорианского Парижа общественное мнение имело ярко выраженную антиякобинскую окраску и, очевидно, не могло не оказывать соответствующего влияния и на политику властей, подгоняя их по пути демонтажа наследия эпохи Террора.

1. *Тортароло Э.* Общественное мнение // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 286–295.

2. *Бурден Ф.* Революционная аккультурация: борьба за новую социабельность // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 201–215.

3. См.: *Бачко Б.* Культурный поворот III года Республики // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000. С. 103–125.

4. *Бовыкин Д. Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

5. См.: *Бачко Б.* Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.

6. См.: *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 1–2. Paris, 1898.

Н. А. Павлюкова

Уральский федеральный университет

Минералогическая коллекция А. Ф. Турчанинова: к вопросу об одворянивании заводовладельца

В России первой половины XVIII в. в процессе европеизации активное развитие получило частное и государственное коллекционирование. Одним из основных предметов собирательства (наряду с произведениями западно-европейского и отечественного искусства) в указанный период становятся естественно-научные экспонаты [1].

Владелец Полевского, Северского и Сысертского заводов, представитель одного из крупнейших предпринимательских родов Урала и России, Алексей Федорович Турчанинов (ок. 1704–1787) [2, с. 131], во второй половине XVIII в. являлся хозяином значительной минералогической коллекции. О ее размерах позволяет судить «Опись имению... титулярного советника Алексея Федорова сына Турчанинова» 1789 г. [3], составленная после смерти заводчика.

Данное исследование затрагивает только коллекцию минералов и не акцентирует внимание на огромном количестве ювелирных изделий и поделок (или их частей) из драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней и металлов, принадлежавших А. Ф. Турчанинову.

В описи не указывается, хранились ли экспонаты в виде единого собрания или находились разрозненно в имениях, принадлежавших заводовладельцу. Известно, однако, что большинство предметов хранилось в Сысерти, где Турчанинову принадлежало несколько домов [подробнее см. 4, с. 71]. Несколько драгоценных и полудрагоценных камней, а также образцов руд содержалось в Санкт-Петербурге [2, Т. 2, л. 36 об., 43, 52].

В описи упоминается 11 магнитов различных размеров, без оправы или оправленных золоченой или незолоченой медью или серебром, украшенных решетками, цветами и фигурками львов. Цена указана только в двух случаях (100 и 30 рублей) [2, Т. 2, л. 17 об. – 18].

В коллекции А. Ф. Турчанинова фигурирует внушительное количество ограненных и неограненных камней: яхонтов, хризолитов, аметистов, «перелифтов», агатов, сердоликов, малахитов, алмазов и аквамаринов [2, Т. 2, л. 34 об. – 36].

Обращает на себя внимание значительное количество образцов различных руд. Так, упоминаются «медные гумешевские руды» с вкраплениями малахита, иностранные «серебро держащие медные и свинцовые в разных породах штуфы», барнаульские, нерчинские, березовские, змеиногорские содержащие золото, серебро, свинец и медь, а также «покупные в Питербурге разные иностранные собранные из разных княжеств золотыя, серебряныя, оловянные, висмутныя, шпигалтурныя, ртутныя, антоминияльныя, кобольтовыя, свинцовыя и марказитныя морганцы ысе вес[ь]ма реткостны и приятной вид имеющие камни» общим количеством более 1000 экспонатов» [2, Т. 2, л. 42–52].

Отдельно необходимо отметить 11 «кабинетов», в которых были собраны, по-видимому, наиболее любопытные образцы руд. Под номерами 1–6 были собраны барнаульские золотые самородки, серебряные и медные и «с разным содержанием разных пород» руды (всего более 500 экземпляров). Кабинет из красного дерева № 7 содержал образцы с самородным золотом и серебром. Кабинет № 8 представлял собой «полное собрание Гумешевского рудника разных реткостных и куреозных штуфов» (253 экспоната), а кабинет № 9 – коллекцию гумешевских руд (146 штук). В описи упоминаются безномерные «пирамидальный бол[ь]шой кабинет красного дерева с медным украшением что со стеклами», в котором содержится «выбранных золотых, серебряных, медных, оловянных, свинцовых, железных, ртутных и протчих» 406 штуфов и «малый красного дерева с медным украшением рудный кабинет со стеклами, Гумешевского рудника меди содержащий разных пород штуфов березовских и нерчинских, серебра держащих» 219 штук [2, Т. 2, л. 49 об. – 52].

Собирание А. Ф. Турчаниновым минералогической коллекции, безусловно, было продиктовано образом его жизни. Действительно, владелец металлургических предприятий, живущий при заводах и вникающий во все тонкости производства, рано или поздно начинает обращать внимание на «куриозные» образцы. Но заводчик не просто собирал виды руд – он покупал образцы за рубежом, стремился систематизировать экспонаты по «кабинетам». Все это свидетельствует об осознанном коллекционировании.

Минералогическая коллекция А. Ф. Турчанинова является одним из свидетельств одворянивания заводовладельца, трансформации образа его жизни от облика мастера – организатора производства к идеалу, эталону дворянина второй половины XVIII в.

1. См.: *Любимцев С. В.* Типология частного коллекционирования в России XVIII века. Художественные коллекции : автореф. дис. ... к. искусств. СПб., 2006.

2. См.: *Пирогова Е. П.* Новый источник изучения имущественного положения уральского заводчика А. Ф. Турчанинова: аналитический обзор описи 1789 г. // Изв. Урал. фед. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2015. № 3 (142). С. 129–143.

3. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531.

4. См.: *Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б.* Род Турчаниновых: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2008.

Е. Д. Карманова

Уральский федеральный университет

Студенческая повседневность XIX в.: исторические источники

В наше время наблюдается увеличение интереса к изучению истории. Почему это происходит? Ответ на этот вопрос прост. Прошрое определяет будущее – будущее страны, нации. Как говорил Максим Горький: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» [1].

Изучая прошлое страны, можно понять, что произойдет в будущем, а так как будущее воплощается в молодежи, можно спрогнозировать, как будет развиваться данная социальная группа.

В настоящее время государство проводит целенаправленную политику в отношении формирования у молодежи нравственных ценностей. Ученые исследуют молодежь как социальную группу, отдельную

часть которой представляют студенты. Изучая студентов, их привычки, обряды, представления можно узнать, каким будет будущее. К тому же если понять желания, стремления молодежи, можно помогать им найти себя, свое дело.

Среди методологических проблем изучения истории студенчества особое место занимает формирование источниковой базы, выявление источников, которые позволяют изучить студенческую повседневность. К ним относятся, во-первых, источники личного происхождения, такие как дневники, мемуары. Так, например, о своем пребывании в стенах Санкт-Петербургского университета оставил воспоминания Н. В. Оже-де-Ранкур, студент юридического факультета Петербургского, а затем Харьковского университетов. Он вспоминает о строгой дисциплине и военной муштре, которые, впрочем, не мешали студентам веселиться и радоваться жизни. Мемуары Н. В. Оже-де-Ранкур «В двух университетах» являются неоценимым источником для изучения студенческой жизни [2, с. 571].

Во-вторых, интерес представляют уставы университетов, которые также содержат информацию об организации студенческого быта. Например, Университетский устав 1863 г. содержит сведения о жизни студентов в XIX в.: о регламенте поведения в учебных заведениях, статусе студентов.

Наиболее интересным источником для изучения студенческих будней является художественная литература XIX в. Известные писатели делали студентов героями своих произведений и описывали их быт, увлечения, страсти... В первой трети XIX в. в Российской империи встречается незнакомый ранее образ молодого человека – юноша, который окончил высшее учебное заведение в Европе. В «Евгении Онегине» это «поклонник Канта и поэт» Владимир Ленский [3, с. 205]; также молодой образованный либерал есть в произведении Грибоедова «Горе от ума» (Чацкий) [4, с. 100].

В литературе XIX столетия в прозе героями произведений становились чаще всего молодые люди, которые находились на перепутье и не могли решить, куда им двигаться дальше, чем заняться в жизни и зачем, собственно, жить – Базаров Евгений [5], Раскольников Родион [6], Трофимов Петр («вечный студент») [7], Евлампий Беневольский [8]. Студенческий статус в XIX в. был невысоким, несмотря на то, что именно из студентов впоследствии формировалась интеллигенция. Образ студента часто встречается в произведениях Л. Н. Толстого, который показывал их людьми ищущими, неоднозначными, но при этом порядочными и честными [9].

Таким образом, основными историческими источниками при изучении повседневности студентов XIX в. являются источники личного происхождения, уставы университетов и художественная литература XIX в. В мемуарах и дневниках XIX столетия жизнь студента представлена как время познания нового, процесс взросления. Уставы университетов показывают, какие

правила регламентировали жизнь студентов. Художественная литература XIX в. позволяет увидеть, как университетская жизнь определяла разные жизненные стратегии молодежи, воссоздать картину жизни студентов XIX в.

-
1. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М., 2009.
 2. См.: Оже-де-Ранкур Н. В двух университетах (Воспоминания 1837–1843 гг.) // Русская старина. 1896. Т. 86, № 6. С. 571–582.
 3. См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 2010. С. 109–210.
 4. См.: Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 2010. С. 81–350.
 5. См.: Тургенев И. С. Отцы и дети: роман, повести, рассказы, стихотворения в прозе. М., 2011. С. 60–80.
 6. См.: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 2010. С. 156–398.
 7. См.: Чехов А. П. Вишневый сад. М., 2013. С. 100–194.
 8. См.: Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1985. С. 150–260.
 9. См.: Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М., 2014. С. 68–290.

К. А. Тишкина

Алтайский государственный университет

Печатные органы благотворительных организаций Сибири в годы Первой мировой войны

Во время Первой мировой войны в Российской империи наблюдался рост числа благотворительных обществ. Каждая такая организация стремилась привлечь к своей деятельности наибольшее внимание со стороны граждан. Этому во многом способствовало создание своих печатных органов.

Все издания благотворительных организаций можно разделить на два типа – периодические и однодневные. Публикации осуществлялись только с разрешения органов губернской власти. Для продолжающихся изданий утверждалась программа с разделением на рубрики, у однодневных – рассматривалась содержательная часть, одобрялась тематика статей авторов [1, с. 9].

Периодические издания создавались при крупных благотворительных организациях. На территории Сибири широкую деятельность развернули сотрудники отделов Российского общества Красного Креста и Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В конце января 1915 г. в Омске вышел первый выпуск журнала «Вестник помощи призванным на войну». Данное издание являлось печатным органом местного отдела Российского общества Красного Креста. Редактором первых выпусков выступил общественный деятель, генерал-лейтенант Георгий Ефремович

Катанаев. Журнал выходил еженедельно, цена за номер составляла 10 коп. Большое внимание в издании уделялось публикациям отчетов о работе различных благотворительных организаций Степного края (Омского комитета Всероссийского союза городов, Атбасарского отдела повсеместной помощи пострадавшим от войны и т. д.). В выпусках журнала помещались благодарственные письма от фронтовиков за полученные посылки с необходимыми вещами; стихи от воинов [2, с. 4]. С пятого номера журнала от 18 февраля 1915 г. указывались сведения об убитых, взятых в плен или без вести пропавших нижних чинах, уроженцах региона.

Красноярский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам с ноября 1915 г. приступил к изданию журнала «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии». Бессменным редактором стал видный красноярский политический деятель Дмитрий Евдокимович Лаппо. Цена за номер составляла 5 коп. Вся информация в журнале была сгруппирована по следующим разделам: передовые статьи, обзор печати, деятельность благотворительных учреждений Приенисейского края, письма и ответы, отчеты и т. д.

Издание однодневных газет было приурочено к подготовке каких-либо благотворительных мероприятий. Так, 6 апреля 1915 г. в Томске по инициативе кружка студентов Томского университета по оказанию помощи семьям запасных и раненых для сбора средств на нужды жертв войны проводилась продажа газеты «Студенческий день». Ее редактором стал профессор Сергей Иванович Солнцев. В издании была помещена информация по истории создания организации, статьи студентов. Цена одного экземпляра составляла 7 коп. Газета разошлась тиражом в 13 000 экземпляров, также была осуществлена продажа телеграмм. Чистый сбор от данной благотворительной акции составил 1 900 руб. [3, с. 2].

Подобное мероприятие было проведено 27 апреля 1915 г. Томским отделом Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. В пользу пострадавших от войны осуществился кружечный сбор при продаже газеты «Отклики печати». Заранее членами организации был произведен для газеты прием объявлений от представителей торгово-промышленных предприятий Томска. В результате было получено 942 руб. Редактором издания выступил председатель Томского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам Николай Николаевич Топорков. В газете был опубликован рассказ писателя Г. Д. Гребенщикова «Один из них», очерк известного общественного деятеля Е. Л. Зубашева «Война и русское общество», информация о работе отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и т. д. Общий доход от акции составил 2 477 руб. 11 коп. [4, с. 6].

Печатные издания благотворительных организаций являются ценным историческим источником. Они позволяют существенно дополнить сведения из архивных материалов, составить более полную картину деятельности благотворительных обществ в годы Первой мировой войны на территории Сибири.

1. См.: *Жилякова Н. В.* Особенности первых студенческих изданий Сибири (на примере газетно-журнальных проектов Томска начала XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 6. С. 5–10.

2. См.: Благодарность // Вестник помощи призванным на войну. 1915. № 3–4. С. 4–5.

3. См.: К «студенческому дню» // Сибирская жизнь. 1915. 9 апреля.

4. См.: Отчет о деятельности Томского отдела Сибирского общества больным и раненым воинам пострадавшим от войны с 16-го ноября 1914 г. по 1-ое октября 1915 года. Томск, 1915.

И. А. Сосновский

Алтайский государственный университет

Постановления Бийских органов местного самоуправления как документальный источник по изучению вопросов благоустройства города во второй половине XIX – начале XX в.

Правительство России во второй половине XIX в. провело ряд реформ, направленных на развитие местного самоуправления [1, с. 225].

В 1870 г. вышло в свет городовое положение, на основе которого в Бийске были созданы городская Дума и городская управа, последняя находилась в прямом подчинении у Думы.

Согласно Городовому положению к ведению органов местного самоуправления относились дела по организации самих органов самоуправления и весь комплекс проблем, связанных ведением городского хозяйства и благоустройством города. Городское самоуправление среди прочего осуществляло контроль над соблюдением градостроительного плана, содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, га-тей и переправ, а также освещением города [2, с. 821].

Поскольку ведение городского хозяйства и благоустройство города являлись основными обязанностями Думы и именно она выделяла средства на решение этих вопросов, значительная часть ее документов (около трети) отра-

жает хозяйственное направление деятельности. Кроме того, в фондах ГААК также отложились письма и жалобы горожан, которые также содержат информацию по вышеперечисленным вопросам.

Городская Дума могла издавать постановления, направленные на решение одного конкретного вопроса (укрепление берега) или обязательные постановления, которые, как следует из названия, были обязательны к исполнению для всех жителей города («О мерах предосторожности от пожаров»).

Одной из проблем Бийска была заболоченность. Так, в обращении в Думу от одного из мещан от 29 июля 1878 г. содержится просьба осушить болото, находящееся в городской черте, между домами купцов Гилёва и Алипатова. Согласно обращению, «кроме безобразия для города сие болото производит через гниение очень сильное зловоние» [3, л. 15].

Городская Дума постоянно сталкивалась с необходимостью проведения канав, отсыпки щебня на улицы и укрепления берегов. Поскольку местные органы были существенно ограничены в средствах (на что ссылаются гласные практически во всех постановлениях, предполагающих расходы), основную часть работ Дума возлагала на самих жителей города. Так, отставному капитану Федорову вместе с приобретением усадьбы пришлось взять на себя обязательство укрепить прилегающий к нему участок берега [4, л. 7].

Подобные примеры встречаются в постановлениях повсеместно и иногда приобретают значительные масштабы. Так, например, когда губернатор поставил вопрос о строительстве в Бийске больницы на 23 койки, Дума, не найдя средств, обратилась к купцу А. В. Соколову. Соколов построил больницу на свои средства, но когда она была готова, город не смог принять ее в свое ведение ввиду нехватки средств. Гласные Думы обратились к Соколову с просьбой содержать больницу на его средства в течение четырех лет. Что характерно, по окончании этого периода Соколов подал прошение о принятии больницы на баланс города, но гласные, ссылаясь опять же на нехватку средств, в ответ попросили Соколова содержать больницу еще три года [5, л. 85].

Еще одной проблемой являлось общее состояние города. Постановление Думы от 15 октября 1897 г. начинается со слов: «Господин Бийский окружной исправник отношением от 30 сентября 1893 г. уведомляет, что наступившая осень и царящая темнота ночей дают постоянное напоминание, что проходящий и проезжающий по городу не застрахован от опасности и расхищения своего имущества. Проходящий и проезжающий в темноте не может видеть, куда идти или ехать, почему и рискует оступиться и сломать себя. Едущий кроме того может опрокинуться и находиться под своим экипажем» [6, л. 91]. Окружной исправник предложил поставить фонари хотя бы на главных улицах и нанять ночных сторожей. Кроме того, исправник указал, что для улучшения общего благосостояния города необходима посадка деревьев вдоль улиц.

Скопление нечистот на улицах создавало сложную эпидемиологическую обстановку. Часто встречаются санитарные постановления, направленные на содержание улиц в чистоте, вывоз павшего скота на специальные кладбища, отчистку помойных ям и т. д.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: изученные постановления Бийской городской Думы содержат значительное количество информации о хозяйственном направлении ее деятельности. В постановлениях отражены основные направления расходования средств. Также можно сделать выводы об эффективности их освоения.

1. См.: Великие реформы в России, 1856 – 1874. М., 1992. С. 216–234.

2. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1874. Т. 45. С. 798–846.

3. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3.

4. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1.

5. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5.

6. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 9.

Д. В. Катанцев

Курганский государственный университет

Повседневность города Кургана в ракурсе документов Чекатифа

15 августа 1919 г. Курган был взят 5-й армией под командованием Тухачевского [1, с. 137]. «Дел было очень много, так как хозяйство края в результате I мировой и гражданской войн было приведено в полный упадок» [2, с. 1]. Несмотря на занятость Ревкома другими важными проблемами, уже 22 сентября 1919 г. он созвал совещание по организации отдела здравоохранения [1, с. 138]. Из-за тяжелых условий жизни населения во время Гражданской войны в регионе буйствовали различные эпидемические заболевания: скарлатина, холера, тиф, чума, туберкулез [3, с. 140]. Особенно катастрофическое влияние оказала на Курган пандемия тифа. На это обращает внимание управляющий города в приказе по Революционному Комитету: там сказано, что главная задача текущего времени – борьба с эпидемией тифа [4, л. 3]. Для борьбы с ней был создан особый орган, хотя и тесно сотрудничающий со Здравоотделами, но существующий обособленно – Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом. Анализ документов этой комиссии – основной источник данной статьи.

В Кургане конца 1919 – начала 1920 г. катастрофически не хватало больничных помещений. В силу этого еще в конце 1919 г. Чекатиф организует комиссию по поиску новых помещений для расширения Курганского медицинского приемника на 500 койко-мест [4, л. 9]. Ввиду огромного количества больных не редки были случаи переоборудования помещений крупных предприятий под дополнительные больничные койки. Примером этого явления может служить бывший завод компании «Брюль и Тегерсен» – городская скотобойня, которую в силу разрастающейся эпидемии решили переоборудовать в больницу на 300 койко-мест. К концу января 1920 г. Чекатиф смог найти дополнительные помещения для изолирования больных, результатом этого стало образование 316 госпиталя на 250 койко-мест [4, л. 47]. В это же время в Курган прибывает передвижной госпиталь № 1010, который был рассчитан на 600 мест [3, с. 143].

В городе наблюдается плохая ситуация с уборкой нечистот. Часто население вовсе бездействовало и даже не заботилось о производстве возле своего дома необходимой выгребной ямы для слива нечистот, выливая их где попало, усугубляя таким способом и без того критическую санитарную обстановку города. Чекатиф в ответ на такое наплевательское отношение населения к чистоте постановил «привлекать к суду ревтрибунала лиц, уклонившихся от требования об очистке помещений отхожих мест, дворов от навоза и выгребных ям, какие бы посты эти люди не занимали» [4, л. 54].

Город был обьят антисанитарией, одной из ее причин являлось неправильное захоронение умерших. Похоронным делом занимались неважно: обследованные братские и частные могилы часто были неглубоки и расширены, трупы были плохо закрыты землей. Для урегулирования этой проблемы еще в самом начале 1920 г. Чекатифом была создана похоронная комиссия. На нее также возлагались обязанности по открытию нового кладбища [4, л. 10]. До распутицы надо было срочно исправить такое положение, т. к. весной могилы могло и вовсе размыть, обнуляя результаты деятельности похоронной комиссии; эпидемия тифа могла вновь начать распространяться по грязному городу [4, л. 107] .

К весне 1920 г. эпидемия пошла на спад, в том числе и из-за создания похоронной комиссии, которая теперь тщательно следила за захоронением умерших, компетентно выполняя свою работу. Ликвидация нечистот также помогла снизить уровень распространения заболеваний и в целом улучшить санитарную обстановку в городе.

Однако город стал ненамного чище, что видно из отчета марта 1922 г. проверяющего от Здравоотдела Соплигина. Согласно его докладу на улицах города беспорядочно свален навоз, хотя население и было извещено посредством расклеивания листовок о месте городской свалки – она находилась за скотобойнями. Более того, навоз находился даже на льду реки Тобол. Нечи-

стотами завалены целые городские площади. Жители загрязняют территорию даже напротив собственных домов. На городском базаре отсутствуют уборные, отчего загрязнению подвергались торговые площади. Всюду стоит зловоние. Посетители рынка ввиду отсутствия отхожих помещений приспособили под свои нужды рядом стоящий заброшенный детский сад. Стоит упомянуть, что речь идет о самом центре города. Отдаленные же районы города, по словам проверяющего, и вовсе «представляют собой сплошную навозную массу» [4, л. 55 – 55 об.].

1. См.: *Видута В. К.* Первые шаги строительства советского здравоохранения в Курганском уезде (1918 – 1923) // Сов. медицина. 1967. № 4. С. 137–138.

2. *Видута В. К.* Основные пути развития Здравоохранения в Зауралье : автореф. ... дис. канд. мед. наук. Курган, 1968.

3. См.: *Савицкая Л. А.* Здравоохранение Зауралья в 20-е годы // Курганскому областному краеведческому музею – 40 лет : юбилейный сб. Курган. 1991. С. 140–143.

4. ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1 Д. 1.

А. В. Бобицкий

Уральский федеральный университет

Исследование проблемы «советского человека» в рамках современной отечественной истории повседневности

Уже в самое первое постсоветское десятилетие тема «советского человека» вызывала большой интерес со стороны антропологов, историков, социологов и философов.

Однако многие отечественные историки активнее всего использовали тоталитарную теорию для изучения данного феномена. Но эта концепция со временем стала казаться исследователям слишком абстрактной для объяснения динамики развития советского общества.

В последнее десятилетие XX в. происходит активное внедрение новых подходов к исследованиям, и направленность исследований смещается от изучения механизмов влияния государства на общество к выявлению, описанию и объяснению стратегий поведения, норм и ценностей советского человека.

Анализ повседневности позволил отказаться от концепции *homo soveticus* как идеологического проекта, который полностью сконструирован советской властью. Советский человек в разрезе повседневности демонстрирует уклонение и сопротивление нормам, которые задаются государством.

В рамках данного направления исследуется широкий круг проблем.

Жилье как социокультурный феномен советской повседневности исследовали Е. Ю. Герасимова, Н. Б. Лебина, И. В. Утехин.

Тему семьи и семейных отношений охватывает исследование Г. Г. Корноуховой; особое внимание гендерной проблематике уделено в работах Н. Н. Козловой, Г. П. Сидоровой, В. А. Суковатой. Тема советского детства исследуется М. В. Ромашовой, Т. М. Смирновой, Е. Б. Волосовой.

Стратегии потребления и специфику практик потребления в советском городе исследовали Е. А. Осокина, М. Ю. Гудова, П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова, А. С. Иванова, Е. В. Казурова, В. Г. Николаев.

Проблему «бывших», их «работу» с собственным прошлым исследовала С. А. Чуйкина и Т. М. Смирнова.

Тема выхода из-под контроля властных предписаний через создание индивидуальных вещей собственноручно проанализировала О. Ю. Гурова.

Можно отметить ряд положений, которые разделяют сторонники данного направления: взаимодействие советского человека и государства носило сложный характер; поведенческие стереотипы личности в значительной мере формируются под влиянием быта, но в то же время особенности и формы обыденной жизни человека являются выражением присущих ему социально-культурных ориентиров, восходящих к историческим устоям общества; нормативные и нормализующие суждения власти могли лишь способствовать трансформации и появлению новой ментальной нормы; представления советского человека о норме и отклонении в повседневной жизни – это подвижные исторические категории, а глубокие перемены в ментальности связаны с общими социально-экономическими процессами; усвоение языка власти было связано с тем, что он воспринимался как социальный ресурс, способствующий социальной мобильности и улучшению условий жизни; советский человек демонстрирует широкий спектр форм уклонения от норм, которые задаются властью.

Перспективы развития исследований по истории советской повседневности связаны с теми процессами, которые происходят в рамках этого направления в настоящее время. Их описал в своей работе И. Б. Орлов; это существенное расширение источниковой базы исследований; более активное использование методологического аппарата социальной психологии; попытки на региональном материале построить типичные картины, характеризующие «повседневность и уровень жизни населения всей страны»; стремление выработать или уточнить понятийный аппарат истории повседневности; показ того, как в повседневной жизни советских людей происходило замещение поведенческих норм аномалиями, а также шло вмешательство государства в быт граждан; попытки вычленить и раскрыть новые, «советские» формы повседневности; расширение хронологических рамок исследования советской повседневности [1, с. 285–287].

Все эти процессы позволяет говорить о том, что данное направление исследований не только способно к саморазвитию, но и активно ищет новые пути интерпретации, привлекая методологию других гуманитарных дисциплин.

1. См.: Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 285–287.

Н. А. Павлова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Воспоминания рабочих как источник по изучению повседневного дискурса

В истории повседневности «историческое полотно» выступает главным образом в дискурсе. Ю. Хабермас представляет дискурс как рациональный диалог, свободный от власти, понуждения и идеологии [1, с. 329–330].

Обращение к дискурсивным основам повседневности активно проявилось в гуманитарном знании 1970-х гг. в связи с анализом структуры различных форм повседневного общения. Дискурс – определенные комбинации, с помощью которых говорящий использует язык. Это речь, наделенная социокультурным измерением [2].

Повседневность характеризуется принципиальной открытостью границ, и объединяющим свойством данной сферы общения выступает установка его участников на возможность не следовать никаким институциональным правилам и нормам. Специфика дискурса проявляется в его характеристике как «наименее структурированного из всех типов дискурсов» [3, с. 175]. Использование термина «повседневный дискурс» связано с обращением к конкретному дискурсу повседневности, который формируется вокруг отдельной коммуникативной ситуации [4, с. 42].

Материал для реконструкции повседневной практики содержат воспоминания участников событий [5]. В данной статье источники фиксируют отличие повседневности конкретной социальной группы – рабочих – от жизни других, находящихся в тех же обстоятельствах. Они помогают понять настроения в обществе в переломный период 1905–1917 гг., описать «жизненные миры» [6].

Одной из групп воспоминаний рабочих Пермской губернии о событиях начала XX в. являются источники межличностной коммуникации. Это

источники с фиксированным адресатом – отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собственным потомкам мемуариста. Они служат для установления вторичных социальных связей участника событий. Для них характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями автора. Также с неопределенным адресатом – мемуары – «современные истории», предназначенные для индивидуальной фиксации общественно значимых событий с целью передать потомкам.

В воспоминаниях рабочих можно выделить следующие повседневные дискурсы. Во-первых, повествование о продолжительности рабочего дня, которая составляла 10–12 часов [7, л. 3; 8, л. 125].

Во-вторых, условия труда и жизни рабочих [9, л. 2 – 6 об., 14, 21, 39], которые были удручающими. Совершенно закономерно, что плохие санитарно-гигиенические условия влекли высокий уровень заболеваний рабочих [10].

В-третьих, источники фиксируют стремление рабочих к улучшению условий труда, например, требования выдачи «суконных фартуков каждый месяц и две пары вачег для защиты рук», «очков для работ один раз в год» при работе «с кислотой и около горшков» [11, л. 162 об.].

Повседневные истории рабочих рассказывают об оскорбительном, грубом обращении администрации, мастеровых, «цехового начальства» с рабочими [12], о недовольстве штрафами [13, л. 8].

Не менее интересными являются свидетельства о выборах в Государственную думу 20 февраля 1906 г. В частности, факты о ходе голосования за претендентов в депутаты, которому обычно предшествовал молебен в церкви [9].

Конечно, множество воспоминаний посвящено организации и участию рабочих в митингах, демонстрациях [14, л. 20–26; 15, л. 13–14; 9, л. 6 – 6 об.]. Отдельного внимания заслуживают сюжеты о забастовках как форме социального выступления рабочих с экономическими требованиями без участия политических организаций [16, л. 4].

Особо выделим дискурс о взаимоотношениях рабочих и революционеров, их влиянии на рабочих [17, л. 1–17; 18, л. 25, 100, 125, 133, 139], о событиях весны 1917 г. на заводах Пермской губернии [19, л. 8, 85; 20, л. 40–43; 21, л. 36 об.], октября 1917 г. [18, л. 319; 22, л. 4–13].

Способность мемуаров отражать «сферы человеческой обыденности», «жизненные миры» рабочих позволяет их рассматривать как источник по изучению повседневного дискурса. По допустимой достоверности их повествования связаны с типами коммуникативного взаимодействия, присутствующего в культуре рабочего социума губернии.

-
1. См.: Соколов А. К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век : монография. М., 2002.
 2. См.: Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
 3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

4. См.: Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вест. Томск. гос. ун-та. Филология. № 4 (16). Томск, 2011. С. 41–52.

5. См.: Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

6. См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

7. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 458.

8. ПГАНИ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 9.

9. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 493.

10. ПГАНИ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 791

11. ПГАНИ. Ф. 9. Оп. 1.

12. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1.

13. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 446.

14. РГАСПИ. Д. 124. Оп. 1. Д. 1158.

15. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 460.

16. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 376.

17. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 95.

18. ПГАНИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39.

19. ПГАНИ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1.

20. ПГАНИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 54.

21. ГАПК. Ф. 276. Оп. 2. Д. 65.

22. ГАПК. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 81.

Т. С. Семёнова

Уральский федеральный университет

Журнал «Студент-рабочий» Уральского политехнического института как источник по истории советского студенчества

РКП (б) уделяла огромное внимание развитию периодической печати, поскольку считала средства массовой информации важным каналом пропаганды. В. И. Ленин отмечал, что пресса должна превратиться из органа сообщения политических и иных новостей в средство воспитания масс. Поэтому периодические издания должны были сплотить трудящееся население и вдохновить его на участие в строительстве коммунистического общества. Была создана сеть центральных и местных газет и журналов партии и органов власти, а также органы печати на заводах, в колхозах, в вузах.

В 1920-х гг. в Уральском политехническом институте издавались газеты «За научные кадры», «Сталинец», учебная газета «Советский журналист», журнал «Факс» [1, с. 75]. Также обком комсомола вместе с Уральским об-

ластным бюро пролетарского студенчества в 1921–1926 гг. выпускал журнал «Студент-рабочий». Целевой аудиторией журнала были студенты рабфака. В № 3 от 1921 г., посвященном годовщине учреждения рабочего факультета, неоднократно подчеркивается необходимость просвещения народных масс, изменения социального состава студенчества путем привлечения представителей пролетариата. Говорится о необходимости сплочения трудящихся перед лицом внешней угрозы, и, поскольку рабочие были гораздо более дисциплинированы, чем интеллигенция, приоритет отдавался именно занятым производительным трудом [2, с. 6–9].

«Студент-рабочий» содержит немало сведений об организационной структуре как Уральского государственного университета (а затем – Уральского политехнического института), так и его рабочего факультета. Это касается администрации вуза, учебного плана, преподавательского состава и методов его работы, контроля знаний, студенческого самоуправления, партийной организации, внеучебной деятельности студентов-рабфаковцев. Периодически в издании публиковались итоги конференций, съездов, совещаний ячеек, итоги учебного года. Также журнал содержал важные документы, регулирующие положение студенчества, например Постановление Совнаркома «О возмещении личным трудом государственных стипендиатов, студентов высших учебных заведений расходов, понесенных государством на их содержание» от 4 июля 1923 г. [3, с. 30], которое обязывало выпускников вуза отрабатывать средства, вложенные государством в их образование, на производстве. Из материалов можно также сделать вывод о социальном составе студентов рабфака Уральского государственного университета. Известно, что в 1922 г. на рабфак поступило 218 рабочих, 106 крестьян, 102 служащих [4, с. 6].

На состоянии как высшей школы, так и быта студенчества сказались разрушительные последствия Гражданской войны. Материально-техническая база университета, жилищные условия студентов и преподавателей находились в плачевном состоянии, что отражалось как на качестве обучения, так и на академической успеваемости. Об этом свидетельствуют воспоминания учащихся и различные литературно-художественные произведения, посвященные быту студентов, которые публиковались в каждом номере издания. Но в журнале были стихотворения и проза не только об учащихся, но и о пролетариате и крестьянской бедноте. Журнал активно призывал студентов к участию в литературной деятельности, был даже объявлен конкурс на лучшее беллетристическое произведение [5, с. 118]. «Студент-рабочий» не ограничивался литературными произведениями. С 1923 г. в нем печатались материалы научно-популярного характера о развитии науки, техники, образования не только в СССР, но и во всем мире.

Подводя итог, стоит отметить, что журнал «Студент-рабочий», изначально рупор коммунистической партии, со временем стал нести и просветительскую функцию. Издание стало более разносторонним, увеличился его объем, что было направлено на привлечение новых читателей.

-
1. См.: Овчинникова М. М. Связь развития учебных заведений и журналистики // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 28 (243). С. 74–77.
 2. Студент-рабочий. 1921. № 03.
 3. Студент-рабочий. 1923. № 01 (09).
 4. Студент-рабочий. 1922. № 07.
 5. Студент-рабочий. 1924. № 04–05 (12–13).

М. Ю. Сурков

Уральский федеральный университет

Журнал «Современная архитектура» (1926–1930): история и структура

Резкие, смелые, новаторские формы зданий вихрем пронесли по стране Советов во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., перекроив старые виды улиц, планы городов. Архитекторы-революционеры дерзко заявляли стране и миру: «Долой эклектику! Да здравствует функциональный метод мышления! Да здравствует конструктивизм!» [1, с. 17]. Конечно, самым явным результатом их труда являлись сотни построенных зданий. Однако деятельность архитекторов отнюдь не ограничивалась проектированием зданий: они активно выступали пропагандистами своего метода на страницах печатного органа Объединения современных архитекторов (ОСА) – журнала «Современная архитектура». Из всех творческих группировок архитекторов (Московское архитектурное общество, Ассоциация новых архитекторов, Ленинградское общество архитекторов и т. д.) только ОСА смогло регулярно выпускать периодический орган – журнал «Современная архитектура». Более того, издатели журнала старались неуклонно повышать его тираж (1926 г. – 1500 экз., 1930 г. – 4000 экз.). Стоимость журнала «Современная архитектура» была высокой – 2 руб. 50 коп.

Журнал «Современная архитектура» выходил в период с мая 1926 по 1930 г. Начиная с № 2 за 1926 г., название журнала на русском языке дублировалось на немецком и французском языках. В год выходило по шесть номеров: всего вышло 27 выпусков, из них три сдвоенных. Оформление журнала было

схоже с оформлением агитационных брошюр: использовались различные шрифты, подчеркивания, нестандартная компоновка текста на страницах для лучшего усвоения прочитанного читателем журнала, что в совокупности с большим количеством иллюстраций (фотографий, планов, чертежей) оказывало мощное воздействие на читателя. Поэтому журнал можно рассматривать не только как информационный носитель конструктивистских идей в архитектуре, но и в качестве прекрасного примера конструктивизма в полиграфии. Несмотря на идейное родство с коммунистической идеологией, журнал не избегал контроля со стороны властей: сотрудники Главного управления по делам литературы и издательств просматривали каждый номер журнала и ставили свою отметку (Главлит № А–20211 и т. п.). Иногда к ним подключались работники Политотдела Государственного издательства РСФСР (Гиз № 33595), так что можно говорить о двойной цензуре, которой подвергалось это издание.

На протяжении всех лет издания журнала ответственными редакторами были архитекторы-конструктивисты, учредители ОСА А. А. Веснин и М. Я. Гинзбург. Лишь в 1929 г. «Вследствие постановления Главнауки и Госиздата об обязательности выделения во всех научных периодических изданиях только одного ответственного редактора, редакция “Современной архитектуры” постановила: выделить по журналу СА ответственным редактором М. Я. Гинзбурга и по библиотеке “Современной архитектуры” – А. А. Веснина» [2, с. 40]. Также необходимо отметить, что с № 4 за 1930 г. в журнале появились две новых должности: заместитель ответственного редактора (Р. Я. Хигер) и секретарь редакции (Н. Б. Соколов). Редколлегия насчитывала от 10 до 20 членов; в «Современной архитектуре» 1928 г. № 6 и 1929 г. № 1 среди членов редколлегии упоминается французский архитектор ле Корбюзье. Списки редколлегии помещались в каждом номере «Современной архитектуры». Количество сотрудников варьировалось от 35 до 64, при этом количество иностранных сотрудников – от 1 до 11. Также оформителем журнала до 1928 г. был А. Ган, в 1929–1930 гг. – В. Степанова, Е. Некрасов, С. Телингатер [3, с. 411].

В журнале можно выделить два отдела: статьи и проекты. Эти материалы помещались в различных рубриках, которые, правда, появлялись и исчезали нерегулярно, т. е. четкой внутренней структуры журнала выявить не удастся. Например, рубрика «Библиография», содержащая обзор книг или журналов по архитектуре и строительству, появлялась довольно-таки нерегулярно: в 1926 г. он была помещена только в № 1, в 1927 г. ее не было вовсе, в 1928 г. рубрика присутствует только в № 4–5, и большая часть материалов посвящена иностранным журналам по строительству. В 1929 г. рубрика помещалась в № 1, 2, и 4. В 1930 г. библиографический обзор присутствует в № 3. Существовали такие рубрики, как «Хроника», «Иностранная хроника», «Жизнь

вузов», «Жизнь ОСА», «Дискуссионный отдел». Также журнал наполнялся рекламой (в 1926–1928 гг.). Редакция журнала активно взаимодействовала со своими читателями в таких рубриках, как «Анкета “Современной архитектуры”», «Письмо в редакцию», «Ответ редакции». В 1929 г. выходили тематические номера журналов, посвященные проблемам цвета и света в архитектуре, новому жилью, сооружениям культуры и отдыха.

Журнал «Современная архитектура» прекратил свое существование в конце 1930 г., на его базе предполагалось издавать журнал Московского отделения Всесоюзного архитектурно-научного общества «Революционная архитектура», но этот проект не был осуществлен.

-
1. См.: Современная архитектура. 1926. № 1.
 2. От редакции // Современная архитектура. 1929. № 1.
 3. См.: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996.

К. А. Беспалова

Уральский федеральный университет

«Гостеприимство» Советской России

Новое, возникшее на развалинах Российской империи советское государство со столь громкими заявлениями привлекало внимание западных интеллектуалов как страна «великого социального эксперимента», поэтому в 20–30-е гг. XX в. начинаются иностранные «паломничества» в страну Советов. Среди визитеров были представители рабочего класса, лидеры политических партий, общественные деятели и представители интеллектуальной сферы: писатели, поэты, художники – все те, к чьему мнению прислушивались и с кем считались на родине. Политбюро решало, какого уровня прием необходимо оказать приезжающим (пышный или надлежащий, но не пышный) [1, с. 5].

Пребывание зарубежных гостей в Советском Союзе курировали Наркомат иностранных дел, «Интурист» и Всесоюзное общество культурной связи (ВОКС). Также их работа была направлена на организацию визитов, контроль и манипуляции гостями СССР. Это была налаженная система, которая практически никогда не давала сбоев.

Советская власть делала все, чтобы создать о себе хорошее впечатление и привлечь гостя на свою сторону. Для этого была составлена четкая программа мест, которые предполагались для показа гостям: антирелигиозный музей в Ленинграде, Музей революции, парк культуры и отдыха в Москве,

пионерский лагерь «Артек», консервный и тракторный заводы в Сталинграде и многое другое. На праздничных вечерах между поездками гостям показывали выступления танцевальных ансамблей, фольклорных коллективов и стилизованные революционные оперы [1, с. 492]. Заранее планировались и встречи с известными писателями, учеными, молодежью, артистами, политическими деятелями, представителями прессы [2, с. 47]. Таким образом, дни иностранца расписаны поминутно, впечатлений крайне много – на это и был расчет: при таком плотном графике у гостей не должно оставаться желания и сил интересоваться еще чем-либо.

Время пребывания западных гостей в нашей стране тоже было четко урегулировано: от двух недель до двух с половиной месяцев [1, с. 10], что сравнительно немного, но если представить, что каждый день был насыщенным, то даже две недели оставят неизгладимые впечатления о СССР.

Специально отбирались и обучались гиды, чтобы они могли не просто переводить, но и уметь пропагандировать советскую модель общества. Переводчики, чаще всего прикомандированные из «Интуриста» и ВОКСа, получали специальные рекомендации и требования для создания у интуристов впечатления «процветающего государства» [1, с. 5]. Критерии подбора переводчиков тоже были: 1) членство в Коммунистической партии или в Союзе молодежи, искренняя верность социализму и политическая бдительность; 2) хорошие наружность и манеры; 3) знание по крайней мере одного иностранного языка [3, с. 221]. При этом они должны уметь контролировать и направлять посетителей, не допуская, чтобы последние увидели незапланированное и часто приукрашивали действительность: например, Э. Смит, член американской партии рабочих, зная русский язык, отметил, как ответ рабочего на вопрос делегата о зарплате – 75 рублей – переводчик, ни чуть не задумавшись, перевел – 275 рублей [4, с. 551].

Скрывая бедность страны, для иностранцев устраивали прекрасные пиры с огромным количеством разнообразных блюд. А. Жид в своем «Возвращении из СССР» описывал, что «одних закусок было столько, что можно было трижды насытить себя еще до начала основной части обеда» [5, с. 424]. Меню гостей также было строго регламентировано. Все приезжие делились на три класса, и в соответствии с каждым классом они получали определенный набор продуктов: гость первого класса, например, получал больше хлеба, мяса или рыбы за один прием пищи [6, р. 192].

Принимающая сторона использовала такие приемы, как лесть, похвалу, предугадывание и исполнение всех желаний делегата. Приезжавшие отмечали в своих путевых записках, рассказах и мемуарах, что всегда и везде их встречали толпы восторженных людей, с плакатами, цветами. А. Жид вспоминал: «Повсюду встречают, обхаживают, кормят-поят, удовлетворяют любые желания и сожалеют, что не в силах сделать это еще лучше» [5, с. 456].

Таким образом, благодаря совокупности действий ответственных лиц за встречу и пребывание гостя в СССР, он (гость) чувствовал себя желаемым, долгожданным, дорогим и у него складывалось общее благоприятное впечатление о Советском Союзе.

-
1. См.: Куликова Г. Б. СССР 1920–1930-х гг. глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 3–24.
 2. См.: Куликова Г. Б. Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х гг. // Отечественная история. 2004. № 4. С. 43–59.
 3. См.: Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. М., 1937.
 4. См.: Холландер П. Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978. СПб., 2001.
 5. Жид А. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7: Возвращение из СССР. М., 2002.
 6. См.: Coeure S., Mazuy R. Cousu de fil rouge. Paris, 2012.

Г. А. Гряникова

Алтайский государственный университет

Труд в повседневной жизни советских граждан 1960–1970-х гг.

В повседневной жизни советских граждан трудовая деятельность занимала ключевое место. Согласно 14 статье Конституции 1977 г., свободный от эксплуатации труд являлся источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека [1, с. 6].

История повседневности в отечественной историографии представляет собой молодое направление. В работах 1960–1980-х гг. термин «повседневность» не использовался, но в них освещались отдельные характеристики повседневной жизни советских граждан через описание досуга, быта, вопросов питания, трудовой деятельности, квалификации работников. Так, к данной теме обращались П. Вайль, А. Генис, говоря о жизни советского человека в 1960-е гг. [2]. Также большинство вопросов нашли отражение в многотомной истории советского рабочего класса [3].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. западные ученые сделали вывод, что в СССР существовала стабильная динамика производительности труда и значительный рост благосостояния граждан. По данным опросов общественного мнения, 1970-е гг. стали самым благополучным периодом развития страны [4, с. 263]. Только в конце 1970-х гг. началось замедление роста производительности труда по причине неэффективной системы мотивации работников. Существовало недостаточное поощрение за более квалифицированный и качественный труд.

Воздействие на трудовую активность через характер организации труда и производства, формирование у работника ценностных ориентации, системы потребностей и интересов оказывает мотивация. В СССР при командно-административном управлении экономикой, система мотиваций складывалась из идейных, материальных и моральных стимулов.

Партийное руководство сформировало идею о построении в кратчайшие сроки социалистического общества, с целью всеобщего равенства и улучшения условий жизни всех его членов. Практическая реализация этой идеи привела к повышению энтузиазма у рабочих.

Материальная заинтересованность работников основывалась на общественном присвоении средств и продуктов производства, коллективной работе всех трудоспособных членов общества в целях роста всеобщего благосостояния. Основной формой материального стимулирования на государственных предприятиях являлась заработная плата. Материальные стимулы реализовывались и через общественные фонды потребления – бесплатные социальные услуги, ряд выплат и льгот. Несмотря на это, советская система в большей мере ориентировалась на ограничение уровня экономического неравенства [4, с. 191–205].

В основе моральных стимулов лежало использование общественной значимости труда, что выражалось в социалистических соревнованиях, новых патриотических начинаниях, широком участии трудящихся в управлении государственными и общественными делами, а также награждении орденами и медалями за успехи в труде [5, с. 86].

Таким образом, труд советских граждан представлял собой основу их материального благосостояния. Мотивы труда включали не только личную заинтересованность, но и общественные стимулы. В труде формировались способности человека, его характер, личность в целом. Советская модель организации труда обеспечивала социальную защищенность работников, но материальные потребности людей были принижены. В то же время труд играл ведущую роль в повседневной жизни советского гражданина, определяя его положение в обществе.

1. См.: Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1977.

2. См.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998.

3. См.: История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 5: Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества, 1961–1970 гг. М., 1988.

4. См.: Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945–2006 гг. М., 2007.

5. См.: Ахиезер А. Клямкин И. Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

Отражение студенческих ценностей в фольклоре

Студенчество составляет особую уникальную субкультуру, т. е. «суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [1, с. 236].

Студенческая социальная группа является неотъемлемой частью нашего общества, которая вовлечена в многочисленные процессы модернизации социума, а также сама по себе является не только своеобразным показателем происходящих перемен, но и формирует потенциал будущего передового общества. Студенчество является чуть ли не самой широкой социальной группой, составляющие основу будущего. От их системы мышления зависит дальнейшее развитие общества в его культурном и материальном плане. Поэтому вопрос о ценностях и идеологиях современных студентов приобретает значительный характер.

Изучение системы ценностей студентов заставляет особым образом относиться к произведениям фольклора. Обращение к фольклору – это обращение к сознанию, что позволяет выделить различные аспекты ценностной ориентации, поскольку фольклорные произведения являются ярким отражением системы ценностей.

Однако в настоящее время со студенческим фольклором и его жанрами произошли существенные изменения, вызванные появлением новых средств коммуникации, из-за чего в моду вошло общение в социальных сетях в Интернете. Как результат – исчезает «живое» взаимодействие между людьми, составлять и придумывать что-либо новое стало уже не актуально. Кроме того, в социальных сетях объединяется определенный круг лиц, образуя некую группу, которая занимается перефразированием и составлением шуток, «приколов», выкладывая результат своей деятельности на определенные тематические сайты на общее обозрение. Как следствие этого – у студентов пропала необходимость в самостоятельном творчестве. Поэтому в настоящее время можно говорить о таком явлении, как трансформации в фольклоре [2, с. 151].

Подобно фольклору переживают трансформации и студенческие ценности. Например, ценности студентов 1990-х гг. существенно отличаются от ценностей студентов нынешнего времени. Среди ценностных ориентаций студентов того времени можно выделить такую тенденцию, как стремление к самореализации в творчестве. Отражение этого можно найти в многочисленных фольклорных произведениях, таких как песни, байки, пословицы и т. д. На основании фольклорных источников можно сделать вывод, что для

студентов того времени было характерно прославление пьянства и свободного образа жизни, что не находит своего обоснования в настоящем времени.

В нынешнее время ценностные ориентации переживают изменения, вследствие чего и преобразовывается студенческий фольклор. Творческий потенциал не только студентов, но и молодежи в целом переживает эпоху кризиса. Под воздействием научно-технического прогресса возник ряд проблем во взаимодействии человека и машинных систем на уровне мировоззренческих представлений. Одной из них является снижение творческого потенциала у людей, что заметно при сравнении способности человека создавать новое с совершенством новейших научно-технических и технологических открытий. В связи с этим среди студентов обрели популярность такие сферы деятельности, как наука и спорт, что отразилось на ценностных ориентациях, теперь студенты нового поколения стремятся к самореализации в данных сферах деятельности, что, несомненно, находит свое подтверждение в современном фольклоре.

Таким образом, можно сказать, что в век информационных технологий студенты утратили свое творческое мышление. Ценностные ориентации, направленные на самореализацию в творчестве, потеряли свою актуальность. На смену им пришли другие виды деятельности, которые пользуются успехом среди современных студентов, они стали началом формирования новых ценностей, что послужило активному отражению в современных фольклорных произведениях.

1. Гуревич П. С. Субкультура // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 236–237.

2. См.: Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. материалов. М., 2010. С. 151–166.

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ: ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

А. О. Понамарёва

Уральский федеральный университет

**Внешняя торговля средневекового Новгорода:
проблема соотношения письменных
и археологических источников**

Тема торгово-экономических связей средневекового Новгорода не является новой для исторической науки. Введенные в научный оборот письменные и археологические источники позволяют говорить об обширных внешнеторговых контактах города. Однако можно отметить наблюдаемую неравномерность в изучении различных направлений внешней торговли средневекового Новгорода. Наиболее изученными являются проблемы торговых отношений Новгорода с Западной Европой и в последнее время с Византией [1, с. 62–83], в то время как торговые связи со странами Востока являются малоизученными. Неравномерное раскрытие различных аспектов торговых отношений Новгорода вызвано уровнем состояния разработки источниковой базы.

Письменные источники. В зависимости от характера содержащихся в них данных их можно разделить на две группы. К первой относятся нарративные источники, позволяющие говорить о наличии ранних торговых связей новгородцев: русские летописи [2; 3], скандинавские саги [4, с. 22]. Вторая группа представлена документальными материалами, непосредственно подтверждающими наличие у Новгорода обширных торгово-экономических контактов в более позднее время (конец XIII–XV в.). В источниках русского происхождения встречается описание Готского и Немецкого дворов, расположенных в Новгороде, содержатся запреты новгородскому князю распоряжаться делами Немецкого двора, перечисляются положения, регулирующие торг [1, с. 7]. Документы иноземного происхождения позволяют восстановить конкретные статьи западноевропейского импорта. Что же касается других направлений, в частности южного и восточного, то торговые сношения Новгорода в подобных источниках практически не зафиксированы. Отметим

и то, что существующие письменные источники по западным контактам освещают лишь аспекты позднего периода (XIV–XV вв.) [1, с. 21], тогда как основные события X–XIII вв. отмечены в них эпизодически.

В этом случае для освещения раннего периода новгородской торговли большое значение приобретают *археологические источники*. Существенная доля артефактов представлена различными категориями предметов импорта, что позволяет обращаться к различным вопросам внешнеторговой деятельности города [1, с. 3]. Основательно изученное западное направление представлено предметами западного импорта в слоях Новгорода X–XV вв. Изделия, относящиеся к восточному импорту, различаются разными периодами бытования: домонгольский (IX – первая треть XIII в.) и монгольский (середина XIII – XV в.). Для домонгольского периода характерна географическая протяженность контактов Новгорода, широта ассортимента товаров. Монгольский период характеризуется наличием торговых связей только с Улусом Джучи и Китаем, а импорт не отличается разнообразием. Таким образом, уже при предварительном изучении развития внешней торговли Новгорода, можно отметить, что в период X – первой четверти XIII в. преобладало восточное направление, ослабевающее в результате монгольского нашествия. А археологические материалы помогают существенно дополнить сведения о торговле Новгорода, содержащиеся в письменных источниках.

Берестяные грамоты. С точки зрения источниковедения, их невозможно причислить к исключительно письменным или археологическим источникам, так как особую значимость им придает не только содержание процарапанного текста, но и стратиграфическое положение [1, с. 6]. Примечательными в рамках нашей темы являются грамоты, отражающие вопросы внешней торговли, с широкой сетью западных и восточных государств [5, № 125, 138, 282, 288, 500, 675].

Таким образом, проблема источниковедческого характера в рамках изучения предложенной темы заключается в том, что письменные памятники освещают торговые связи нерегулярно, в основном контакты со странами Запада в XIV–XV вв. Для раннего периода развития сотрудничества (X–XIII вв.) как в западном, так и в восточном направлениях основополагающим становится археологический материал, накопление которого началось только со второй половины XX в. На наш взгляд, задачей современных исследований является рассмотрение письменных и археологических источников, а также берестяных грамот в совокупности. Представленный подход позволит учесть многообразие имеющихся сведений и реконструировать различные аспекты торгово-экономических связей Великого Новгорода в X–XV вв.

1. См.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

2. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
3. См.: Повесть временных лет. СПб., 1996.
4. См.: *Джаксон Т. Н.* Исландские саги о роли Ладоги и Ладужской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Ранне-средневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
5. См.: Древнерусские берестяные грамоты. Рукописные памятники Древней Руси. URL: <http://gramoty.ru>

М. Т. Накишова

Уральский федеральный университет

**Формы социальной самоидентификации российских
подданных во второй половине XVII в.
(по материалам челобитных служилых людей)**

Долгое время в исторической науке русское общество второй половины XVII в. понималось исключительно как структура, состоящая из крупных социальных групп, практически не связанных между собой. По мере развития интереса к социальной истории, учеными в центр исследования начинает помещаться не абстрактная группа людей, а конкретный человек с его мыслями, чувствами, особенностями поведения. Действительно, как метко отмечает П. Ю. Уваров, средневековый человек являлся «общественным животным»: он также «жил среди других людей, испытывал многочисленные принуждения разного рода и давление тех или иных стереотипов, его поведение было включено в те или иные рамки» [1, с. 6]. Обладая известной свободой выбора и постоянно вступая в сложные взаимоотношения с другими, человек вынужден был себя как-то идентифицировать, определять свое место в обществе, свою принадлежность к той или иной группе, свою социальную роль. Поэтому понять структуру общества можно только через исследование языка, категорий и понятий, используемых самими современниками событий и процессов.

Особо пристального внимания заслуживают делопроизводственные материалы, а именно челобитные служилых людей. Стоит заметить, что хотя челобитные и имели массовый характер и составлялись в государственных органах – приказах – в соответствии с четко заданной формой, они неизменно сохраняли в себе уникальную информацию о самоидентификации служилого человека.

Сообщая просьбу официальному лицу, челобитчик идентифицировал себя по-разному, в зависимости от ситуации. Так, он мог представиться со-

гласно своему положению по службе как *семеновского полку солдат* Петр Софонов в извете на стрельца [2, л. 1] или согласно сословному статусу как новгородские *дворяне и дети боярские* разных городов [3, л. 1]. Кроме того, челобитчики могли особо выделять свое родовое происхождение, например «холопи ваши *родом Писаревы*» [4, л. 323]; или географическое положение службы – «бьют челом холопи твои *государевой дальней твоей заочной отчины великой реки Лены казачишки*» [5, л. 79]. Причем географическая привязка имела особое значение для тех случаев, когда регион службы обуславливал трудность ее прохождения.

Часто к социальным характеристикам просители добавляли свои биографические данные, сведения о материальном достатке, духовном состоянии, этническом происхождении и т. д. В 1649 г. Алексею Михайловичу о выдаче денежного жалования били челом «*рязанцы всех станов бедные одноворцы, безкрестьянные, пустопоместные, малопоместные и безпоместные нетчики*» [6, Т. I, с. 245]. Также и «*бедный и от пожара в конец разоренный Ефимъ Быковъ*» просил о назначении его воеводой «*въ Белев*» за его службу [6, Т. I, с. 246]. А «*калмыцкий полоняникъ, рязанец сынъ боярский Исачко Федоров сынъ Максимовъ*» сообщал о своем прошлом и просил о возвращении жены [6, Т. I, с. 249].

Иногда находим и еще более удивительные случаи, когда авторами одной челобитной выступали люди совершенно разных идентичностей. Среди столбцов Московского стола сохранилась заручная челобитная о перемене со службы «*разных дальних Низовых городов казанцев, алаторцев, свияжан, атемарцев, курмышен, рословцев, дворян и детей боярских и иноземцев, арзамассских и алаторских и свияжских мурз и татар, что были в полку у окольного и воеводы у князя Петра Алексеевича Долгорукова*» [6, Т. II, с. 274].

В противоположность этому встречаются челобитные вообще без какой-либо социальной самоидентификации: проситель сообщал только свое имя и фамилию. Как правило, прошения такого рода подавались людьми знатными и родовитыми, отличившимися на военной или государственной службе. Именно так в 1660 г. Алексею Михайловичу бил челом о пожаловании за походы, посылки и виленскую службу князь, стольник и осадный воевода Михаил Семенович Шаховской [6, Т. II, с. 37]. А в 1661 г. просил о наказании своих крестьян один из самых видных государственных деятелей середины XVII в., дядька царя, боярин Борис Иванович Морозов [6, Т. II, с. 394].

Таким образом, даже поверхностный анализ челобитных дает целый комплекс информации о социальной самоидентификации служилых людей. А изучение челобитных как массового источника позволяет исследователю проследить закономерности развития социальной стратификации, сделать вывод об уровне взаимодействия между различными социальными группа-

ми русского общества второй половины XVII в. и главное понять, каким это общество все-таки было.

-
1. Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007.
 2. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11.
 3. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 105.
 4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 21.
 5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 261.
 6. См.: Акты Московского государства : в 2 т. СПб., 1894.

О. Е. Гундова

Алтайский государственный университет

Историография модернизации горно-металлургической и оружейной отраслей промышленности России в первой половине XVIII в.

Волны российских модернизаций XVIII–XX вв. и экономическое развитие России в первой половине XVIII в. привлекали внимание историков, хотя они преимущественно интересовались второй проблемой, где, помимо общих параметров, присутствовали выявленные ими показатели прогрессивных перемен, происходивших в горно-металлургической и оружейной отраслях, которые можно использовать при раскрытии процесса модернизации, наполняя его фактическим содержанием. При этом историографический аспект был представлен только в публикациях, посвященных теории модернизации и ее осуществлению в Уральском регионе. Отсутствие работ по историографии заявленной темы вызывает потребность заполнить данный пробел.

Теории модернизации посвящено много трудов, но для историографического обзора нами были выбраны монографии и статьи В. В. Алексеева [1], И. В. Побережникова [2], Н. С. Гаврова [3], В. Г. Федотовой [4], которые оказались наиболее важными для понимания процесса модернизации промышленности России в первой половине XVIII в.

Общие сведения об экономическом развитии России, в том числе промышленности, можно почерпнуть в работах А. Б. Каменского, Б. Ю. Кагарлицкого, Е. И. Заозерской, Л. В. Милова и Н. И. Цимбаева. Наиболее подробно в них отражено правление Петра I, которое своей масштабностью заслуживает вклад, внесенный эпохой дворцовых переворотов в экономику страны.

Состояние оружейного производства в России в первой половине XVIII в. освещено в публикациях Л. Г. Бескровного [5], В. А. Бобкова [6], Ю. Е. Манойленко [7; 9]. Нам не удалось найти специальных работ, посвященных производству вооружения в Липецком и Тульско-Каширском районах. Этот пробел частично можно восполнить за счет монографий Е. И. Заозерской [9] и Н. И. Павленко [10].

Большой объем литературы по истории российской металлургии в целом и по отдельным горным округам свидетельствует о высокой степени изученности процессов, протекавших в отрасли в первой половине XVIII в. Основы их исследования были заложены трудами Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко [10], С. Г. Струмилина, И. А. Новикова. Период расцвета олонечкой металлургии, пришедшийся на эпоху Петра I, отразили статьи А. П. Глаголевой и Т. М. Юдиной. Две фундаментальные монографии В. В. Алексеева и В. В. Гаврилова [11], а также К. И. Зубкова, Н. С. Корепанова, И. В. Побережникова, Е. С. Тулисова [12] не только обобщили достижения своих предшественников, но и внесли наибольший вклад в изучение процесса модернизации промышленности на Урале. В работах В. Б. Бородаева, А. В. Контева и В. В. Ведерникова довольно полно реконструирована история развития сибирской металлургии. К сожалению, в течение нескольких десятилетий сохраняется разобщенность региональных исследователей, а соединение достижений в изучении развития отрасли на Урале и в Сибири носит эпизодический характер.

Подводя итог, отметим, что сохраняется разрыв между теорией модернизации, получившей довольно основательное освещение в литературе, и конкретными исследованиями по истории промышленности, за исключением уральских ученых, внесших существенный вклад как в разработку теории проблемы, так и в ее применение к анализу состояния горно-металлургического потенциала региона. Модернизация в оружейной отрасли до сих пор не стала объектом специального изучения.

1. См.: *Алексеев В. В.* Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2001.

2. См.: *Побережников И. В.* Модернизация: определение понятия и критерии. URL: http://mmj.ru/history_theory.html?&article=112&cHash=b4600c3eeb

3. См.: *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

4. См.: *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М., 2005.

5. См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

6. См.: *Бобков В. А.* Российские арсеналы в XVIII – начале XIX в. // Воен.-ист. журнал. 2010. № 8. С. 35–41.

7. См.: *Манойленко Ю. Е.* К организации истории производства артиллерийского вооружения в России в первой четверти XVIII в. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 265–291. URL: <http://www.milhist.info/2013/08/15/manoilenko>

8. См.: *Манойленко Ю. Е.* Русская артиллерия при ближайших преемниках Петра Великого (1725–1730-е гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 174–195. URL: http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1

9. См.: *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.

10. См.: *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953.

11. См.: *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

12. См.: *Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С.* Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008.

М. В. Поронов

Уральский федеральный университет

**Вопросы организации делопроизводства в «Пунктах
о управлении в Кунгуре дел обще с капитаном Берлиным,
школьником Калачовым во отбытие капитана Татищева
и берг-мейстера Бliers» (декабрь 1720 г.)**

В июле 1720 г., сразу же по прибытии команды горных специалистов под руководством капитана артиллерии В. Н. Татищева и берг-мейстера И. Ф. Бliers на Кунгур, была создана Горная канцелярия, ставшая первым органом горнозаводского управления на Урале. Через пять месяцев Татищев решил перевести главное управление на Уктус, куда начальство отправилось 25 декабря 1720 г. 24 декабря Татищев составил для берг-шрейбера И. Ф. Патрушева специальную инструкцию о ведении дел в Кунгурской горной канцелярии – «Пункты о управлении в Кунгуре дел обще с капитаном Берлиным, школьником Калачовым во отбытие капитана Татищева и берг-мейстера Бliers», которую подписал и Бliers [1, л. 71 – 72 об.]. Проанализируем нормы «Пунктов», касающиеся проблем организации делопроизводства.

Во введении Татищев перечислил лиц, которые должны были остаться на Кунгуре: берг-шрейбер И. Ф. Патрушев, капитан Ю. П. Берлин, для помощи им в делах московский «школьник» А. Калачев, «для письма» – подьячий Е. Костромин, «у щета денег» – пушкарь Р. Самойлов. Инструкция состоит из 17 пунктов, каждый из которых посвящен отдельному вопросу.

Рудокопные дела Патрушеву и Берлину предписывалось решать «со общего совета», о своих предложениях и делах, которые «сумнительны явятца», писать на Уктус с «посыльщиками» (п. 1–2). Таким же образом следовало вершить и суд над заводскими работниками (п. 15).

Денежные расходы требовалось записывать с расписками: «окладное жалованье по третям года», а не окладные покупки осуществлять в случае крайней необходимости, вместе обсудив, а затем, подписав в протокол, «что она покупка была потребна» (п. 3). Купленные припасы предписывалось отдавать с распиской целовальнику Спирину «и велеть ему записывать при себе в приход того ж числа» (п. 5). За расходом припасов требовалось «надзирать накрепко», расход этот должен был тщательно фиксировать целовальник: чтоб и «мелейшая вещь записана была, которого числа, кому и чего ради дано». В расходных и приходных книгах припасов Патрушев и Берлин должны были собственноручно подписываться в их приеме и передаче, а «приимщики» припасов – подписываться под соответствующими статьями (п. 6). Денежную казну предписывалось «поставить для сохранения под церковь, а при себе иметь [денег] малое число» (п. 11).

Отдельный пункт инструкции посвящался присылке с Кунгура на Уктус отчетной документации. Ежемесячно полагалось слать ведомости о приходе-расходе денежной казны и припасов, подписанные И. Ф. Патрушевым, а каждую треть года – табели всех заводских служителей, денег, припасов, а также табель требующихся «снастей», чтобы В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер «во отлучении могли состояние здешних заводов видеть» (п. 7). В случае прибытия на Кунгур курьеров с письмами для Татищева и Блиера корреспонденцию требовалось немедленно отправлять на Уктус с «посыльщиками» (п. 9).

Для упорядочения канцелярских дел требовалось вести «дневальную записку», в которой ежедневно фиксировать все вершенные дела, при этом подчеркивалось: «как при нас было» (п. 8). Ясно, что имелась в виду «дневальная книга» Кунгурской горной канцелярии – «Книга записная, в котором числе господин капитан Василей Никитич Татищев прибыл на Кунгур и куда что отправлено и от кои прислано и в котором числе значит ниже сего» [2, л. 61 – 88 об.].

Специальный пункт инструкции касался организации подвод для членов Кунгурской горной канцелярии в случае необходимости ехать «куда для осмотра мест и работ» (п. 13). В отсутствие И. Ф. Патрушева и Ю. П. Берлина дела в канцелярии должен был вести «школьник» Алексей Калачев (п. 14). В последнем пункте инструкции требовалось от заводских работников готовить различные припасы и снасти в соответствии с росписью берг-мейстера И. Ф. Блиера, оставленной в Кунгурской горной канцелярии (п. 17).

Таким образом, «Пункты о управлении в Кунгуре дел...», данные И. Ф. Патрушеву, остававшемуся за главного на Кунгуре, свидетельствуют, что особое внимание в них уделялось вопросам организации делопроизводства, в частности, регламентации формирования приходных и расходных книг денежной казны и различных припасов, установлению сроков присылки отчетной документации, созданию канцелярских документов. После отъезда В. Н. Татищева и И. Ф. Блиера на Кунгуре продолжилось формирование комплекса документов под руководством берг-шрейбера И. Ф. Патрушева, а Татищев в 1721 г. уже на Уктусе развил и углубил регламентацию всех основных сторон управления заводами, в том числе касающихся и организации делопроизводства.

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15.

2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а.

А. Плате

Уральский федеральный университет

Материальное обеспечение присутственных мест при открытии Пермского наместничества осенью 1781 г. на примере верхней расправы Екатеринбурга*

Административные и судебные реформы, проведенные в России в последней четверти XVIII в. с целью усиления государственной власти на местах, потребовали расширения государственного аппарата, что, соответственно, привело к существенному увеличению количества государственных служащих – преимущественно мелких, занимающих самые низкие классы по Табели о рангах, чиновников – и канцелярских служителей. Успех реформ зависел в значительной мере от бесперебойного функционирования административного аппарата многочисленных вновь созданных уездных и губернских учреждений, то есть от вопросов, связанных с их укомплектованием, финансированием, и, что кажется не менее важным, их размещением в приспособленных для службы зданиях [1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры РФ, договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г. «Возвращение в Европу: российские элиты и европейские инновации, нормы и модели (XVIII – начало XX в.)». (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.)

Последнее осуществлялось в Екатеринбурге в относительно благоприятных условиях. Все открывшиеся 16 ноября 1781 г. учреждения были размещены в зданиях, принадлежавших ликвидированным в ходе реформ организациям. Верхней расправе, занявшей позицию высшего судебного органа в зауральской части Пермского наместничества, и подчиненным ей уездным учреждениям, нижней расправе и нижнему земскому суду, был передан для пользования флигель в двухэтажном каменном здании Канцелярии главного заводов правления. Во владение этих учреждений был передан весь находившийся во флигеле инвентарь: мебель, канцелярские припасы и прочие вещи [2, с. 7; 3, л. 9].

В названном здании верхняя расправа заняла пять помещений: две «судейские коморки» для присутствия первого и второго департаментов, две «подъяческих» для канцелярского аппарата и одну комнату для функционирующей при расправе прокуратуры. Как видно по документам учреждения, на момент передачи все они находились в сносном состоянии. Часть полов, окон и печей была, правда, неисправна и нуждалась в ремонте или замене; к тому же для приспособления здания под новые структуры требовалось введение перегородки, отделившей от остальных помещение прокуратуры, отличавшейся постоянным потоком посетителей.

Верхняя расправа оставила за собой право распределять инвентарь по названным помещениям. В соответствии с иерархической лестницей присутствие и прокуратура получили самые представительные предметы («кресла обитые малиновым бархатом», «портрет ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в позолоченных рамах с короной», «часы стеновые медные с числами, которые китайской работы») в то время как помещения, предоставленные канцелярским служащим, обустраивались поскромнее – мебель и вещи были простыми, а некоторые из них частично непригодными. Для приобретения новых вещей средств, однако, не хватало. Купленные казначейством в честь открытия присутственных мест сукна для судейских и секретарских столов оказались единственной новинкой. Нехватка финансов серьезнее отразилась на материальном обеспечении уездных органов суда, которым, согласно распоряжению верхней расправы, приходилось довольствоваться потрепанной фурнитурой [4, л. 152–153; 5, л. 261; 6, л. 217–220].

Несмотря на описанные трудности, можно все-таки говорить о хороших стартовых условиях деятельности новых органов суда в Екатеринбурге. Как и иным административно-территориальным единицам, Пермскому наместничеству были предоставлены правительственные кредиты (12 000 рублей в 1781 г. и 20 000 в 1782 г.). Они преимущественно употреблялись для проведения строительных работ во вновь созданной столице – Перми, где, как и в других местах, массовое строительство казенных зданий началось только в конце XVIII – начале XIX в. [1; 7, с. 320]. В иной ситуации оказались ответственные за осуществление реформ в регионах, где новые власти не имели возможности обращаться к уже сложившимся

административным структурам. В частности, в Алапаевске, получившем статус города осенью 1781 г., нижняя расправа в первый месяц своего существования была вынуждена занять у верхотурского комиссариата 240 рублей для приобретения базового комплекта необходимой мебели и канцелярских припасов [5, л. 286]. Учитывая, что ежегодная выплата на покрытие канцелярских расходов, которая была установлена уездным учреждениям по определению наместнического правления, составляла 50 рублей [8, л. 5–6], это была вполне значительная сумма.

1. См.: *Писарькова Л. Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM

2. См.: *Корепанов Н. С.* Очерки истории Екатеринбурга 1781–1831 гг. Екатеринбург, 2004.

3. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2.

4. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 5.

5. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11.

6. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20.

7. См.: *Григорьев В. А.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910.

8. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67.

К. А. Уланов

Уральский федеральный университет

Екатеринбургское горное начальство и его протоколы (1801–1807 гг.)

В начале XIX в. началось очередное реформирование управленческой горнозаводской промышленности России, в результате чего была создана сеть горных начальств, подчиняющихся непосредственно Берг-коллегии [1, с. 87]. Для руководства горными заводами на Урале было создано три горных начальства во главе с главными начальниками: Пермское – с центром в Юговском заводе, Гороблагодатское в Кушвинском заводе и Екатеринбургское в г. Екатеринбурге. Они были независимы друг от друга и подчинялись Берг-коллегии [2, с. 46].

Открытие Екатеринбургского горного начальства под руководством Главного начальника И. Ф. Германа состоялось 26 марта 1802 г. [3, с. 204] Горное управление на Урале вплоть до 1886 г. носило характер коллегиального учреждения, подчинявшегося непосредственно главному командиру всех подведомственных государственных заводов [4, с. 14].

Екатеринбургское горное начальство состояло из первого департамента, которому подчинялись государственные заводы и второго департамента, которому подчинялись заводы частные. Также в составе Екатеринбургского горного начальства была монетная экспедиция [5, с. 10]. В таком составе Екатеринбургское горное начальство просуществовало до 9 апреля 1807 г., когда и было упразднено, а на его месте была открыта Главная Екатеринбургских заводов контора [3, с. 270]. Оба департамента Екатеринбургского горного начальства были под непосредственным управлением главного начальника, и ни одно решение не имело законной силы без его одобрения. Помимо этого, только главный начальник мог решать кадровые вопросы [3, с. 201].

Поскольку Екатеринбургское горное начальство являлось коллегиальным учреждением, то одним из основных видов документов, характеризующих его многогранную деятельность, служили протоколы заседаний членов горного начальства. Вводная запись к каждому из протоколов была следующей: «1802-го года, июля 2-го дня, среда, Екатеринбургского Горного начальства в Первый департамент в присутствие прибыли пополуночи, в нижеписанных часах...» [6, л. 16].

Протоколы Екатеринбургского горного начальства представляли собой стандартный для того времени лист, разделенный на пять граф. Первая графа – номер рассматриваемого документа по входящему реестру. Вторая графа – номер протокольной записи. Третья графа – собственно протокольная запись. Четвертая графа – дата подписания протокола, и пятая графа – дата исполнения документа.

Протокольная запись обязательно содержала дату заседания, место составления, имя и фамилию членов присутствия, краткое содержание документа, а затем решения Екатеринбургского горного начальства, начинающиеся со слова «ПРИКАЗАЛИ».

Протокольная запись имела вид [7, л. 23] (табл.).

Таблица

Вид протокольной записи

№	Пункт	Исслушали	Когда протоколы подписаны	Когда исполнен и учинен
5	1	Указы на имя бывшей канцелярии Из государственной Берг-коллегии от 19 числа минувшего февраля за № 610 о учиненном начальнику Екатеринбургского горного начальства господину Берг-гауптману 4-го класса Герману предписании дабы он по уничтожении канцелярии главного Заводов Правления и при разборе дел...		Рапортовано 31 марта

Таким образом, исследование протоколов и внутренней организации Екатеринбургского горного начальства позволит пролить свет на его деятельность как ключевого элемента российской горнозаводской промышленности. Причем изучение протокольных записей особенно актуально вследствие содержания в них большой информативной нагрузки. Помимо сведений о распорядительно-исполнительной деятельности, в них отражались самые разные проблемы, анализ которых поможет обогатить историю горнозаводского Урала.

1. См.: *Тулисов Е. С.* Архивные источники по истории Уральского горного управления и организация делопроизводства горнозаводской администрации (конец XVIII – начало XIX вв.) // Урал. ист. вестн. 2003. № 9. С. 83–89.

2. См.: *Бакшаев А. А.* Формирование казенных горнозаводских хозяйств на Урале в XVIII и в первой четверти XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 42–49.

3. См.: Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008.

4. См.: *Козлов А. Г.* Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. 1960. № 1. С. 14–29.

5. См.: Высочайше утвержденная Инструкция главному Начальнику Екатеринбургского Горного Начальства Обер – Берг – Гауптману четвертого класса Герману от 16 января 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830 г. Т. 27.

6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 955.

7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 954.

М. Ф. Лысенко

Алтайский государственный университет

Протоколы Горных советов как источник по изучению административных и социально-экономических процессов Колывано-Воскресенского горного округа

В середине XVIII–XIX в. своеобразная модель административного устройства сложилась в пределах Колывано-Воскресенского горного округа – крупного промышленного комплекса на юге Западной Сибири. Ограниченное участие гражданских властей Томской губернии в управлении округом, владельческая принадлежность монаршей особе и значительные полномочия горнозаводских чиновников на местах – эти и многие другие факторы определяли уникальность системы управления округом.

Значительную роль в управлении округом играли Горные советы. Они представляли собой ежегодные собрания главных администраторов округа и, являясь законосовещательным органом при главе местной администрации, во многом определяли экономическую жизнь региона. Именно Горные советы занимались рассмотрением отчетов горных контор округа и составлением плана деятельности алтайских предприятий на следующий заводской год. Их решения являлись для местного руководства «непреложным правилом».

Несмотря на повышенный интерес дореволюционных и советских исследователей к динамике развития алтайской промышленности, до 80–90 гг. XX в. в историографии отсутствовал комплексный подход к анализу системы местного управления. Лишь к 80–90 гг. XX в. в историографии по проблемам управления на Алтае в середине XVIII – начале XX в. наметилась четкая тенденция к изучению различных аспектов местной системы управления горно-промышленного комплекса на юге Западной Сибири. Впервые начали рассматриваться вопросы участия гражданских властей в управлении округом, социальной политики, административно-территориального устройства округа [1; 2].

Однако Горные советы еще не выступали в качестве самостоятельного предмета отдельного исследования. Вопрос об их роли в управлении горно-заводским комплексом Западной Сибири относится к числу малоизученных, несмотря на наличие большого объема законодательных и делопроизводственных источников.

Важнейшим источником по реконструкции деятельности Горных советов служат протоколы их заседаний, которые наряду с прочей делопроизводственной документацией Колывано-Воскресенского горного правления отложились в фонде 2 Государственного архива Алтайского края. Следует отметить, что до сих пор протоколы заседаний Горных советов выполняли лишь вспомогательную роль при изучении разнообразных аспектов истории региона, но никогда не интересовали ученых как источник по реконструкции деятельности Горных советов и их роли в управлении горнозаводским комплексом.

Протоколы Горных советов являются также важным источником по реконструкции горнопромышленного производства на Алтае, так как содержат информацию о годовых отчетах горнозаводских контор, заготовке руды, количества людей на заводах, выплавке металлов, разведке новых месторождений. Так, например, М. Н. Мякиншев активно привлекает протоколы заседаний Горных советов для изучения одного из важнейших направлений деятельности Алтайских заводов в 1830–1855 гг. – золотодобычи [3]. Дополняют данные протоколов документы административного учета (ведомости, отчеты горных контор, различные таблицы и сметы).

Высочайше утвержденное «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами» 1828 г. лишь в общих чертах определяло деятельность Горных советов [4, № 1960]. Именно протоколы Горных советов помогают восстановить качественный и количественный состав данного законосовещательного органа, реконструировать порядок составления общего годового отчета для предоставления Кабинету и разработки расписания на следующий год. Годовое расписание определяло количество необходимых к выплавке металлов, объемы припасов, провианта, дров и угля по каждому заводу и руднику, а также содержало сметы работ и работников, исчисленные суммы на жалования чиновникам, мастерам, пенсии и т. д. [5]. Представляется возможным проследить ход обсуждения изобретений местных специалистов, связанных с горным производством.

Таким образом, протоколы Горных советов Колывано-Воскресенского горного округа являются важным источником изучения административной и социально-экономической истории региона. Они дают обширный фактологический материал для исследования различных аспектов развития алтайской горной промышленности в середине XVIII–XIX вв.

1. См.: *Соболева Т. Н., Разгон В. Н.* Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.

2. См.: *Соболева Т. Н., Афанасьев П. А., Кухаренко А. Е., Бобров Д. С.* Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012.

3. См.: *Мякиншев М. Н.* Зарождение и развитие разведки и добычи россыпного золота в Алтайском горном округе в период его аренды Министерством финансов : автореф. дис. ... к. и. н. Кемерово, 2011.

4. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1874. Т. 3.

5. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1645.

Д. С. Иванова

Уральский федеральный университет

«За все сии работы получают впрочем приличное вознаграждение деньгами...»: материальное сопровождение топографической экспедиции Э. Бержье и А. Аллори на Урале в 1839–1854 гг.

Проведение топографической съемки Нижнетагильского горнозаводского округа должно было решить несколько важнейших задач, для этого на Ниж-

нетагильские заводы были приглашены французские топографы Э. Бержье и А. Аллори. Ранее составленные карты горных округов и заводских дач не удовлетворяли практическим запросам ведения заводского хозяйства. Две главных задачи были поставлены перед топографами еще в 1839 г.: необходимо было зафиксировать на картах нынешние границы владений Демидовых и составить лесные карты, для решения вопроса о «сгораемом». Ввиду важности результатов экспедиции в договоре, заключенном П. Н. и А. Н. Демидовыми с топографами в 1839 г., были подробно оговорены списки работ, которые должны быть произведены, указывались сроки проведения съемок, а также вознаграждения и гарантии топографов. Все издержки связанные с составлением карт Демидовы брали на себя. «...получат от Г. Демидова следующие выгоды <...> ежегодно жалованья по три тысячи франков, ежемесячно, начиная с 1го июня 1839 г. по 1 июня 1844 г.». Жалование Бержье как руководителя было увеличено в два раза и составляло шесть тысяч франков в год. Также Демидовы обязались оплатить исследователям все дорожные расходы: «Путевые расходы <...> как равно и содержание пищею, таможенные пошлины за его багаж и вообще все прочие издержки, сопряженные как с отъездом, так и с возвращением его во Францию, должны быть за счет господ Демидовых...» [1, л. 3]. Также гарантировались выплаты по болезни и компенсации в случае, если по состоянию здоровья топографы не смогут выполнять работу и вынуждены будут вернуться во Францию.

Несмотря на предварительные вычисления, что составление карт займет не более пяти лет, в 1850 г. Бержье пишет, что семь лет – это оптимальное время для проведения всех работ на территории равной Нижнетагильским заводам [2, л. 5 об.].

В договорах с Э. А. Бержье и А. Аллори указано, что господа топографы, помимо жалованья, будут получать от господ Демидовых «содержание пищею, квартирою и освещением», а также будут оплачены «покупки всех инструментов и припасов, необходимых для предпринятого дела» [3, л. 13].

В Нижнем Тагиле топографы жили в здании на Александровской улице, у самого подножия храмового холма, известном как дом А. А. Любимова. Здесь был размещен своего рода научный центр. Нижний этаж занимали архив, минералогическая и анатомическая коллекции, обсерватория метеорологических и магнитных наблюдений и топографический кабинет. На втором этаже размещались квартиры французских специалистов [4].

По приезду на заводы топографам выдали для домашнего потребления личные вещи. Согласно договору, содержание топографов должно было быть, «по крайней мере, наравне с главным приказчиком Совета Правления».

Изначально планировалось потратить на топографическую съемку сумму в 100 тысяч руб. Но эта сумма рассчитывалась только на пять лет. Несмотря на все предварительные расчеты, проведение топографических съемок заняло

15 лет. Именно в рамках этого срока были решены задачи, поставленные перед топографами. На составленных картах были зафиксированы границы округа, и был решен вопрос о «сгораемом». Кроме того, Бержье и Аллори, выполняя личные просьбы заводовладельцев, оставили свой след в естественно-научной истории округа. А данные, содержащиеся в документах ГАСО, позволяют увидеть графы расходов на материальное обеспечение экспедиции.

Например, «израсходованы денежные средства в 1847 г.: жалованье топографам и их ученикам – 9976 руб., столовых – 2600 руб., плата прислугам – 189 руб., плата рабочим при топографах и другие расходы – 6972 руб. Израсходовано материалов: провиант и фураж – 1070 руб., мелочного магазина – 3129 руб., лесных – 71 руб., горностроительных – 30 руб., работы в заведениях – 514 руб., конюшенных расходов – 940 руб.

Итого, в 1847 г. на составление топографических карт затрачено – 29736 руб.» [5, л. 15].

Так что можно предположить, что за все 15 лет проведения топографических съемок Демидовы потратили на этот проект более 450 тыс. рублей. Эту сумму можно сравнить с другими, более масштабными проектами А. Н. Демидова, например, на протяжении 1837, 1838 и 1839 гг. Демидов предпринимал экспедиции в бассейнах Дона и Донца и одновременно руководил крупными исследованиями на юге России и в Крыму. Расходы на обе экспедиции и последовавшие за ними публикации также составили около 450 тыс. руб. [6, с. 270].

1. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 777.

2. ГАСО. Ф. 643. Оп. 4. Д. 133.

3. ГАСО. Ф. 643. Оп. 4. Д. 54.

4. См.: У подножия горы высокой. История Нижнего Тагила: от основания до наших дней. URL: http://xn--80aaisacvtsild2o.xn--p1ai/11_3_03.htm

5. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1108.

6. См.: Черкасова А. С., Мосин А. Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 246–275.

И. А. Таланцев

Уральский федеральный университет

Реформирование в Туркестанском крае до 1886 г. в контексте модернизации

Во второй половине XIX в. в России, как известно, началась очередная волна модернизации. Покорение Туркестанского края пришлось на время

полномасштабного развертывания реформ. Проведение модернизационных мероприятий в самом широком смысле в центральноазиатских землях было обусловлено сразу двумя факторами: 1) общероссийским процессом реформирования; 2) объективной необходимостью изменений в самом Туркестане в связи с планами интеграции [1, с. 133].

Власти в центре, равно как и на местах, понимали, что добиться интеграции края в одночасье не удастся. Важно, что Туркестан имел свои особенности: огромные площади, удаленность от наиболее развитых губерний, но при этом имелось большое число местного иноверческого населения, которое «рассматривало новую власть как очередных ханов, а не как нечто радикально новое» [2, с. 69].

Круг полномочий генерал-губернатора был прописан во «Временном Положении об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г.». Практически сразу же начались попытки создания регулярного Положения. Но, как известно, они завершились положительно лишь к 1886 г., когда были преодолены противоречия стремлений центральных и местных властей. Таким образом, Положение, которое должно было стать лишь временным, просуществовало почти 20 лет. Очевидно, что оно создало особенности системы управления, которые, в свою очередь, повлияли на развитие реформ в крае. Среди этих особенностей можно назвать следующие: 1) сосредоточение власти в руках одного лица; 2) свобода рук генерал-губернатора в решении подавляющей части вопросов; 3) дуализм системы управления, выразившийся в существовании военно-народного управления.

«Для обеспечения задач управления удаленным краем Временное Положение подходило, по мнению многих политических деятелей того времени» [3, с. 88]. Однако эти же особенности негативным образом сказывались на модернизационных преобразованиях, которые были так необходимы. Дело в том, что период приспособления к специфике края, отличавшегося в своей сущности от опыта среднего российского чиновничества, требовал свободы рук у самих подчиненных генерал-губернатора. Хотя он и мог проводить конкретные и четкие мероприятия, далеко не всегда, в силу указанного выше субъективизма, мог принять верное, а что самое главное, своевременное решение.

Однако сводить все к действиям государственной власти, говоря о модернизационных изменениях в Туркестане, не имеет смысла, т. к. было выявлено, что значительную роль в реформировании края сыграли агенты модернизации [4, с. 14], например, ученые, путешественники, предприниматели и т. п. Так, например, В. П. Наливкин всеми силами отдавался делу создания сети нерелигиозных школ в Туркестане, что явным образом способствовало секуляризации образования. Благодаря таким деятелям, отправившимся в Туркестан, реформирование стало возможно не только на бумаге.

Многие исследователи считают, что период так называемой реакции отмечен сжатием модернизационных тенденций в России. Однако в Туркестанском крае подобной тенденции не наблюдалось. Причины данной ситуации видятся в следующем: 1) в незавершенности процесса интеграции; 2) в инерции движущего потенциала агентов модернизации.

Суммируя, можно выделить следующие особенности процесса реформирования в Туркестане в указанный период: зависимость от директив и решений генерал-губернатора; незаконченность реформ, связанная с законодательной неопределенностью и необходимостью приспособления к нуждам края, недостаточным числом чиновников, которые, однако, были на должном уровне сведущи в специфике местной жизни; отсутствие всеохватности реформ; частое игнорирование традиционных особенностей жизни местного населения.

В Туркестанском генерал-губернаторстве изначально были заложены противоборствующие тенденции: центробежная и центростремительная. С одной стороны, Туркестан должен был постепенно интегрироваться в имперское пространство, с другой – многое было направлено на сохранение особенного положения края, что, затрудняло процесс объединения. С одной стороны, власти понимали необходимость учитывать специфику края при реформировании, с другой – несмотря на это, проводились мероприятия, которые лишь культивировали отторжение местного населения от российских властей. При этом обе эти тенденции переплетались, подчеркивая специфику края.

1. См.: *Литвинов П. П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998.

2. *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.

3. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

4. См.: *Побережников И. В.* Человеческий потенциал российской имперской модернизации // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. С. 11–16.

А. А. Кохановский

Уральский федеральный университет

Предвыборные листовки как источник об истории межпартийной борьбы в период революции 1917 г.

Агитационные листовки выпускались политическими партиями России по трем основным поводам – муниципальным выборам в гордумы и земства июля – августа и ноября, а также выборам в Учредительное собрание сере-

дины ноября 1917 г. Содержание листовок почти всех партий можно подразделить на две части: изложение политической программы и контрагитация против других партий, содержащая информацию, дискредитирующую соперников и превозносящую собственную партию. Именно эта часть листовок проливает свет на характер борьбы партий, особенно социалистических.

Активнее всех в деле агитации оказались меньшевики. От имени публициста С. Ивановича ЦК РСДРП (о) издал листовку «За кого не голосовать?», сразу отделив меньшевиков, большевиков, эсеров и кадетов от «партий-скороспелок, которые большого значения не имеют» [1, с. 151]. Партия кадетов характеризовалась ими как антиреволюционная и антисоветская. Критиковались земельная программа эсеров, ведущая не к уравниванию в деревне, а к усилению собственных претензий крестьян, а также тактика большевиков, которые во всех видят врагов, «которых надо крушить». Лишь меньшевики, по мнению своего ЦК, «действуют в интересах всего народа <...> во имя освобождения всего человечества», не идя за большевиками, проповедующими анархистскую тактику. К выборам Учредительного собрания они распространяли листовку «Ни одного рабочего голоса социалистам – революционерам», хотя зачастую искали с ними политических блоков для противостояния большевикам и левым эсерам. Однако изобретательнее всех оказались члены меньшевистских парторганизаций Урала, изложившие свою программу в стихах («Полноправными будут членами // Как и русский – татарин, еврей. // В новой Русской Свободной Республике // Никаких не должно быть цепей...») [2]. Стихотворный «акафист» сочинили они «во славу» большевиков, «принимавших в партию уголовников и развязавших Гражданскую войну», снабдив его заповедью большевика: «если ты большевик и вспомнишь, что брат твой меньшевик, то иди прежде убей брата своего и тогда только иди на другие убийства» [3, л. 13]. Нападки уральских меньшевиков затрагивали и соратников по партии: «если вы хотите, чтобы гордуда была местом дрызг и расколов, а Вильгельм лишил русских граждан свободы, голосуйте за с.-д. интернационалистов». Рост влияния большевиков на широкие массы они объясняли темнотой отсталых слоев рабочих.

Дискредитировали своих союзников по коалиции и правые эсеры, издававшие листовки «Не голосуйте за меньшевиков!»: партия эсеров видела «великое зло от существования в одной стране нескольких борющихся социалистических партий», признавая необходимость единой партии всего трудового народа и обличая социал-демократов в неприятии единения рабочих и крестьян [1, с. 164]. В отношении большевиков после Октябрьского переворота партия сетовала на «переодевания» в большевиков людей, которые грабят граждан, запуганных большевиками, ведущими царистскую и демагогическую политику [4, л. 204].

Не отставали в скандальности агитации и большевики, свобода печати для которых после июльских событий в Петрограде была серьезно ограниче-

на. Со страниц «Уральской правды» большевики Перми транслировали воззвания, обещая переложить тяжесть налогов с трудящихся на капиталистов, бороться с недостатком продовольствия, безработицей, жилищной нуждой, за бесплатность больниц и школ, достижение на окраинах города такого же благоустройства, как в центре, а главное – за скорейшее окончание братоубийственной войны [5]. Врагом избирателей в августе 1917 г. они называли «партии нынешнего советского большинства (меньшевиков и эсеров) – обывателей в политике, драпирующихся в революционный и социалистический плащ», закрывших для партии Ленина все типографии и оттолкнувших от РСДРП (б) крестьянскую и еврейскую организации [5].

В дни мятежа генерала Корнилова с критикой идеологически близких им эсеров выступали уральские максималисты, обличая партию эсеров в ограничении свободы слова и печати и «поблажках буржуям», отождествляя Керенского и Корнилова по деспотизму и диктаторству [6, л. 110].

Таким образом, анализ борьбы политических партий в 1917 г. свидетельствует о резком размежевании и в лагере социал-демократии, и в блоке умеренных социалистов (меньшевики и эсеры), а также в отношениях между двумя этими группами. В таких обстоятельствах совершенно не удивительным выглядит факт неприятия всеми партиями лозунга «однородного социалистического правительства», выдвинутого в дни ультиматума Викжея, а новому укреплению блока умеренных социалистов способствовал лишь гибельный для них разгон Учредительного собрания.

1. Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов // Отечественная история. 1993. №1. С. 150-174.

2. Пермский вестник Временного правительства. 1917. № 142. 3 ноября.

3. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 75.

4. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 344.

5. Уральская правда. 1917. № 20. 5 августа.

6. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 76.

И. А. Концевой

Московский государственный университет

Участие левых эсеров в работе Президиума ВЦИК II–IV созывов (по документам ГАРФ)

Вопрос о взаимодействии партий большевиков и левых социалистов-революционеров после провозглашения советской власти является основополагающим для изучения характера политической системы России в 1917–

1918 гг. После принятия II Всероссийским съездом советов первых декретов новой власти возникла проблема вхождения в состав центральных органов власти и управления небольшевистских социалистических партий. Левые эсеры были самой крупной политической силой, с которой большевики могли заключить союз. В рамках ВЦИК, образованного на съезде советов, взаимодействие между фракцией левых эсеров и большевиками было налажено в первые недели Октябрьской революции. 6 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК сформирован Президиум ВЦИК II созыва, куда избраны члены партии большевиков. Левые эсеры тогда не ввели в состав Президиума своих членов, объявив о том, что на следующий день они должны огласить свое решение о вхождении в Президиум [1, с. 35].

Через некоторое время левые эсеры все же приняли решение о вхождении в Президиум ВЦИК. Недатированный список фракций большевиков и левых эсеров, приложенный к первому протоколу заседаний Президиума от 12 ноября 1917 г., содержит фамилии М. А. Спиридоновой, М. Н. Натансона, Б. Ф. Малкина, Б. Д. Камкова, А. М. Устинова, Г. Б. Смолянского, А. А. Измайлович, И. Ю. Баккала и Я. М. Фишмана [2, л. 1 об]. Согласно заключению А. И. Разгона, данный список был составлен в декабре 1917 г. и не может относиться ко времени первого заседания Президиума ВЦИК [3, с. 53]. Этот вывод подтверждается данными из протоколов Президиума. 19 ноября 1917 г. в заседании Президиума из указанных в списке левых эсеров участвовал только Камков. Также вместо упомянутых членов левоэсеровской фракции в заседаниях Президиума в ноябре-декабре 1917 г. участвовали П. П. Прошьян, А. М. Устинов и В. Б. Спиро [4, л. 4.].

12 декабря 1917 г. во ВЦИК был рассмотрен вопрос о составе Президиума и принято решение ввести в его состав левых эсеров Натансона, Спиридонову, Камкова, Устинова, Мстиславского и Левина, а члена фракции левых эсеров Смолянского направить в секретариат Президиума [1, с. 140]. Среди левых эсеров больше всего заседаний Президиума посетили их лидеры: Спиридонова, Натансон и Прошьян [5].

Президиум ВЦИК II созыва существовал вплоть до созыва III Всероссийского съезда советов. Формирование нового Президиума стояло на повестке дня заседания ВЦИК 22 января 1918 г. От фракции левых эсеров поступило предложение избрать в Президиум Спиридонову, Натансона, Устинова, Смолянского и Камкова [6, л. 65]. Согласно сведениям о составе Президиума из фондов ГАРФ, его членами стали вышеуказанные левые эсеры, а кандидатами в члены Президиума – Б. Ф. Малкин и А. А. Измайлович [7, л. 1].

Значительную роль в работе членов Президиума ВЦИК сыграло создание расширенного Президиума ввиду активизации германского наступления на фронте. 21 февраля 1918 г. состоялось первое его заседание. В качестве полноправных членов Президиума в нем приняли участие левые эсеры М. А. Левин, И. К. Каховская, Я. М. Фишман и С. Д. Мстиславский, которые не значились среди чле-

нов Президиума ВЦИК III созыва [8, л. 1]. Больше всего заседаний Президиума ВЦИК III созыва посетили Спиридонова, Малкин и Смолянский [9].

Распад правительственной коалиции большевиков и левых эсеров в марте 1918 г. и сокращение численности левоэсеровской фракции оказали влияние на состав Президиума ВЦИК IV созыва. Членами Президиума ВЦИК от левых эсеров были назначены Спиридонова и Натансон, а кандидатами – еще четверо членов партии левых эсеров [10, с. 1]. Вероятно, ввиду преклонного возраста Натансон не принял участие в заседаниях Президиума. М. А. Спиридонова посетила 18 заседаний, В. А. Карелин, первоначально не являвшийся членом Президиума, – 6, Д. А. Черепанов – 3, П. П. Прошьян – 2 [11]. Всего за время существования Президиумов ВЦИК II–IV созывов Спиридонова посетила его заседания 32 раза, что более чем в четыре раза больше, чем все остальные левые эсеры.

Несмотря на количественные изменения в составе левоэсеровской фракции Президиума ВЦИК, можно говорить о двухпартийном составе этого органа в период с ноября 1917 г. по начало июля 1918 г. Взаимодействие двух партий в Президиуме стало значительной чертой советской политической системы на раннем этапе ее развития.

-
1. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918.
 2. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 32. Д. 1.
 3. См.: *Разгон А. И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.
 4. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 32. Д. 3.
 5. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 32. Д. 3-12.
 6. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 18. Д. 2.
 7. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 18. Д. 10.
 8. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 33. Д. 4.
 9. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 33. Д. 1-9.
 10. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. (Стенографический отчет). М., 1920.
 11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 34. Д. 36.

Т. Ю. Козлова

Омский государственный педагогический университет

Материалы личного происхождения как источник представлений И. О. Сталина о социализме

Российское массовое сознание постоянно апеллирует к имени И. О. Сталина и противопоставляет демократию социализму. В научной среде также

отсутствуют однозначные выводы относительно той эпохи и политического режима. С этих позиций собственные представления Сталина о социализме являются актуальной проблемой, один из этапов решения которой – выявление и характеристика источников, среди которых особое место у материалов личного происхождения.

Первая группа источников хранится в РГАСПИ и представлена личными фондами руководящих партийных и государственных деятелей СССР: И. О. Сталина, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и др. Данные свидетельства более всех содержат сведения о сталинских представлениях социализма. Конечно, наибольшую ценность представляет личный фонд Сталина, в котором сохранились его записки, заметки и письма. К названному фонду также относятся сведения, оставленные сопровождавшими Сталина лицами. К примеру, помощником Сталина К. Сергеевым при поездке с ним в Сибирь были сделаны краткие записи неофициальных выступлений вождя.

Вторая группа источников личного происхождения представлена дневниками и воспоминаниями основоположников марксизма и основателей КПСС.

Дневники были оставлены В. И. Вернадским, В. В. Вишневским, Г. М. Димитровым, А. Г. Маньковым, М. М. Пришвиным, И. И. Шитцем и др. Будучи особым видом источников, они способны предать царившую во время их написания атмосферу. Особенно заслуживают внимания записи бесед со Сталиным в дневнике Г. М. Димитрова.

Воспоминания обладавших властью лиц – еще один важный пласт источников. Так, «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» Б. Бажанова позволяют проанализировать происходившие в 1920-е гг. процессы.

При этом воспоминания о политической ситуации 1930-х гг. практически отсутствуют. Подобное обусловлено тем, что репрессии уничтожили большинство потенциальных авторов, а выжившим нужно было хранить верность подписке. К примеру, бессменно возглавлявший Особый сектор ЦК КПСС и переживший даже период оттепели А. Н. Поскребышев мог бы многое рассказать, но он ничего не написал.

Тем не менее даже здесь есть отрывочные свидетельства. Так, у писателя Ф. Чуева в беседах с В. М. Молотовым при общей тенденции к обходу острых углов имеются интересующие нас фрагменты.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в отношении ныне опубликованных и доступных воспоминаний членов сталинского Политбюро. Например, «Памятные записки» Кагановича, на которые возлагали большие надежды, не содержат сведений о ключевых вопросах политической истории 1930-х гг. и во многом напоминают «Краткий курс истории ВКП (б)».

Воспоминания Н. С. Хрущева также иллюстрируют удаленность этого члена Политбюро от реальных механизмов власти и незнание представлений вождя.

Ограничены сведения и у А. И. Микояна, так и не раскрывшего суть своего высказывания: «Все мы были тогда мерзавцами» [1, с. 9].

Мемуары некогда редактора «Известий» И. М. Тройского – пример воспоминаний лица, прошедшего ГУЛАГ, сумевшего уцелеть и ранее неформально общавшегося с вождем.

Особого внимания вызывает факт сохранения в литературе сталинского периода множества разрозненных свидетельств о широко распространенной в 1930-х гг. практике неформальных заседаний вождя, данные которых не подвергались стенографированию, либо протоколированию. Это, в частности, утверждал Д. Т. Шепилов: «Сталин вообще не любил, когда записывали его слова» [2, с. 40]. Референтом Сталина генерал-полковником авиации А. С. Яковлевым также было замечено: «На совещаниях у Сталина в узком кругу не было стенографисток, секретарей, не велось каких-либо протокольных записей» [3, с. 498]. Аналогичные высказывания есть у Д. Ф. Устинова и Г. К. Жукова. Примечательно, что стенографированию не подлежали даже информационные заседания, например, посвященные поддержанию связи с Коминтерном.

Таким образом, наибольшее количество источников личного происхождения, позволяющее выявить представления Сталина о социализме, относится к 1920-м гг. В 1930-е гг. из-за репрессий ситуация была существенно изменена. В тот период только узкий круг лиц был посвящен в дела государства и планы Сталина, дававшего все указания в устной форме при посещении его кабинета в Кремле.

В заключение добавим, что источники личного происхождения, как и все документы сталинского периода, не дают «чистых» фактов, поэтому для исследования необходимо подключить всю совокупность имеющихся свидетельств. Иными словами, полученные из материалов личного происхождения данные должны быть проверены с помощью других видов источников: официальных партийных и делопроизводственных материалов, переписки и периодической печати, при анализе которых нужно также учитывать исторический контекст и авторов.

1. Микоян А. И. Так было. М., 1999.

2. Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001.

3. Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1968.

Кладбище как исторический источник

Историческая наука не предусматривает рассмотрение жизни каждого индивида, а больше рассматривает взаимосвязь тех или иных событий, которые существенно повлияли на сложившийся порядок в обществе, государстве. Каждая вещь несет на себе отпечаток того или иного времени, эпохи: будучи сейчас незначительной, в будущем она может оказаться важной.

В жизни есть такое, что присутствует в ней постоянно и независимо от нашего желания: это кладбище – участок территории, специально предназначенный для погребения умерших. Каждый из нас сталкивался с ним, и кладбище – будущее место упокоения любого из нас.

Обряды по погребению шли с ранних времен рядом с человеком. Существует несколько разновидностей похорон умершего. Это предание огню, обряд воздушного погребения, ресомация и предание тела (останков) земле (захоронение в могилу, склеп). В нашей стране в силу преобладания православия как религии наиболее распространенными являются похороны умерших путем предания тела земле.

Изначально к кладбищу относились как к сакральному месту: считалось, что могила – это «дом» умершего. После революции 1917 г. в результате дальнейшей антирелигиозной кампании менялось отношение к смерти и погребению. Кроме того, военно-революционные потрясения вели к упадку морали. В результате страдали погосты и кладбища: участились случаи мародерства и дерзкого вандализма. Стремление в одночасье до основания уничтожить старые кладбища объясняется политикой государства в отношении памяти, целью которой было разрушить связь поколений и преемственность истории. В сознании разрушителей погостов умершие переставали быть людьми.

Сейчас организацией кладбища занимаются местные органы самоуправления. А похоронными услугами – ритуальные агентства. В основном за состоянием кладбища никто не следит, поэтому редко когда встретишь полностью ухоженный погост. А ведь кладбища – ценнейшая часть культурного наследия общества. Каждая могила – это не просто холм, крест или памятник, а целая жизнь: пусть эти люди ничем не прославились в истории государства, но сыграли определенную роль в истории своей малой Родины, вложили немало сил в ее развитие. Но после смерти постепенно ушли в небытие.

Подобная ситуация сложилась на кладбище села Усть-Чарышская Пристань Усть-Пристанского района Алтайского края. Кладбище действует с 1969 г., но находится в совершенно ненадлежащем виде. Кладбище является своеобразным историческим источником, базой данных, которая у всех на виду.

Например, по кресту можно судить, какого вероисповедания был человек: крест может быть старообрядческим, православным, католическим. Памятник с эпитафией от Министерства внутренних дел говорит о том, что упокоенный человек – военный. На кладбище есть два памятника с крылом самолета, которые ясно дают понять, что люди были летчиками. По дате рождения и смерти можно определить среднюю продолжительность жизни жителей села. И это все лишь малая часть того, что можно узнать, взглянув лишь на могилу, не зная судьбу человека, похороненного в ней.

Летом 2015 г. на кладбище была впервые проведена инвентаризация. Мы попытались максимально описать каждую могилу. Итого было описано 4 156 позиций, из которых 3 147 людей, имена которых нам известны, а 928 – безымянных могил, на некоторых нет даже крестов: возможно, могилы были изначально безымянными, либо с течением времени кресты сгнили или упали. Опись производилась по следующим критериям: «Фамилия», «Имя», «Отчество», «Дата рождения», «Дата смерти», состояния могилы (могила ухоженная/могила заброшенная), наличие и состояние креста, памятника, таблички или фотографии. Статистическая обработка полученного материала была проведена с использованием компьютерной программы Microsoft Office Excel 2013.

Была проведена поисковая работа, в результате которой были восстановлены сведения о Клепикове Александре Федоровиче и установлен крест на его могиле. Удалось выяснить, что Александр Федорович достойно сражался в рядах защитников Отечества и имел боевые награды, среди которых медаль «За отвагу». Александр Федорович Клепиков не только вернулся из небытия, но и встал в ряды «Бессмертного полка».

Благодаря проведенной работе создана электронная база данных, с помощью которой легко можно найти потерявшуюся могилу. Кроме того, разработанная база данных может быть использована и для проведения генеалогических исследований. В дальнейшем предполагается разбить кладбище на сектора, поставить таблички для лучшего ориентирования и с помощью базы данных начать составление «Книги памяти» с. Усть-Чарышская Пристань.

С. Н. Копырина

Уральский федеральный университет

Актуальные проблемы современного источниковедения с точки зрения использования сайтов федеральных архивов России как инструмента для получения доступа к историческим источникам

Архивные сайты являются наиболее доступным для современного исследователя инструментом для осуществления поиска и ознакомления с инфор-

мацией, содержащейся в архиве. В настоящее время сайты федеральных архивов России позволяют не только получить доступ к научно-справочному аппарату, но и демонстрируют наиболее интересные исторические документы, которые могут заинтересовать пользователя, при этом доступ к ним осуществляется в любое время суток на их официальном представительстве в сети Интернет. К 2015 г. все федеральные архивы имеют свои официальные сайты, что указывает на понимание руководством архива важности облегчения доступа к историческим источникам для исследователя и популяризации архивного дела.

Хорошим примером демонстрации оцифрованных копий исторических источников может служить сайт РГАДА [1], который содержит 164 документа начиная с XV в., доступные для онлайн-просмотра, такие как «Книга Посольского приказа по дипломатическим сношениям с Австрией и Германской империей 1488–1517 гг.» или «Письмо Пушкина А. С. Гончарову Д. Н. с просьбой одолжить ему денег», датированное июнем 1833 г.

Помимо доступа к научно-справочному материалу архива, такому как оцифрованные или доступные пользователю онлайн-каталоги и путеводители, интерес для исследователя имеют электронные базы данных, которых не так много, что объясняется сложностью и дороговизной их разработки. Примером такой базы данных могут служить тематические виртуальные архивы на сайте РГАЛИ, например «Виртуальный архив. Документы А. К. Толстого» [2], или «Виртуальный архив. Первая мировая война в документах деятелей отечественной культуры» [3].

На сайте федеральных архивов представлены списки сборников документов, которые когда-либо были изданы при участии архива. Например, на сайте РГВА [4] представлен список из 22 сборников документов с аннотацией к каждому.

Интересным материалом на сайтах федеральных архивов является функция виртуальная выставка, позволяющая пользователю сайта ознакомиться с экспонатами выставляемыми, возможно в сотнях километрах от его дома. Такие выставки, например, часто размещаются на сайте РГАСПИ [5].

Также на сайте архива содержится вся необходимая информация в отношении рабочего времени архива, правил работы в читальном зале и прейскурант платных услуг. Наличие этой информации на сайте архива регламентировано «Рекомендациями по созданию архивного сайта в сети интернет» [6] 2001 г., изданные Росархивом.

Ссылки на все сайты федеральных архивов России можно получить на информационном портале «Архивы России», который содержит информацию о новых поступлениях документов в федеральные архивы, сведения о рассекреченных документах, а также освещает широкий круг вопросов, связанных с архивной отраслью нашей страны.

Можно констатировать, что в настоящий момент архивная интернет-среда находится на стадии формирования. Это хорошо видно по текущему состоянию сайтов федеральных архивов. Очевидно, что у разработчиков сайтов нет четкого понимания, должен ли архивный сайт предоставлять информацию только о работе архива или же быть полноценным веб-порталом, в чьи задачи входит обсуждение в его рамках архивной отрасли и широкого предоставления отсканированных копий архивных документов.

В настоящее время каждый архив решает данную проблему самостоятельно: одни архивные ресурсы стремятся максимально полно представить свои материалы в интернет-среде, другие же стремятся сделать свой сайт максимально удобным и легким, не перегружая его лишней информацией, третьи стремятся совершенствовать базы данных, доступные пользователям онлайн, размещая их на других адресах, но в рамках своего интернет-портала, четвертые пытаются совмещать все эти составляющие.

1. РГАДА : официальный сайт. URL: <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8>

2. Документы А. К. Толстого в российском государственном архиве литературы и искусства // РГАЛИ : официальный сайт. URL: http://www.rgali.ru/a_k_tolstoy#

3. Первая мировая война в документах деятелей отечественной культуры // РГАЛИ : официальный сайт. URL: http://www.rgali.ru/pervaja_mirovaja_voina#

4. Сборники документов // РГВА : официальный сайт. URL: <http://rgvarchive.ru/publikatsii/sborniki-dokumentov.shtml>

5. РГАСПИ : официальный сайт. URL: <http://rgaspi.org/about/virt>

6. Приложение к письму Росархива от 17.05.2001 г. № 6/513-К «Рекомендации по созданию архивного сайта в Интернет» // Архивы России. URL: <http://www.rusarchives.ru/methodics/sait.shtml>

Д. И. Климовская

Алтайский государственный университет

Организация предоставления государственных и муниципальных услуг в субъектах РФ (на примере КАУ «МФЦ Алтайского края»)

Неизбежные процессы информатизации общественной жизни привели к изменению характера взаимоотношений государства и общества. Значительным изменениям подверглась сфера оказания государственных и муниципальных услуг. Теперь гражданину, чтобы разрешить какую-либо «жизненную» ситуацию, достаточно обратиться в МФЦ – многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг.

Подобные учреждения работают «по принципу одного окна» – гражданин получает услугу непосредственно в МФЦ, не взаимодействуя при этом с органами государственной власти и местного самоуправления. Это позволяет сократить как временные, так и материальные (в ряде случаев) издержки человека, обратившегося за услугой.

В Федеральном законе 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» имеется отдельная глава, посвященная организации предоставления государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах [1]. В ней рассматриваются особенности организации предоставления услуг в МФЦ, перечисляются функции, права, обязанности и ответственность МФЦ, говорится об обязанностях государственных и муниципальных органов, предоставляющих свои услуги в МФЦ, приводятся требования к соглашениям о взаимодействии.

Согласно этому федеральному закону, в каждом региональном МФЦ должен быть Перечень услуг, которые он предоставляет. Как правило, он состоит из: а) государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов; б) государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти субъекта РФ, территориальными государственными внебюджетными фондами; в) муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления.

Рассмотрим перечень услуг, предоставляемых КАУ «МФЦ Алтайского края». На региональном сайте учреждения Алтайского края представлен соответствующий раздел, где перечисляются услуги, которые можно здесь получить [2]. Для удобства они разделены на группы по категориям пользователей – на услуги юридическим (122 услуги) и физическим лицам (210 услуг). Далее идет деление на подгруппы: услуги по ведомствам и по жизненным ситуациям.

Первая подгруппа охватывает услуги, предоставляемые 31 ведомством. В порядке убывания назовем самые востребованные из них. Для физических лиц – это Главное управление Алтайского края по труду и социальной защите (40 услуг), Отделение Пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю (16), администрации районов г. Барнаула (15), Управление Алтайского края по труду и занятости населения (13), Комитет жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула (12). Для юридических лиц – Управление Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры (12), Управление Федеральной налоговой службы по Алтайскому краю (11), Комитет по земельным ресурсам и землеустройству г. Барнаула (9), Комитет по строительству, архитектуре и развитию г. Барнаула (8), администрации районов г. Барнаула (8).

Вторая группа состоит из услуг, сгруппированных по жизненным ситуациям: «Рождение ребенка» (26 услуг), «Выход на пенсию» (26), «Открытие своего дела» (24), «Смена места жительства» (22).

При предоставлении услуг в МФЦ обеспечиваются необходимые условия обслуживания заявителей. Так, в Правилах организации деятельности МФЦ говорится о возможности обращения заявителей по предварительной записи, ограничивается время ожидания в очереди и получение результата услуг пятнадцатью минутами, предусматривается удобный график работы МФЦ с учетом приема заявителей не менее пяти раз в неделю, а также в вечернее время и выходной день [3].

Подводя итоги, следует отметить, что благодаря созданию МФЦ в регионах России большинство необходимых справок стало возможным получить сразу и на месте, потому как работа учреждения значительно упрощает процесс оформления документов. На сегодняшний день в многофункциональном центре Алтайского края организовано предоставление более 300 государственных и муниципальных услуг. Количество обращений граждан в данное учреждение с каждым годом возрастает, что еще раз подтверждает его значимость среди населения.

1. См.: Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html>.

2. См.: Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Алтайского края. URL: <http://www.mfc22.ru/>.

3. См.: Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376 г. «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: <http://www.rg.ru/2012/12/31/centri-dok.html>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ – архив этнографического бюро
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАКО – Государственный архив Курганской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ЛА – личный архив
ПГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории
ПМ – полевые материалы
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦДОСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Косых Т. А. Образ Востока в «Истории Расселаса, принца Абиссинского» С. Джонсона.	3
Немшанова С. В. Мехмед II Завоеватель глазами западных гуманистов XV в.	6

Секция I

РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Емельянов Д. В. Лыжи как историко-этнографический источник по изучению деревообработки кумандинцев (конец XIX – начало XX в.)	9
Михалева Е. А. Связь нагайбаков с другими народами на основе анализа похоронно-поминального комплекса	11
Фахрутдинова Н. Р. Башкиро-татарское трансграничье на Среднем Урале: история и современность	13
Бабаева М. Е. Легенда о Беловодье: исследовательские возможности источника (по материалам «Путешественника»)	15
Бахарев Д. С. О характере реставрации православного самосознания	17
Попова Н. Ю. Религиозное сообщество Свидетелей Иеговы Екатеринбурга	19
Коркодинова А. В. Лютеранская община Екатеринбурга в конце XX – начале XXI в.	21

Секция II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Горохов А. А. Формирование царского хозяйства в период правления древнеизраильского царя Давида (первая половина X в. до н. э.)	24
Рассохин Ф. В. Толкование надписи из Олимпии о подвиге Бибона в свете опыта современных атлетов	26
Трошин В. А. К проблеме источников о жизни и деятельности Архита Тарентского .	28
Фейгин Д. М. Система магистратур в Римской Республике: машинерия исполнительной власти	30
Лукьянов А. О. Эволюция религиозной политики римских императоров в период кризиса тетрархии (от Диоклетиана до Константина)	32
Левинская Я. В. Иоанн III Дука Ватац в трудах византийских авторов XIII – начала XIV в.	35
Уварова В. Г. Иоанн Кантакузин и его «История»	37

Савина К. А. Скараник как отличительный признак поздневизантийского аристократа (по Псевдо-Кодину)	39
Гимадеев Т. В. Критика и восприятие концепции гуситского движения Ф. Палацкого в отечественной историографии 1840–1850-х гг.	41
Старцев С. А. «Большой ценности он не представляет, а вред – большой»: о работе С. А. Жебелёва в ГАИМК в первой половине 1930-х гг.	43

Секция III

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОЧНИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Пальянова Н. О. Афинянка в судебных речах Лисия	45
Чувашева А. С. Женщины-соблазнительницы в исторических произведениях Тацита и Светония	47
Созинова К. А. Светское общество в Англии на рубеже XVIII–XIX в.: манеры и нормы этикета (на примере романов и переписки Джейн Остен)	49
Вельмакина М. С. «Томские губернские ведомости»: ответ на «женский вопрос»	51
Снигирева Д. А. Советский стиль по женским журналам: «Работница», «Крестьянка», «Журнал мод» в 1953–1964 гг.	53
Зарубская В. Л. Дискурсы сексуальности и полового воспитания школьников в средствах массовой информации в эпоху перестройки	55

Секция IV

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ТЕКСТЫ И ОБРАЗЫ

Шипицына Ю. С. Сад за стеклом, или Преимущества визуальной культуры (на примере прерафаэлитизма)	58
Дриллер К. В. Народническая серия картин И. Е. Репина как отражение протестных настроений	60
Сенюхин А. А. О ренессансной трактовке библейских текстов в Древней Руси: Фёдор Карпов и 3-я книга Ездры.	62
Кузеванова А. Д. «Конец Зарубежья»: размышления русских эмигрантов об итогах Исхода	64
Осминин В. Э. Супергероика: американский комикс и новая мифология	66
Гиматдинова Г. И. Формирование образа Габдуллы Тукая в культурной памяти	68
Брызгалова В. Е. Неудавшийся экспорт революции – конец Гарлемского ренессанса?	70
Градковская Е. В. Придворная культура Японии эпохи Хэйан (794–1185) по литературе жанра никки	72
Атаманова В. И. «Повесть о доме Тайра»: история формирования самурайского сословия	74
Курасова А. С. Проблемы профессиональной коммуникации историков в виртуальном пространстве: опыт историографических поисков и собственных наблюдений	76

Секция V

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Петров А. В. Вестфальский конгресс в отечественной историографии.	79
Пименов П. С. Актуальные проблемы историографии и источниковедения по вопросам состава и функционирования акционерного собрания Российско-американской компании	81
Хамзин И. Р. Ведомственные структуры Российской империи в процессе разрешения «Илийского кризиса» в 1870–1880-х гг.	83
Ильина О. В. Лозаннская конференция 1922–1923 гг. и проблема статуса доминионов в отражении канадских парламентских документов.	85
Гаева Ю. Д. Оценка внешнеполитического курса 35-го президента США Дж. Ф. Кеннеди в работах А. А. Громыко	87
Жихарев Н. А. Конституция 1974 г.: к вопросу о причинах распада Югославской федерации	89
Морий С. М. Сделка века «Газ – Трубы»: трудности в осуществлении (по материалам журнала «Der Spiegel»)	91

Секция VI

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Назаров А. Д. Преторианские когорты: участие в военных кампаниях в I в. н. э.	94
Силачева Е. А. Титулатура архонтов балканских фем Византии в VIII–IX вв. по данным сфрагистики	96
Капсалыкова К. Р. Образы военачальников в византийской исторической литературе XI в.: «бездарный полководец» Михаил, сын логофета Анастасия	99
Белоруссова Т. Е. Крестовый поход Гийома VI, сеньора де Монпелье	101
Гурский М. М. Письменные источники по изучению повседневной жизни нижних чинов русской армии во второй половине XVIII в.	103
Путилова Е. В. «Язва сопротивления» как предпосылка падения бонапартистского государства в Испании (1808–1814 гг.)	105
Галкина Ю. М. Политические результаты военных усилий на примере французских миссий в Сербии и на Корфу 1915–1916 гг.	107
Пыльцын Ю. С. Бои 1-й Терской казачьей дивизии с конницей Будённого на Дону зимой 1920 г.	109

Секция VII

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Зайцева Д. В. Публичное пространство термидорианского Парижа по донесениям полицейских агентов	112
--	-----

Павлюкова Н. А. Минералогическая коллекция А. Ф. Турчанинова: к вопросу об одворянивании заводовладельца	114
Карманова Е. Д. Студенческая повседневность XIX в.: исторические источники. . .	116
Тишкина К. А. Печатные органы благотворительных организаций Сибири в годы Первой мировой войны	118
Сосновский И. А. Постановления Бийских органов местного самоуправления как документальный источник по изучению вопросов благоустройства города во второй половине XIX – начале XX в.	120
Катанцев Д. В. Повседневность города Кургана в ракурсе документов Чекатифа. . .	122
Бобицкий А. В. Исследование проблемы «советского человека» в рамках современной отечественной истории повседневности	124
Павлова Н. А. Воспоминания рабочих как источник по изучению повседневного дискурса.	126
Семёнова Т. С. Журнал «Студент-рабочий» Уральского политехнического института как источник по истории советского студенчества	128
Сурков М. Ю. Журнал «Современная архитектура» (1926–1930): история и структура.	130
Беспалова К. А. «Гостеприимство» Советской России	132
Грядникова Г. А. Труд в повседневной жизни советских граждан 1960–1970-х гг. . .	134
Дементьева А. А. Отражение студенческих ценностей в фольклоре	136

Секция VIII

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понамарёва А. О. Внешняя торговля средневекового Новгорода: проблема соотношения письменных и археологических источников	138
Накишова М. Т. Формы социальной самоидентификации российских подданных во второй половине XVII в. (по материалам челобитных служилых людей)	140
Гундова О. Е. Историография модернизации горно-металлургической и оружейной отраслей промышленности России в первой половине XVIII в.	142
Порунов М. В. Вопросы организации делопроизводства в «Пунктах о управлении в Кунгуре дел обще с капитаном Берлиным, школьником Калачовым во отбытие капитана Татищева и берг-мейстера Блиера» (декабрь 1720 г.)	144
Плате А. Материальное обеспечение присутственных мест при открытии Пермского наместничества осенью 1781 г. на примере верхней расправы Екатеринбург	146
Уланов К. А. Екатеринбургское горное начальство и его протоколы (1801–1807 гг.)	148
Лысенко М. Ф. Протоколы Горных советов как источник по изучению административных и социально-экономических процессов Колывано-Воскресенского горного округа	150

Иванова Д. С. «За все сии работы получают впрочем приличное вознаграждение деньгами...»: материальное сопровождение топографической экспедиции Э. Бержье и А. Аллори на Урале в 1839–1854 гг.	152
Таланцев И. А. Реформирование в Туркестанском крае до 1886 г. в контексте модернизации	154
Кохановский А. А. Предвыборные листовки как источник об истории межпартийной борьбы в период революции 1917 г.	156
Концевой И. А. Участие левых эсеров в работе Президиума ВЦИК II–IV созывов (по документам ГАРФ)	158
Козлова Т. Ю. Материалы личного происхождения как источник представлений И. О. Сталина о социализме.	160
Клочкова Я. С. Кладбище как исторический источник.	163
Копырина С. Н. Актуальные проблемы современного источниковедения с точки зрения использования сайтов федеральных архивов России как инструмента для получения доступа к историческим источникам	164
Климовская Д. И. Организация предоставления государственных и муниципальных услуг в субъектах РФ (на примере КАУ «МФЦ Алтайского края»)	166
Список сокращений	169

Научное издание

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.
ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ

Материалы докладов VIII Всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых исследователей

Екатеринбург, 28 ноября 2015 г.

Редактор Е. Е. Крамаревская
Верстка А. Ю. Матвеев
Ответственный за выпуск Д. Д. Шакирзянова

Подписано в печать 29.07.2016. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 10,2. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ 309.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-info@mail.ru